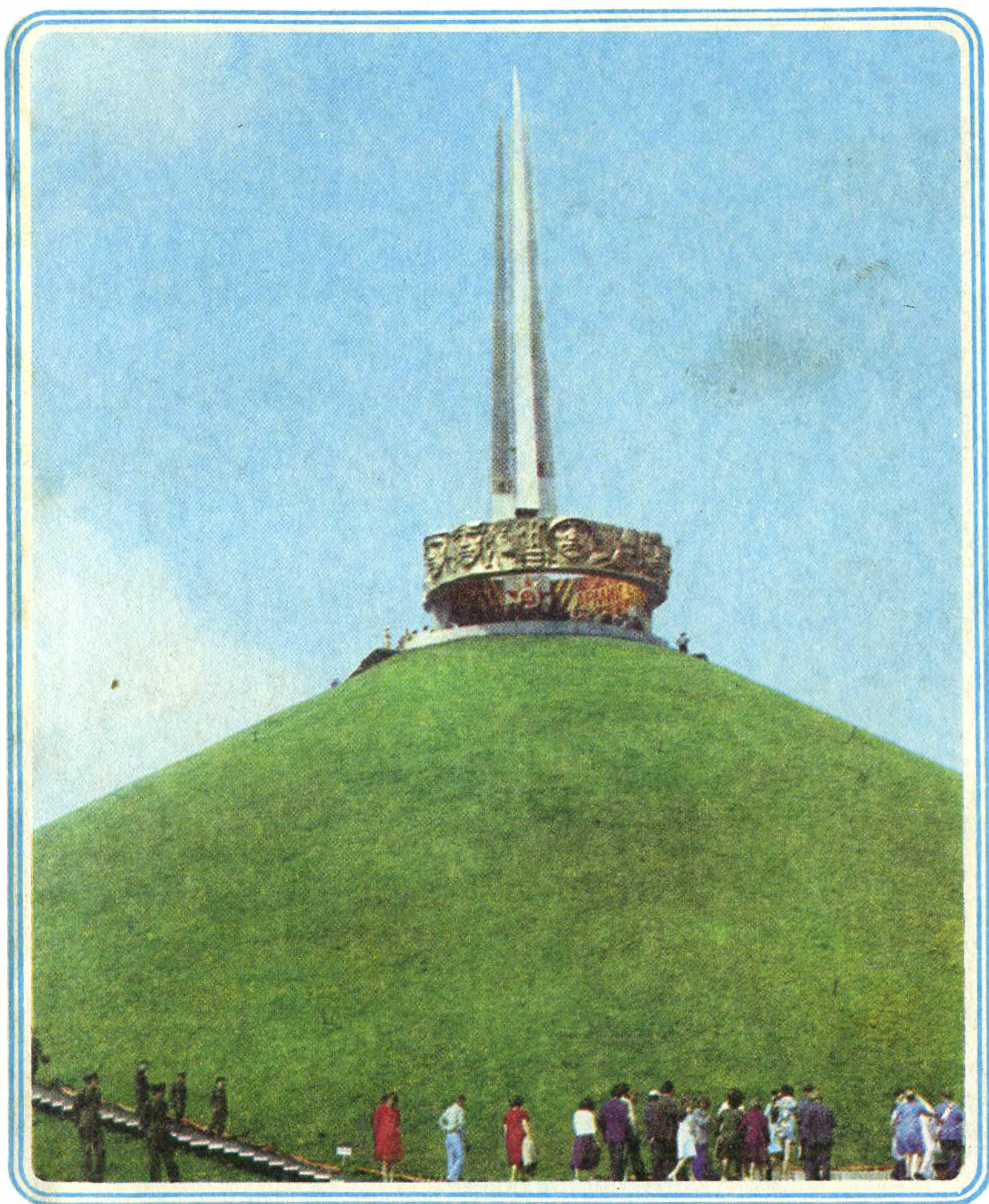

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

5
1984

Директор совхоза «Азовский», Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда Василий Иванович Головченко проводит с учениками местной школы «Урок мужества». (Читайте репортаж «Человек на своей земле».)

Фото В. Зими́на

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

5 (161) МАЙ 1984
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Правда»
Москва**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:**

В. М. Сиренко
(главный редактор),
И. В. Гранкин (заместитель
главного редактора),
Э. П. Зоринянц (ответственный
секретарь), И. Н. Кузнецов,
В. Д. Поволяев, А. М. Рекунков,
П. И. Седугин, Ю. С. Семенов,
Е. В. Смирнова, А. Я. Сухарев,
А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Свет нашей Победы. Беседа с лауреатом Государственной премии СССР писателем Григорием БАКЛАНОВЫМ 4

■
Продовольственная программа — всенародное дело

В. СТЕРИН. Люди — страде, страда — людям. Заметки о работе юридической службы РАПО 13

■
СОБЕСЕДНИК

Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь

Главный резерв — повышение ответственности. На вопросы нашего корреспондента отвечает первый заместитель министра путей сообщения СССР В. Н. ГИНЬКО 19

Человек на своей земле. Фоторепортаж о Герое Советского Союза, Герое Социалистического Труда В. И. Головченко 26

Л. ВАСИЛЬЕВА. «Мама, как тебя зовут?» Размышления после поездки по детским домам Калининской области 29

В. ВОРОШКО, А. ЗАХАРОВ. Москва, улица Куйбышева, 7/3. Репортаж из приемной Верховного суда РСФСР 35

■
Экономика и право

Б. ФЕДОРОВ, главный специалист Министерства сельского хозяйства СССР. Чтобы строже был спрос. О путях укрепления трудовой дисциплины в колхозах 39

А. ВАСИЛЬЕВ. Эффект «предприимчивости». Очерк 46

■
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. ТКАЧЕВСКИЙ, доктор юридических наук. И строгость и гуманность. Об ответственности несовершеннолетних за правонарушения 51

■
Ю. ПЕРЕСУНЬКО. Скользящая грань. Хроника одного расследования с комментарием юриста 58

■
ИНФОРМАЦИЯ. КОНСУЛЬТАЦИИ. ОТВЕТЫ

Юридический словарь

К. СКВОРЦОВ, доктор юридических наук. Прокуратура 69

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Курган Славы на шоссе Минск — Москва.

Четвертая страница

Вечер на Волге.

Фото В. Зимина.

Е. ГЕРШАНОВ, кандидат юридических наук. Профсоюзный комитет	71
М. ЕЛИСЕЕНКОВА, ведущий специалист Госкомтруда СССР. Работа по совместительству	74
Проверьте ваши знания	76
Наши консультации	
В. РОЩИН, юрист. Копии документов	76
Судебная хроника	79
По протесту прокурора	80
Читатель на приеме у юриста	81
■	
С. ПЕТРИКЕЕВ. По долгу совести. Очерк о прокуроре города Веймара (ГДР)	83
■	
В. МОЛЧАНОВ. Преступления большого бизнеса	87
Они сами о себе	
Б. ДАСЮК. Когда собак слишком много	92
■	
А. МОЛЧАНОВ. Перекресток для троих. Повесть. Окончание	93
■	
ИМЕНЕМ САТИРЫ	
М. ХАЗИН. Машинная возня. Судебный фельетон	124
А. ШИНКАРЕВ. Тайны хорошей кухни. Юмореска	126
■	
Зарубежная мозаика	128

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА.

Сдано в набор 02.02.84. Подписано в печать 23.03.84. А 07623.
 Формат 84 × 108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Уч-изд. л. 9,29.
 Усл. кр.-отт. 7,56. Изд. № 922. Зак. № 2345.

Отпечатано 1 500 000 экз. (из общего тиража 8 627 000 экз.) с матриц ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16. Зак. 4428

СВЕТ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

«...Родятся после войны новые поколения и будут...
беспечны, как беспечна молодость. Надо, чтобы они знали,
какой ценой добывалась для них жизнь на свободной земле...»

Г. БАКЛАНОВ
«Пядь земли»

Май сорок пятого. Стихал военный ураган. Пришла весна долгожданной Победы. Солдат Великой Отечественной шел к ней 1418 дней, добывая в яростных, жесточайших сражениях.

Время уходит безвозвратно. Но, оглядываясь сквозь годы назад, все отчетливей проникаешься величием подвига, силой духа людей, которые в смертельной схватке отстояли Родину, сберегли свободу.

Девятое Мая — праздник всепародный. Яркий, немеркнущий свет нашей Победы будет жить в веках. Доблесть и героизм не уходят в прошлое. Тишина на могилах павших. Пламя Вечного огня — это пламя двадцати миллионов сердец тех, кто уже никогда не вернется. Но печаль наша горда, крепка память...

Снова и снова возвращает она нас в далекие годы.

...В чреве мрачных подвалов мюнхенских пивных рождался ужасный лик фашистской Горгоны. Зловещий шепот через пять лет перерастет в кровавый воинственный рык. Взметнется над миром паучья свастика и оплетет сетью невиданного кошмара. Исторические аналогии жестокости померкнут перед злодеяниями профессиональных убийц. Творец адовой машины — капитал — поставил смерть на конвейер. Империя варварства росла как на дрожжах.

Ненависть, кованый сапог, «новый порядок», колючая проволока, «Европа говорила по-немецки и плакала по-немецки, передавала немецкую музыку, и веселилась, и танцевала под нее. Во Франции, в Дании, в Голландии, в Бельгии, в Норвегии, в Польше, в Чехословакии — на всех волнах раздавалась немецкая речь. В Белграде и Афинах звучало одно и то же немецкое танго, сладкое, медленное». Г. Бакланов. «Июль 41 года».

Память возвращает...

22 июня сорок первого года. Фашистская гидра ползла по стране. Земля горела, стонала под железной армадой. Отчизна звала на бой сыновей. Каждый знал: судьба Родины в его руках. И даже смерть не могла вырвать оружие из этих рук. Тряслась земля. Крошился камень. Плавился металл. Дымился воздух. Держались люди. Стояли насмерть. Они понимали: фашист, убитый здесь, не пойдет дальше, на восток. Эта мысль снова и снова поднимала бойцов в атаку на встречу ненавистному врагу...

Наша память — Бухенвальд и Освенцим, Бабий Яр и Хатынь, пылающий истребитель Гастелло и подвиг Матросова.

Наша память — это Знамя Победы над рейхстагом, это чеканный шаг воинов-победителей на Красной площади. Это фейерверк победного салюта в ликующей столице. Это благодарная Европа. Оглушающая мирная тишина.

Так было...

Человек помнит военный огненный смерч, человек кровно связан с поколением, которое мы зовем — солдаты Великой Отечественной. Наш собеседник — писатель Григорий Яковлевич Бакланов почти тридцать лет творческой жизни посвятил памяти людей, отдавших все Великой Победе. Лауреат Государственной премии СССР (повесть «Навеки — девятнадцатилетние»), автор произведений «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут», «Июль 41 года», «Южнее главного удара», «Карпухин», «Меньший среди братьев» и ряда других.

* * *

Бакланов родился в 1923 году. Родной город — Воронеж. Обычная довоенная биография. После девятого класса — авиатехникум.

Когда началась война, пошел на фронт добровольцем, как многие из этого поколения. Что думали они тогда, в предвоенные годы, о чем мечтали, как воспринимали грозное время? Писатель вспоминает о тех, кого увековечил в повести «Навеки — девятнадцатилетние».

...И все, что было и не было, хоть могло бы быть, все это вместило теперь одно слово: **«ВОЙНА»**...

Г. БАКЛАНОВ
«Пядь земли»

Г. БАКЛАНОВ. ...Многое из своей фронтовой биографии написал в невыдуманном рассказе «Как я потерял первенство». Северо-Западный фронт до ноября 1942 года. Потом — Второе Ленинградское артиллерийское училище. Окончил его в августе 1943 года, когда отгремели уже сражения под Курском. Так что на Курскую дугу не попал. И вот 3-й Украинский, тогда он назывался Юго-Западный фронт, под Запорожьем. Там, в первом бою, был тяжело ранен. Потом госпиталь. Снова фронт, теперь уже до конца войны.

Если говорить о восприятии молодого человека того времени — оно до первого ранения нередко бывало очень наивным. Я, например, был совершенно уверен, просто убежден, что меня не ранят и не убьют. Хотя оснований для этого не было. Скорее наоборот. И многие мои сверстники так и погибли с этой святой наивностью и святой верой.

Заметьте, большинство писателей, пишущих о войне, не пехотинцы. Есть летчики, танкисты. Но, как правило, артиллеристы. Носов — артиллерист, Ананьев, Астафьев — артиллеристы, Быков тоже большую часть войны прошел с артиллерией, хотя начинал в пехоте. И главная причина не в том, что по традиции русской армии артиллеристы считались наиболее образованным родом войск. Пехотинцы чаще гибли. Наверное, и я поэтому живу на свете, что был в артиллерии, да еще в тяжелой.

Наше поколение жило сознанием неотвратимости надвигающейся войны. И мы были готовы к испытанию, как к главному делу нашей жизни. Готовились не просто к войне, а к войне с фашизмом. Знали — предстоит защищать Родину, все, что нам дорого. Это и было главным восприятием нашего времени. С ним мы пошли на фронт,

Наше поколение — это очень убежденное поколение, убежденное в том, что нам выпало жить в тот исторический момент, когда решается судьба важного, грандиозного, чрезвычайного дела... судьба всего человечества.

* * *

...Он упал лицом вперед и лежал в позе спящего. Когда его перевернули, стало видно, что он, должно быть, недолго мучился — на лице у него было такое спокойное выражение, словно он был даже доволен тем, что все кончилось именно так...

Э. М. РЕМАРК
«На Западном фронте без перемен»

История войн — это трагедия бесчисленных жертв, бедствия народов, тяжчайшие испытания. Первая мировая война охватила 38 государств, 29 миллионов человек вовлечены в побоище, мобилизовано 74 миллиона. 10 миллионов погибших, 20 — раненых и контуженных. Громадные разрушения. Появилось «потерянное поколение» людей.

Литература глубоко отразила этот процесс. Возник термин, подсказанный американской писательницей Гертрудой Стайн, введенный писателями Хемингуэем и Ремарком, отобразивший целую эпоху. Пессимизм в жизни и литературе. Казалось, такой ужас не может повториться.

И вот... Вторая мировая. 72 государства в войне, 110 миллионов человек поставлены под ружье. 55 миллионов погибших. Колоссальные жертвы. В руинах целые города. Да что города! Страны! Для советского народа это была Отечественная война.

Из предписаний гитлеровского командования:

«...Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом... Чтобы в корне задуть недовольство, необходимо по первому поводу незамедлительно принять наиболее жесткие меры... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения...»

Но мы верили, что выстоим, победим! При всем драматизме ситуации и литература наша была овеяна оптимистическим настроением. Почему так случилось? В чем здесь секрет?

Писатель размышляет.

...Это была смерть, он понял сразу, но отчего-то не мог ничего сделать, ни крикнуть, ни отскочить, а только стоял и прикованно смотрел на этот брызжащий в него огонь...

Г. БАКЛАНОВ
«Мертвые сраму не имут»

Г. БАКЛАНОВ. ...Первая мировая война была бессмысленной. Возьмите Ремарка или Барбюса, «Тихий Дон» Шолохова. Люди не понимали, за что истребляют друг друга. Литература XIX века, особенно конца, — это «золотой» век. Она взывала к гуманизму. И вдруг война! Жестокая, с применением всех тогда известных способов уни-

чтожения. Появились газы — применяют их. Аэропланы — и они пущены в ход. Не случайно первая мировая дала много примеров сумасшествия. В частности, один эпизод описан в «Тихом Доне».

В Отечественной войне 1941—1945 годов я таких случаев не наблюдал, хотя оружие было несравненно губительнее. Окончилась первая мировая война — и люди в недоумении. За что уничтожали? Что это было? Чего добились? Отсюда и «потерянное поколение», которое вернулось снова к жизни, но уже не нашло себе в ней места. Они стали никому не нужны. Идеалы рухнули. Вспомните «Возвращение» Ремарка. Все, чему учили в школе, оказалось обманом. На войне они воочию увидели лживость всего того, что им усердно внушали.

Война, в которой участвовало наше поколение, была совсем другой. По многим причинам. В нашу страну вторгся враг. Началось физическое истребление народов. Шла невиданная, неизмеримая борьба не только двух политических систем — шло сражение за существование самой жизни, буквально, в биологическом смысле. Весь мир превратился бы в гигантский концентрационный лагерь, если бы победил фашизм.

У нас не могло быть поколения, описанного в западной литературе. Как могло оно стать «потерянным», когда люди сражались за правое дело. Когда спасен был народ, страна, человечество. Для всей мировой истории наша победа значила очень, очень много. Поэтому наше поколение, хотя и понесло огромные потери, вернулось нравственно и духовно здоровым. Иным оно и не могло быть. Люди участвовали в справедливой войне, отстаивали Родину. Такое понимание событий осталось в наших сердцах на всю жизнь... Это героическое, а не «потерянное» поколение. Таким останется оно и для потомков.

Я знаю, что моим сыну и дочери приятно сознавать, что в годы тяжелейших испытаний для народа их отец делал то единственно достойное дело, которое должен был делать тогда каждый человек,

* * *

...Есть только одна политическая система, которая не может дать хороших писателей, и система эта — фашизм... Фашизм — ложь, и поэтому он обречен на литературное бесплодие...

И когда он уйдет в прошлое, у него не будет истории, кроме кровавой истории убийств...

Э. ХЕМИНГУЭЙ
«Писатель и война»

Нашествие разгромлено. Мрачная глава истории закрыта. Дорогой ценой далась Победа. Ветер унес пороховой дым. Среди тех солдат, которые вернулись после долгого похода домой, был и Григорий Бакланов. Вернулся с мыслью рассказать о времени, которое могло составить эпоху, которое уже становилось историей. Только они, прошедшие огонь и воду, могли убедительно и реалистично рассказать обо всем виденном, сохранить в памяти последующих поколений.

Писатель не спешил, понадобилось четырнадцать лет упорной учебы и труда на новом поприще, прежде чем появилась первая повесть,

привлекшая внимание читателей. Уже в ней автор проявился не просто писателем-баталистом, не просто военным прозаиком. Его произведение отразило в себе глубокий нравственный аспект войны, несло философские размышления. Все, что копилось в нем годами, емко и глубоко вобрало творчество.

Послевоенная литература уделяла большое внимание нравственному миру человека-воина. И с каждым годом этот интерес только возрастал. Чем объяснить такое внимание к миру внутренних переживаний героев? Зависит ли это от личности самого автора?

...В том, что он повидал за эти годы, не было легких объяснений...

Г. БАКЛАНОВ

«Навеки — девятнадцатилетние»

Г. БАКЛАНОВ. В литературе многое зависит от самого писателя, его таланта. Твардовскому не довелось воевать солдатом в окопах. Но это великий поэт, и он написал «кингу про бойца», написал «Василия Теркина», книга его живет и переживает время.

Хемингуэй в свое время пробыл на фронте неделю, был ранен. Но как много значила эта неделя для него! Как много она дала мировой литературе!

Мои ровесники в большинстве своем были на фронте солдатами, младшими офицерами, находились, как правило, на передней линии или ближе всего к ней. И войну мы видели такой, какой видело ее большинство сражавшегося народа. И героями первых книг, написанных моими сверстниками, мною, естественно, стали рядовые и младшие офицеры. Но, рассказывая о человеке, рассказывая правду, можно рассказать и о великих событиях. Потому что человек — мера всех мер. Он творит и малое и великое. И историю создает он, а не кто-то помимо него.

Этим путем и в прошлом шла классическая русская литература. Достаточно вспомнить «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, из которых все мы вышли. На войне я ничего не писал, не вел записных книжек. Да это, впрочем, и не полагалось, так как любые записки, найденные на убитом, давали противнику разведывательный материал.

На войне мы воевали. Я и в мирное время не представляю себе, как это можно собирать материал для книги. Надо просто жить и участвовать в жизни.

* * *

Григорий Яковлевич Бакланов — автор многих произведений, герои которых живут в нашей современной действительности. Многие, как бы повторяя путь автора, из военного лихолетья окунаются в мирную жизнь, в перипетии сложных коллизий. Писатель не ищет своим персонажам легкой жизни. Внимательно и придирчиво оценивает поступки, мысли, пытается разобраться, порой в непростых явлениях. Высокий нравственный ориентир, глубокая и верная истина, приобретенные в военные годы, позволяют строго, но справедливо оценивать героев. Что значат в сегодняшней жизни понятия «совесть», «долг», «честь», «мужество»?

...В иные моменты легче быть героем, чем остаться просто порядочным человеком....

Г. БАКЛАНОВ
«Июль 41 года»

Г. БАКЛАНОВ. Если вдуматься, писатель на протяжении всей своей жизни пишет в общем-то одну книгу. С разными сюжетами, с разными героями. Но в целом — одну, которая отражает его нравственные принципы, его взгляд на мир и то, что он хотел бы видеть в жизни. Нравственные принципы неизменны. Это — главное, что связывает все произведения независимо от тематики — военной или мирной.

Я писал всегда о времени и о людях, которые в нем жили. О том, что человек должен быть и оставаться человеком, как бы трудно ни складывались обстоятельства. А нравственные проблемы не делятся на проблемы мирного и военного времени. Василь Быков правильно сказал в одном из интервью: во время войны жить хотелось всем, но выжить всем было невозможно, и этим определялись поступки. Достойный, честный человек не перекладывал свою судьбу на чьи-то плечи, не жертвовал кем-либо, чтобы выжить самому. Так ведь и в мирное время очень часто те же проблемы возникают перед нами. Другой вопрос, что тут нет этого неминуемого противопоставления: жизнь — смерть. Но смотрите, как в мирной жизни трудно бывает одолевать соблазны, которым, в общем-то, цена — грош. А ведь ради соблазнов, ради мелкого благополучия нередко жертвуют и талантом, и достоинством, да и жизнь коверкают все ради тех же соблазнов, которые ничто по сравнению с жизнью.

То, что становится трагедией на войне, зреет в мирное время, и большинству даже не видно, как оно зреет. Ну, могли ли представить себе люди, скажем, в начале века, что вот такая невиданная трагедия разразится в Кампучии?

Каждый раз, когда мы поступаемся совестью, мы коверкаем чью-то жизнь. Об этом литература должна напоминать неустанно. Вот повесть Валентина Распутина «Живи и помни». Многие поняли так, что это повесть о дезертире, даже возмущались: что, мол, о дезертире писать, дезертира надо карать, а не рассматривать его психологию... А эта повесть — о Настёне, о простой, честной, святой душе женщины. Настёна несравненно выше, чище своего мужа. В том-то и трагедия, что за его преступление, за его грех она пострадала. Ты струсил — на другом отразилось. Ты изменил — страдает ближний. Люди связаны единым током крови: и в мирной жизни и на войне.

* * *

Журнал «Человек и закон» вполне оправданно интересуется мнением писателя о том, что объединяет два общественных регулятора: мораль и право. Какова взаимосвязь? Что в ней наиболее существенно? Гуманистическая направленность объединяет советское право и мораль. Они — своеобразные путеводители для каждого человека и необходимы обществу. К сожалению, это понимают не все. Жизнь таких людей строго карает. Зачастую нарушение норм нравственности ведет к нарушению норм законодательства. А как следствие этого — жизненные драмы.

Г. БАКЛАНОВ. Мудрому, как говорят, закон не нужен. Это так.

Но большинству людей закон необходим. Мораль, нравственность и правопорядок неразделимы.

Не так давно в «Литературной газете» была напечатана моя статья «Ехали земляки...». В воскресный день люди собрались на свои садово-огородные участки, расписание автобусов переменялось, надо было ждать два часа на ветру, но подъехал ведомственный автобус, и все устремились в него. Все это были жители одного маленького города, но одни — работники автотранспортной колонны и в этом автобусе — «свои», а восемь горожан, тоже ехавших в автобусе, не работали в этой организации и потому — чужие. И все это закончилось трагедией, смертью одного из пассажиров, пожилого ветерана войны. Он просил остановить автобус, ему, как и остальным семерым, нужно было выйти у своих участков, но шофер решил наказать их всех, чтобы следующий раз не сажались не в «свой» транспорт. И вот это издевательство закончилось смертью человека. А произошло это потому, что «свои» молчали и этим молчанием поощряли издевательство.

Пришло в редакцию много возмущенных писем. Люди требуют жестоко покарать шофера. Сотни писем. Но ведь статья была не о нем — тут все слишком ясно, тут дело суда и следствия. Статья была о том, что так жить нельзя, что мы сами равнодушием, жестокостью, молчанием нередко порождаем и трагедии и преступления.

Другой случай. Прочитал как-то в газете статью. Речь шла об ограблении магазина, которое совершил молодой парень, строитель, по отзывам, очень положительный человек.

Предыстория такова. Строители готовились к сдаче объекта, цеха, кажется, точно не помню. Его надо было застеклить, в том числе и крышу. Работали аврально. Потом другая бригада спешно красила переплеты, рамы. Стекла забрызгали краской. Очищать долго. А комиссия вот-вот нагрянет. И какой-то начальник нашел выход. Приказал стекла побить и вставить новые. Бессмыслица? Да! Но не только. Когда все проделали, рабочий взял и ограбил магазин.

Этот поступок так же нелеп, как и то указание. Сложными, неоднозначными путями один абсурд породил другой. Человек работал, старался. А его обидели, унизили. И обида за собственный труд переросла в противозаконие. Парня судили, наказали. Все правильно. Все по закону. Но вот вопрос: почему те, кто также был виновен, остались в тени? Преступление-то рождено нарушением нравственных норм! Вот вам, пожалуйста, сочетание морали, права и нравственности.

* * *

...Под шелест листьев и афиш ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж. Пусть вам ответят ваши сны, хотят ли русские войны...

Е. ЕВТУШЕНКО

6 августа 1945 года американский бомбардировщик «Энола Гей» взял курс на Хиросиму. Жизнь более 200 тысяч японцев вместились в бомбовой отсек самолета. Американский империализм показал зубы.

Во все времена находились люди, которые боролись против войны. Сегодня антивоенное движение охватило все континенты. Никто не хочет фатального исхода, никто не хочет быть жертвой кучки

маньяков. Нынешняя международная обстановка вновь неспокойна. Администрация США готовит народам мировое кладбище. Григорий Яковлевич, вы не раз были в Америке. Ваши впечатления о стране, образе жизни, людях? Как относятся они к политике милитаризации, которую американские власти ведут зачастую вопреки воле собственного народа? Насколько сильно воздействует американская пропаганда на массы? Вы рассказывали, что, находясь в одной семье, слышали, как дети, возвратившись из школы, убеждали, что учиться нет смысла: все равно все погибнут в атомной войне. Не отражение ли это официальной пропаганды и метод воспитания?

Вот пример несколько иной. После войны в Белоруссии был создан ряд мемориальных комплексов. Один из них называется «Жагда». Огромный каменный солдат ползет с автоматом в одной и каской в другой руке к воде. Рядом живая вода реки Муховец. Трагедия нескольких метров. Никогда не дотянется солдат до реки. Но чья-то заботливая рука все время наполняет живительной влагой его каску. Дети! Это они приносят солдату воду. И это тоже воспитание. Мнение писателя, солдата войны, авторитетно.

...Где-нибудь в Австралии вернулся сейчас мой ровесник с работы... Война там, в России, за неоглядной далью, за снегами. О ней он знает по газетам. Понимаешь ли ты, мой ровесник, что это и за такая война идет... Сегодня наш окоп преградил путь фашизму...

Г. БАКЛАНОВ
«Пядь земли»

Г. БАКЛАНОВ. Американцы знают о нас мало, очень даже мало. Причин для этого вполне достаточно. Они очень заняты своими проблемами, своими долгами: ведь многое американцы покупают в кредит, а кредиты надо выплачивать, а угроза безработицы все время висит над людьми. Поэтому все остальное в мире интересует их постольку-поскольку. Им прямо говорят: вы за то, чтобы заморозить ядерное оружие? Так вот, если это произойдет, в вашем штате столько-то тысяч потеряют работу.

Надо учесть и то, что пропаганда США — а строится она очень умело, с учетом психологии разных слоев, — представляет нашу страну, нашу политику, вообще нас весьма искаженно, внушает американцам мысль, что мы — главная угроза в мире и т. д. и т. п.

Я был в США в разные годы, большинство людей, с которыми говорил, встречался, конечно же, не хотят, боятся ядерной войны. А что означает ядерная война в наш век — американское искусство, антивоенное искусство показало смело и убедительно. Достаточно вспомнить фильм двадцатилетней давности Стенли Крамера «На последнем берегу» и недавний фильм, который смотрели более ста миллионов американских телезрителей, — «На следующий день».

Но, к сожалению, искусство не гарантирует от войн, неспособно предотвращать их. Если бы это было в силах искусства, великая русская и мировая классика XIX века сделала бы это. Но после «золотого» века искусства разразилась I-я мировая война.

Что же может все-таки сделать искусство? Оно должно нести правду, рассказывать людям и народам правду друг о друге. Когда был расщеплен атом, следствием чего явилась атомная бомба и вся та страшная угроза, которая сегодня нависла над человечеством, Эйнштейн сказал пророчески, что с расщеплением атома в мире из-

менилось все, кроме человеческого мышления, и если люди хотят выжить, они должны изменить свое мышление. Вот этому может помочь литература. Она должна помочь людям изменить мышление в ядерный век, сближать страны и народы, нести идеи гуманизма.

* * *

Величие исполинской Победы не померкнет. Страна и народ, чей дух был несокрушим, вынесли нечеловеческие испытания, удержали мир на краю гигантской пропасти. И сегодня наш народ самоотверженно отстаивает мир на земле, ибо знает, что такое война.

Пусть не пытаются западные стратеги умалить значение нашей Победы. Им не удастся замолчать или исказить события, которые явились поворотным пунктом всей мировой истории.

Нам не забыть дороги Победы: руины Брестской крепости и горящий Смоленск, холодный и неприступный Ленинград, тонкую нить «Дороги жизни», притихшую суровую Москву, развилку Дубосеково, легендарные слова политрука: «За нами Москва!», грозные и страшные для врага слова — Сталинград, «Огненная дуга»...

Тишина. Горит Вечный огонь. К нему всегда будут идти люди: и поседевшие в боях ветераны, и молодое, и совсем еще юное поколение нашей страны. Бессмертна память народа. Произведения Григория Яковлевича Бакланова — это тоже памятник тем, кто остался на полях сражений. В военную летопись своего поколения и он вписал свою страницу.

«Неужели и мысль невысказанная и боль исчезнут бесследно? Или что-то остается, витает незримо, и придет час — отзовется в чьей-то душе?» (Г. Бакланов. «Навеки — девятнадцатилетние»). Всей своей жизнью и творческой биографией он отозвался за тех, кто не смог этого сделать. Перо писателя ведет его горячее сердце, сердце солдата.

Время уходит. Отдаляются события военных лет. Память Великой Отечественной священна. Суровая и мужественная простота ратного труда с высоты лет только шире раскрывает нам величественную картину народного подвига, все ярче сияет свет нашей Великой Победы.

Беседу вел В. ПЕТРОСЯН

продовольственная программа— всенародное дело

Люди — страде, страда — людям

Вячеслав СТЕРИН

Заметки о работе юридической службы РАПО

...Латвийская ССР мало чем отличается от своей северной соседки. Может быть, только шире здесь дюны на берегах моря, выше сосны, меньше каменных россыпей на полях. Здесь вклад сельских юристов в укрепление экономики хозяйств тоже значителен. Вот только один, но весьма показательный и характерный факт — за один только год по их искам и претензиям колхозам и совхозам республики было возвращено 4 750 084 рубля. Тут кто-то даже подсчитал, какой экономический эффект приносит работа одного юриста в год, — он оказался равным 61 000 рублей.

Однако есть в деятельности сельских юридических служб республики и определенные недоработки. О них рассказывала начальник отдела правовой работы в народном хозяйстве Министерства юстиции Валентия Антоновна Лихолая. Не всегда учитываются во многих хозяйствах суммы ущерба, причиненные неисполнением договорных обязательств по техническому обслуживанию оборудования животноводческих ферм. Некоторые руководители хозяйств даже сейчас, когда созданы РАПО, живут еще в плену прежних представлений о взаимоотношениях с «всесильными» партнерами. Они и сегодня не предъявляют претензий той же «Сельхозтехнике», а ущерб списывают за счет хозяйственной деятельности колхозов и совхозов. В Тукумском РАПО юристы подсчитали, что в результате несвоевременного выполнения договоров по ремонту и обслуживанию холодильных

установок на фермах ущерб, понесенный хозяйствами в одном лишь году, составил около 6 000 рублей. А их руководители так и не решились взыскать с виновных ущерб. В Мадонском районе только за 10 месяцев 1982 года было зарегистрировано 148 случаев отказа холодильных установок на животноводческих фермах. В совхозах «Баркала» и «Праулиена» из-за этого было потеряно 32 тонны товарного молока. Кто поручится за то, что перебои в торговле молоком в городах Латвии в какие-то дни не были связаны с этой бесхозяйственностью?

Бывают еще случаи взаимного «амнистирования», прощения друг другу допущенных ошибок. Так, колхоз «Эверцнемс» задолжал в прошлом году рижской «Райсельхозтехнике» 89 000 рублей, однако никаких претензий ему не предъявили, и эти суммы взысканы не были.

Словом, новые отношения внедряются не так быстро, как хотелось бы. Но прежняя практика ведения дел, зачастую оборачивавшаяся бесхозяйственностью, недопустима. И об этом строго и прямо было сказано в приказе министерства сельского хозяйства республики. РАПО предложено принять конкретные меры, чтобы договорные обязательства выполнялись, а виновные в их срыве привлекались к ответственности.

Жизнь убеждает: там, где делом руководит человек неравнодушный и опытный, трудно приходится тем, кто привык пускать пыль в глаза, скрывая за громкими рапортами плохую работу. Очень показательна и, на мой взгляд, поучительна в этом смысле деятельность начальника юридического отдела Даугавпилсского РАПО С. Д. Винокурова.

Этот район справляется с планами. И вроде бы все здесь благополучно, если, конечно, не вникать в частности. А вот С. Д. Винокуров решил углубиться именно в детали. Потому что болеет за дело, считает себя в ответе за все, что происходит на полях и фермах района. Глубокие знания, умение применять закон, бойцовские качества помогли ему начать и выиграть одно очень крупное дело.

Как-то С. Д. Винокуров просматривал отчеты «Райсельхозхимии», ее счета к хозяйствам района за внесение органических удобрений и документы колхозов. И обнаружил довольно странное явление. По бумагам выходило, что удобрений вносится много, а вот урожайность на хорошо якобы удобренных полях остается весьма низкой!

Так что же, внесение удобрений не дало результата? Этого не должно быть. С. Д. Винокуров решил тогда изучить реальное положение дел, хотя в его прямые обязанности это, возможно, и не входило. Но это ему подсказывала совесть, профессиональная честь.

И вот его взору открылась поразительная картина самого откровенного надувательства. Солидные люди из «Райсельхозхимии» совершенно серьезно, без всяких колебаний писали в отчетах, что на каждый гектар поля, например, колхоза «Ваболе», внесено по 185 тонн органики, а на некоторых участках этого же колхоза — даже по 200 тонн! В колхозе «Дзиркстеле» на гектар пашни вышло по 165 тонн, в совхозе «Силене» — по 135, в совхозе «Науене» — по 113! Сличив планы и отчеты 24 хозяйств района и «Райсельхозхимии», С. Д. Винокуров установил: на поля — по отчетам — вывез-

зено в 1982 году на 360 тысяч тонн больше удобрений, чем хозяйства вообще могли получить! Другими словами, эти сотни тысяч тонн удобрений существовали только на бумаге и никакой прибавки урожая, естественно, дать не могли.

На этом, однако, открытия начальника юридического отдела РАПО не кончились. Он обратился к преискуранту оплаты услуг, и оказалось, что «Райсельхозхимия» беззастенчиво обманывала хозяйства, взимая за каждую тонну вывезенной на поля органики лишние 0,12—0,14 копейки. Всего же приписки к отчетам обошлись колхозам и совхозам района в 60 000 рублей. Эта сумма, конечно, в конце концов была им возвращена. Но кому нужно бумажное перевыполнение планов? Обществу? Отнюдь! Обществу, как каждый понимает, нужны реальная рожь и пшеница, овес и ячмень, а не дутые цифры в гладко составленных отчетах.

У этой истории был и нравственный аспект — люди в хозяйствах получили наглядный урок, увидели, что значит трудиться в точном соответствии с законом.

Сделав свои выводы из этой истории и начальник юридического отдела РАПО. С. Д. Винокуров разработал и разослал во все хозяйства инструкцию, выполнение которой исключает приписки на этой операции. В каждом колхозе и совхозе по его требованию завели «историю полей». В этих книгах на основании бухгалтерских документов стали отмечать, на каком поле, под какую культуру и сколько вносится удобрений.

Объявил С. Д. Винокуров бой и практике всепрощенчества. До создания РАПО не принято было в районе указывать «Райсельхозтехнике» на то, что она берет двойную плату за техобслуживание. Раньше, проводя профилактический осмотр, эта организация взимала деньги с колхозов и совхозов как за проведенный ремонт. Таким образом, план ею перевыполнялся, работникам «Райсельхозтехники» выплачивались премии, а о претензиях или протоколах разногласий они и слышать не хотели. Хозяйства от такой «обслуги» богаче, конечно, не становились. На совете РАПО было строго указано: такой порядок негоден, он вреден. Теперь при заключении договоров составляются протоколы разногласий с четким указанием видов услуг и оплаты, и юристы хозяйств строго следят затем за неуклонным исполнением договоров.

Юрист понимает: следить за соблюдением законности в производственных отношениях не только желательно, но и необходимо. Малейшее отклонение от буквы закона в хозяйственной деятельности, как правило, ведет к серьезным просчетам и нарушениям, а порой и к уголовно наказуемым деяниям.

Остро, например, стоит в районе вопрос об отношении к шабашникам. Не всякий хозяйственный руководитель рискует прибегать к их услугам, а если уж обращается, то совсем не от хорошей жизни. Надо строить, ведь совсем разваливается старая ферма, а рабочих рук не хватает. Но тут необходимо строго следить за порядком оформления хозяйственных отношений. С. Д. Винокуров как-то заинтересовался нарядами на побелку животноводческих помещений и силосных траншей в совхозах «Медуми» и «Демене». За короткий срок каждый член бригады шабашников отхватил с этих хозяйств по 3257 рублей. Доходы, скажем прямо, баснословные. Но юрист не поверил, что, работая даже круглые сутки, можно выполнить вручную такой объем.

— Да они ведь, кажется, придумали там какое-то приспособление,— простодушно отвечали ему в хозяйствах.— Старались люди, к делу даже личный «Жигуленок» приспособили.

Оказалось, эти «старательные» люди действительно приспособили компрессор для побелки, для чего и понадобились «Жигули». Но, не учитывая при расчетах с малярами эту «рационализацию», в хозяйствах нарушили положения нормативного сборника № 8 «Единые нормы и расценки на строительно-монтажные и ремонтные работы», в частности параграф «Отделочные работы», и поэтому крупно переплатили шабашникам. На очередном заседании совета РАПО руководителям хозяйств было разъяснено, как оформлять и оплачивать работу временных рабочих, не допуская разбазаривания колхозных и совхозных средств, не вступая в конфликт с законом. Теперь и за этот участок работы отвечают юристы хозяйств.

В Латвийской ССР у колхозов и совхозов непростые отношения с мясокомбинатами. Существует утвержденный порядок: поступивший на комбинат скот можно держать до убоя не более 29 часов. На практике же его держат иногда и по 60 и по 80 часов. Отсюда большие потери в живом весе. Хозяйства района обратились за помощью к юридической службе РАПО. В итоге по искам отдела народный суд взыскал в пользу колхоза «Ваболе» 1836 рублей, колхоза «Калупе» — 1950 рублей. Однако Винокуров понимал: деньги, возмещенные хозяйствам,— это все-таки не говядина на прилавках магазинов. Получалась ведь грустная картина: из каждых поставленных на мясокомбинат 20 бычков один испарялся невесть куда. И С. Д. Винокуров публикует в городской газете статью под резким заголовком — «От бычка осталась только веревочка...». Статья оказала свое воздействие — мясокомбинат стал работать четче, исков к нему предъявлялось меньше.

Заместитель министра юстиции Латвии Альберт Мартынович Паже рассказал мне еще об одной весьма полезной инициативе начальника юридического отдела Даугавпилсского РАПО.

Реальная жизнь многообразна и сложна. Порой то, что кажется людям новым, прогрессивным, на практике оборачивается тормозом. А юридическая служба РАПО должна быть непримирима к неоправданному прожектерству. Поэтому порой ей приходится бороться с новомодными веяниями.

В 1982 году по настоянию республиканского ЦСУ задумали внедрить новую систему механической отчетности. Цель вроде была благородной: высвободить людей в сфере учета. На практике же вышло совсем не так, как мечталось зачинателям этого новшества: количество людей здесь увеличилось. Было создано специальное бюро по машинной обработке информации в республиканском вычислительном центре. Такие же бюро понадобились и в районных центрах. Плюс к этому в каждом хозяйстве пришлось нанять специалиста, умеющего работать со сложной техникой. Из каждого хозяйства надо было возить информацию в район, оттуда — в республиканский вычислительный центр. Винокуров выяснил: колхозу минимум десять раз в месяц надо гонять автомашину с документацией в район и из района. В район — с отчетами, из района — с табуляграммами. Несложный подсчет показал — в течение одного года пробег автомашин всех 24 хозяйств района составит 200 000 километров, расходы на его содержание — 40 000 рублей. Да и бензина потребуется сжечь не менее 30 тонн плюс почти 40 000 рублей —

зарплата экономистам по механическому учету. А стоит ли огород городить? Где же тут выгода? Где сокращение штата бухгалтеров? Где оперативность информации? Не лучше ли обойтись имеющимися средствами? Вот какие вопросы поставил в своем письме министру сельского хозяйства республики начальник юридического отдела Даугавпилсского РАПО.

— Мы считаем такой подход действительно государственным,— подытожил свой рассказ заместитель министра юстиции Латвийской ССР.— По письму С. Д. Винокурова были приняты соответствующие решения в министерстве сельского хозяйства республики.

Работу юридических служб РАПО в министерстве считают успешной, если она обеспечивает соблюдение всех договорных условий, позволяет эффективно снизить количество взаимных претензий. Сегодня выполнение этой задачи облегчается тем, что членам РАПО теперь нечего делить — они все, так сказать, в одной упряжке, цель и перспектива у них одна. Каждый ведь заинтересован в максимальном увеличении производства сельхозпродуктов, а значит, и централизованных фондов агропромышленного объединения. Путь к этому — рост урожайности, увеличение отдачи от животноводства. Больше фонд — больше материальных благ получит каждый партнер по районному объединению и в конечном счете каждый человек, занятый в сельскохозяйственном производстве.

Не все проблемы в работе районных агропромышленных объединений решены. Дело это — трудоемкое и новое. Без ошибок и просчетов обойтись трудно. Но они сведены к минимуму там, где юридические службы работают так же заинтересованно, профессионально и четко, как в Даугавпилском районе.

...Есть емкое и точное слово — страда! Так называют горячее и нелегкое время уборки урожая. Сегодня страда проходит не только на полях и фермах, на комплексах и в мастерских. Горячее время наступило и для руководителей. С появлением РАПО созданы условия, чтобы каждый работник мог на своем месте проявить все свои знания и способности, деловитость и заинтересованность. Ибо есть только один реальный путь к изобилию — каждый на своем посту, большом или малом, должен в страду не щадить сил. Люди — страде, страда — людям. Ведь она многому их учит, позволяет им накапливать опыт, лучше видеть свои промахи и недостатки, находить пути исправления. Такова уж диалектика жизни.

СОБЕСЕДНИК

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

КАК ДЕЛА НА СТАЛЬНЫХ МАГИСТРАЛЯХ?

Рассказывает первый заместитель министра путей сообщения СССР В. Н. Гинько

ФРОНТОВИК ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ

Один день директора совхоза «Азовский» В. М. Головченко — Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда. Фоторепортаж В. Зимина

«ВЫРОС В ДЕТСКОМ ДОМЕ...»

Эти слова — укор тем, кого закон лишил родительских прав. Очерк Л. Васильевой.

Идет прием в Верховном суде РСФСР — высшей судебной инстанции республики. Репортаж наших корреспондентов

ГЛАВНЫЙ РЕЗЕРВ— ПОВЫШЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В жизни нашей страны с ее мощной экономикой, неоглядными просторами и многомиллионным населением транспорт играет исключительно важную роль. Его наземные, водные, воздушные магистрали — это как бы кровеносная система всего народного хозяйства, обеспечивающая четкие, бесперебойные связи предприятий и целых отраслей, краев и республик. Услугами различных видов транспорта ежедневно пользуется каждый из нас, поэтому всякий сбой в их работе сказывается на настроении многих миллионов советских людей.

Ключевое звено всего транспортного комплекса — стальные магистрали страны. Как показывает почта журнала, вопросы работы железнодорожного транспорта волнуют многих читателей. О состоянии дел в отрасли, о существующих здесь проблемах и опыте их решения рассказывает в беседе с нашим корреспондентом Э. Зоринянцем первый заместитель министра путей сообщения СССР Владимир Николаевич ГИНЬКО.

— Прежде всего, Владимир Николаевич, приятно отметить, что в последнее время не раз говорилось о заметном улучшении работы железнодорожного транспорта. В 1983 году отрасль впервые за ряд лет справилась с планом и даже перекрыла его. В целом успешно работают железнодорожники и в нынешнем году. Как удалось добиться этого!

— Действительно, задания прошлого года выполнены. Что стоит за этой короткой фразой? Чтобы стало яснее, приведу несколько цифр. В сравнении с 1982 годом грузов перевезено на 125 миллионов тонн больше. Перевыполнен план пассажирских перевозок. Задание по росту производительности труда превышено на 1,9 процента, в результате этого освоен весь прирост перевозок. На 1,5 процента снижена их себестоимость.

Все это — итог больших усилий.

Читатели, конечно же, помнят, что работа железнодорожного транспорта подверглась острой критике на ноябрьском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. Во исполнение указаний партии Министерство путей сообщения определило широкую программу конкретных действий.

Она предусматривала укрепление государственной, трудовой, плановой и технологической дисциплины, воспитание у каждого командира, каждого железнодорожника чувства его личной ответственности за выполнение плана. Были осуществлены меры по перестройке технологии и совершенствованию управления перевозочным процессом. Причем работа шла не вообще, не в целом, а на каждом участке, в каждом звене транспортного конвейера. И хотя отрасль приняла на 1983 год напряженные социалистические обязательства, они из месяца в месяц выполнялись.

Знаете, какое впечатление я вынес из командировок и встреч последнего времени? Когда наши подразделения начали устойчиво, систематически справляться с заданиями, это коренным образом изменило настроение людей. Они приобрели уверенность в своих силах. Все мы убедились, что при имеющихся мощностях, при существующей технической оснащенности можно находить новые резервы, успешно справляться с самыми сложными задачами.

— Думаю, вы согласитесь, что при всей своей значительности достигнутое—лишь начало больших перемен на железнодорожном транспорте. Перемен глубоких, трудных, но необходимых—ведь они диктуются всем поступательным развитием нашей экономики. В каком же направлении пойдет дальнейшее совершенствование работы отрасли?

— Здесь я бы выделил два основных взаимосвязанных пути: улучшение, перестройка системы управления и ускоренное внедрение достижений научно-технического прогресса.

Первое направление включает совершенствование стиля и методов работы, укрепление плановой и технологической дисциплины, повышение спроса за порученное дело, широкое применение принципа управления перевозочным процессом по регионам и направлениям железнодорожной сети. Если же говорить проще, нам и впредь надо добиваться, чтобы органы руководства были максимально приближены к производству, чтобы каждый на своем месте работал умело, инициативно, сознавая всю меру личной ответственности.

Наша отрасль сегодня по многим техническим показателям опережает железнодорожный транспорт развитых капиталистических стран. Напомню: советские железные дороги, составляющие 11 процентов мировой протяженности, выполняют более 50 процентов мирового грузооборота по стальным путям и около 25 процентов перевозок пассажиров. И все же широкое использование передового опыта, эффективных технологических решений, открытий научной мысли—резерв поистине неисчерпаемый. В речи на февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК нашей партии товарищ К. У. Черненко говорил, что ускоренное внедрение в производство достижений науки и техники должно поднять на качественно новый уровень производительные силы нашего общества. Это указание целиком относится к железнодорожному транспорту. Вот лишь несколько примеров.

В предстоящие годы будут продолжены электрификация линий и строительство дополнительных главных путей на загруженных направлениях. Что это даст, можно показать на конкретных цифрах. Так, провозная способность стальных путей при переводе на электрическую тягу увеличивается на 20 процентов, а двухпутные магистрали пропускают в 3—4 раза больше поездов, чем однопутные. В

масштабах отрасли это миллионы тонн сбереженного дизельного топлива, десятки миллионов рублей экономии на эксплуатационных расходах. На наших дорогах войдут в практику скоростные и длинносоставные пассажирские поезда, новые автоматизированные системы управления, в том числе на микропроцессорах. Возрастет средний вес каждого состава, системой станет вождение сверхтяжелых поездов. А экономисты подсчитали: увеличение среднего веса поездов всего на 100 тонн позволит перевезти дополнительно 100—120 миллионов тонн грузов в год.

Осуществление всех этих мер создает надежную основу для выполнения и перевыполнения заданий по перевозкам. Именно из этого исходили коллективы всех 32 железных дорог страны, когда принимали обязательство: в нынешнем году превысить запланированный уровень производительности труда на один процент и дополнительно снизить себестоимость перевозок на 0,5 процента.

— Значит ли это, что все проблемы в работе железнодорожного транспорта будут таким образом успешно решены?

— К сожалению, нет. Беда в том, что далеко не все зависит от железнодорожников.

Взять хотя бы вопрос о встречных, повторных, излишне дальних и других подобных перевозках, которые принято называть нерациональными. Они порождены недостатками в размещении производства, ведомственностью, а то и прямой бесхозяйственностью. Вы легко представите себе масштабы этого явления, если я скажу, что 3 миллиона наших железнодорожников, весь парк вагонов и локомотивов, вся сеть стальных магистралей страны несколько дней в году заняты этими перевозками, конечно, в ущерб транспортировке других, действительно нужных грузов.

А ведь у нас в стране разработаны и действуют схемы нормальных направлений потоков для 80 процентов всех грузов. Благодаря контролю за соблюдением этих схем с помощью ЭВМ железнодорожники только в прошлом году исключили перевозку 22 миллионов тонн. Работу по рационализации грузопотоков Министерство путей сообщения продолжит и впредь. Однако решающие меры тут должны принять другие министерства, ведомства, снабженческо-сбытовые органы. И принять как можно скорее.

Другой не менее больной вопрос — излишний против норм простой вагонов по вине предприятий и организаций. Каждые сутки на станциях и подъездных путях остаются незагруженными 15—16 тысяч вагонов. Из-за нарушения предприятиями норм простоя народное хозяйство, отправители грузов только в прошлом году недополучили 815 тысяч вагонов.

В чем тут дело? Прежде всего в отставании технической оснащенности транспортного хозяйства предприятий от роста основного производства, в слабой механизации разгрузочных работ. Средства на решение этих проблем выделяются большие, и, надо думать, в скором будущем это даст свои результаты. Но многое можно сделать уже сегодня, если еще больше укрепить трудовую и производственную дисциплину. Например, известно, что темпы погрузки и выгрузки вагонов в выходные и праздничные дни заметно снижаются. Из-за этого недогружается 250—300 тысяч тонн в сутки. За год набегает уже десятки миллионов тонн. А ведь все это резервы, которые очень быстро могут дать большой эффект, причем без существенных затрат.

Я привел примеры, когда сложности в работе создают нам другие. Но на железнодорожном транспорте накопилось и немало своих проблем. Решать их нам помогают в центре и на местах отдельные предприятия и целые отрасли. Опыт последних лет показал, что такое объединение сил дает замечательные результаты. Вспомним хотя бы, какую большую помощь оказывают нам многие предприятия в ремонте вагонов. А работа Министерства путей сообщения, железных дорог и их подразделений, партийных, профсоюзных, комсомольских организаций транспорта направлена сейчас на закрепление положительных тенденций в отрасли, на их развитие, с тем чтобы обеспечить полное удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения страны в перевозках грузов и пассажиров.

— Раз уж вы, Владимир Николаевич, заговорили о пассажирах, то хочу напомнить, что у них-то как раз к работе железнодорожников еще много претензий, о чем в свое время писал и наш журнал. Но и по сей день граждане жалуются редакции на опоздания поездов, неудовлетворительное санитарное состояние вагонов, грубость проводников и т. п. А ведь все это — покушение на права и интересы пассажиров. Проверки, проводимые транспортной прокуратурой, показывают что в основе названных негативных явлений чаще всего низкая трудовая и производственная дисциплина многих работников железнодорожного транспорта, их халатное отношение к выполнению своих служебных обязанностей. Что делается министерством для устранения и недопущения таких фактов?

— Что ж, в большинстве случаев претензии эти совершенно справедливы. Поэтому и в министерстве и на железных дорогах уделяется повседневное внимание повышению качества обслуживания пассажиров на вокзалах и в поездах.

В последнее время усилена работа по подбору и воспитанию кадров, укреплению трудовой и производственной дисциплины в коллективах, развитию социалистического соревнования, распространению лучшего опыта. Так, у нас составлены и направлены на железные дороги страны рекомендации по этике поведения работников при обслуживании пассажиров. Основные положения и правила сформулированы здесь четко и строго, их назначение — обеспечить высокий уровень обслуживания. Отступление от этих норм мы рассматриваем как серьезное нарушение.

Или взять такую форму совершенствования квалификации работников, как конкурсы на лучшего проводника, билетного кассира, агента справочного бюро и т. д. Они все больше утверждаются как хорошая школа повышения мастерства, школа воспитания профессиональной гордости. А ведь ясно — если человек дорожит рабочей честью, он и дело свое старается выполнить как можно лучше.

Наряду с усилением воспитательной работы принят ряд организационных мер. Известно, например, что качество обслуживания пассажиров во многом зависит от того, насколько полно укомплектованы поездные бригады. И вот в нынешнем году штаты проводников вагонов увеличены на 4 тысячи человек, а это очень значительное пополнение. Важные новшества в дело улучшения обслуживания пассажиров внес изданный в конце прошлого года специальный приказ министра путей сообщения, который так и называется: «Об организационном и хозяйственном совершенствовании управления пассажирскими перевозками».

— Сезон массовых отпусков уже на пороге, поэтому хочется спросить: что предпринимается министерством в этом году, чтобы увеличить число поездов, уменьшить очереди в билетные кассы?

— Постараюсь ответить предельно коротко и конкретно. Прежде всего как изменятся размеры движения пассажирских поездов дальнего и местного сообщения? По сравнению с зимним временем к 1 июня за счет введения дополнительных поездов они увеличатся на 12 процентов, к 1 июля — на 33 процента и максимального уровня достигнут в августе. Кроме так называемых графиковых поездов, будет сформировано более 100 пассажирских составов резерва МПС, которые имеются в виду использовать для поездов разового назначения. На крупных станциях предусмотрен резерв пассажирских вагонов — их будут добавлять к курсирующим составам.

Это о поездах. Теперь о билетах. Сейчас они продаются в 11,7 тысячи касс. Летом будет открыто свыше 2,5 тысячи новых. Увеличится число пунктов по приему заказов, а режим их работы изменится так, чтобы было удобнее клиентам. На помощь пассажирам придет новая автоматизированная система продажи билетов «Экспресс-2» — более производительная и точная. Она уже внедрена в Москве, в этом году планируется начать опытную эксплуатацию в Ленинграде и Киеве, в следующем — в Свердловске и Ростове. От своей предшественницы, системы «Экспресс-1», она выгодно отличается тем, что позволяет автоматизировать весь комплекс операций — печатание билета, учет и распределение мест и другие.

— Кстати, в почте журнала нередко встречаются сообщения о случаях, когда в кассах билетов нет, а вагоны идут полупустые. Незанятые места становятся потом предметом бойкой торговли, которую ведут некоторые проводники. Какие меры принимаются к тем, кто наживается на безбилетном провозе пассажиров?

— Такая проблема действительно есть, и Министерство путей сообщения разработало комплекс специальных мер по устранению недостатков в учете мест, а также мер борьбы с безбилетным провозом пассажиров. В частности, на всех железных дорогах проведена внеочередная аттестация контролеров-ревизоров поездов, ревизоров-инструкторов. Она показала, что отдельные лица как по уровню знаний, так и по деловым и моральным качествам не отвечали предъявленным требованиям. Они были тут же освобождены от занимаемых должностей. Теперь для проверок поездов организованы комиссии из наиболее опытных контролеров-ревизоров, работников пассажирских служб с участием представителей органов транспортной милиции.

По итогам их работы только в четвертом квартале прошлого года уволено или понижено в должности 189 человек. 8 работников, допустивших нарушения социалистической законности, привлечены к уголовной ответственности, 52 предстали перед товарищескими судами.

Как видите, меры предприняты конкретные и энергичные. При чем здесь я назвал только некоторые из них. Есть основание считать, что последовательное осуществление всего комплекса позволит полностью покончить с таким нетерпимым явлением, как попытки отдельных лиц использовать служебное положение в целях личного обогащения.

— Нередко приходится слышать и читать о несохранности грузов при транспортировке по железной дороге. Бывают случаи, когда в пути портятся фрукты и овощи, немало ценностей расхищается при попустительстве отдельных работников железнодорожного транспорта, а то и при их участии. В чем тут причины? Какие меры принимаются, чтобы не допускать этого?

— Случаев порчи и хищений действительно все еще немало. И самое позорное, что в расхищении перевозимой продукции участвуют порой железнодорожники. Одна из основных причин — низкая производственная дисциплина некоторых работников транспорта, притупившееся у них чувство ответственности за сохранность вверенных им грузов. Например, в ряде случаев продукты портятся, когда из-за недостатков в техническом обслуживании рефрижераторных вагонов отказывает их оборудование. Или когда на отдельных направлениях пропуск поездов задерживается и грузы находятся в пути дольше положенного.

Министерство путей сообщения, руководители железных дорог проводят большую работу по устранению этих недостатков. Осуществляются меры, чтобы ускорить продвижение скоропортящейся продукции по стальным магистралям. В частности, вагоны с фруктами и овощами все чаще прицепляют к пассажирским поездам. Чтобы пресечь хищения, прикрыть все лазейки для любителей поживиться за счет государства, улучшаются технические средства защиты грузов, совместно с Министерством внутренних дел СССР усилена охрана перевозимой продукции. Особое внимание уделяется совершенствованию воспитательной работы в коллективах, связанных с перевозками грузов. Все это дает свои положительные результаты. В прошлом году убытки из-за хищений в пути следования мяса и мясопродуктов снизились на 45 процентов, рыбы — на 33 процента, фруктов и овощей — почти на 34 процента.

Работу по обеспечению сохранной доставки продукции мы будем продолжать последовательно и настойчиво. В ней все шире участвуют народные дружины, общественные инспекторы по качеству. Однако, думается, и отправителям грузов тут есть на что обратить внимание.

Хочу вспомнить в связи с этим статью «Почему плакали помидоры», опубликованную в первом номере журнала «Человек и закон» за нынешний год. Верно в ней говорится: очень много фруктов и овощей портится в пути только из-за того, что поставщики отгружают ее с нарушением ГОСТов по качеству и таре, а нередко даже в испорченном состоянии до погрузки в вагоны. И правильно ставит вопрос автор статьи, член коллегии Прокуратуры СССР Л. Баранов: определением качества прибывшего сельхозгруза, установлением причин его порчи должна заниматься только Государственная инспекция по качеству. Это серьезно повысит ответственность как отправителей, так и железнодорожников за судьбу продукции.

— Владимир Николаевич, что можно сказать о нормативных актах, составляющих правовую основу работы железнодорожного транспорта, его отношений с предприятиями и пассажирами? В каком направлении они совершенствуются?

— Для нас основной «рабочий» нормативный акт — это Устав железных дорог Союза ССР. Он утвержден постановлением Совета Министров СССР от 6 апреля 1964 года за № 270. Другие докумен-

ты, издаваемые в соответствии с Уставом,— Правила перевозок грузов, Правила перевозок пассажиров и багажа, и т. д.,— конкретизируют отдельные положения Устава. Всеми этими актами мы и руководствуемся в наших взаимоотношениях с предприятиями, организациями и пассажирами.

Полагаю, не нужно никого убеждать, что наши правовые документы и прежде постоянно совершенствовались. Однако настало время их коренного пересмотра, чтобы они во всех отношениях отвечали требованиям сегодняшнего и завтрашнего дня. Эта работа уже начата. Время тут потребуется немалое, поэтому не стану ничего предвосхищать. Убежден только в одном: новый Устав железных дорог СССР должен обеспечить повышение эффективности и качества работы нашей отрасли. Тут надо предусмотреть усиление и нашей ответственности и ответственности нашей клиентуры за совместную ритмичную работу.

— Как известно, надзор за соблюдением социалистической законности на железной дороге возложен на органы транспортной прокуратуры. Важную роль в борьбе с хищениями призваны играть органы транспортной милиции. Каковы наиболее действенные формы сотрудничества железнодорожников с правоохранительными органами?

— Министерство путей сообщения осуществляет постоянный контакт с Прокуратурой СССР, с МВД СССР и Министерством юстиции СССР. Они оказывают нам постоянную помощь как в борьбе с правонарушениями на железнодорожном транспорте, так и в проведении совместной профилактической работы по их предупреждению.

Формы сотрудничества у нас сложились самые разнообразные. Так, Прокуратура СССР помогает нам добиваться сокращения простоев вагонов на подъездных путях предприятий, бороться за сохранность подвижного состава, привлекая виновных должностных лиц к установленной законом ответственности. Совместно с работниками органов внутренних дел осуществляются меры по обеспечению сохранности грузов. Многие, например, дает организация оперативных групп из сотрудников военизированной охраны МПС и работников милиции.

Чуть подробнее хочется сказать о правовой пропаганде и правовом воспитании в трудовых коллективах железнодорожного транспорта. Эта работа ведется при самом широком и непосредственном участии представителей правоохранительных органов. Развивается сеть юридического просвещения. На факультетах правовых знаний, в правовых школах идет обучение руководящих работников, специалистов, рабочих и служащих. Все более популярными становятся «Дни трудового права». Думаю, не нужно доказывать, как серьезно способствует правовоспитательная работа укреплению трудовой и производственной дисциплины, борьбе с хищениями грузов, формированию у работников отрасли бережного отношения к народному добру. А тем самым — успешной работе железнодорожного транспорта в целом. Так что мы будем рады и в дальнейшем продолжать наше сотрудничество с правоохранительными органами.

ЧЕЛОВЕК на своей земле

«Поймать» Василия Ивановича Головченко для журналиста — задание не из легких. Только что директор совхоза «Азовский» был у себя в кабинете, но вот незадача: успел уехать на виноградник. Приезжаешь на виноградные плантации, а Головченко уже на молочной ферме. Или — в школе, беседует со старшеклассниками. Или... В каждой точке совхоза успевает побывать за день директор. Поговорить с людьми, окинуть все взором рачительного хозяина — на все хватает времени и сил у этого высокого, статного, на редкость энергичного человека.

На лацкане пиджака Василия Ивановича — две Золотые Звезды: Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. За что? На этот вопрос Головченко мог бы ответить кратко: «За землю». Без малого полвека занят он благороднейшим трудом земледельца. Полвека с перерывом на четыре года — с 1941-го по 1945-й, когда землю, на которой он трудился, пришлось защищать от фашистских захватчиков.

Вот краткая фронтовая биография Головченко: 42-й — ранение в бою под Воронежем, госпиталь в Новосибирске. После — 54-я

гвардейская дивизия добровольцев-сибиряков. 43-й — тяжелые бои на Смоленском направлении. Снова ранение, снова госпиталь. Говоря словами фронтового поэта, он «был пехотой в поле чистом, в грязи окопной и в огне...».

После же выздоровления был направлен в танковое училище, стал механиком-водителем самоходки. Сражался на родной земле, освобождал Румынию, Чехословакию, Венгрию. Год 44-й. Командование ставит перед частями Советской Армии задачу: освободить Будапешт, но при этом уберечь город от разрушений. Полк самоходных орудий, в котором воевал Василий Головченко, вместе с пехотой форсировал Дунай, захватил плацдарм и держался, пока другие советские части не зашли в тыл врагу. Сутки продолжался ожесточенный бой. Самоходка Головченко подожгла три фашистских танка, уничтожила много гитлеровцев. Золотую Звезду Героя —

На снимке слева:
В. В. Мартынов, А. Н.
Дунаев и В. И. Голов-
ченко.

На правом снимке:
В. И. Головченко сре-
ди ветеранов войны.

Фото В. Зими́на.

этот миг Головченко не забыть никогда — вручал ему Родион Яковлевич Малиновский.

Вторую свою звезду — Героя Социалистического Труда — Василий Иванович получил в 1951 году.

...После войны он окончил школу механизаторов в Майкопе.

— Учился я на механика, — вспоминает В. И. Головченко, — а когда окончил учебу и приехал на работу, директор МТС мне сказал: «Механик у меня есть, так что садись пока что, браток, на комбайн».

И он сел. И намолотил за 23 дня уборки больше тысячи тонн зерна — по тем временам рекордная цифра! Было тогда Головченко тридцать.

За восемь последующих лет В. И. Головченко успел окончить техникум, поработал главным механиком МТС. С 1959 года Василий Иванович возглавляет совхоз «Азовский».

«...После долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой». Так описывал эти края в бессмертной «Тамани» М. Ю. Лермонтов. А дома сегодняшних жителей Тамани — это двухэтажные коттеджи со всеми удобствами, у всех холодильники, телевизоры. У многих — личные автомобили. «Азовский» — хозяйство богатое. Стабильно высокий урожай дают виноградники, занимающие 1700 гектаров; из года в год выполняют планы кукурузоводы, животноводы. Земля здесь плодородная, и за упорный труд она вознаграждает сторицей. Но только за труд упорный, творческий, инициативный. Скажем, во всем районе трудности с кормами — зона-то засушливая. В «Азовском» первыми построили завод по приготовлению витаминной муки и гранул.

А взять те же виноградники. Прибыль они, конечно, дают большую, что и говорить, но до чего трудоемко виноградарство! 120 видов работ приходится выполнять на плантациях! Но труженикам «Азовского» есть на кого равняться в работе. «Перефразируя слова поэта, хочется посоветовать: делайте жизнь с товарища Головченко! У него можно учиться настоящей преданности своему делу, мастерству, одухотворяющему трудолюбию». Так писал о Василии Ивановиче летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Виктор Горбатко.

Высокий личный пример руководителя в немалой степени определяет успех той большой идейно-воспитательной работы, которую возглавляет и направляет партийная организация совхоза (секре-

тарь парткома В. В. Мартынов). Активно действует здесь Совет ветеранов, постоянно участвует в его работе В. И. Головченко. Хорошо налажена деятельность женсовета, добровольной народной дружины. Часто перед земледельцами выступают с беседами прокурор района А. Н. Дунаев, другие работники правоохранительных органов. Популярен в совхозе спорт, широко открыты для всех желающих двери Дома культуры. Гордость «Азовского» — лауреат многих художественных смотров самодеятельный хор. Уже много лет в хоре поет и Головченко, старающийся не пропускать ни одной репетиции.

На Кубань рано приходит весна. А вместе с весной — бесчисленные заботы. Именно в эти короткие, горячие дни закладывается основа осеннего урожая. Труженики «Азовского» обязались сдать государству в этом году 6500 тонн винограда. И с ранней зорьки до первых звезд на полях и фермах, у механизаторов и виноградарей каждый день появляется высокий, статный человек с двумя Золотыми Звездами на лацкане пиджака — директор «Азовского» Василий Иванович Головченко. Человек на своей земле.

«МАМА, как тебя зовут?»

В редакционной почте журнала значительная часть писем посвящена нравственно-правовым вопросам укрепления семьи и воспитания подрастающего поколения. С особым волнением читатели рассказывают о судьбе детей, ставших, по существу, сиротами при живых родителях, интересуются жизнью ребят в детских домах. Своими впечатлениями и размышлениями о посещении детских домов Калининской области делится с читателями наш корреспондент Лидия ВАСИЛЬЕВА.

РОДНОЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Нинель Алексеевну окружили двадцать пять малышей двух-трехлетнего возраста — каждый хочет попасть в зону ее внимания: или поймать ласковый взгляд, или, если протолкаться, уцепиться за

руку. Росточка они все одинакового: едва до колен ей достают. Девчонкам бантики на голову привяжешь — мальчишки свои чубчики подставляют...

Некрасовский детский дом, где около двадцати лет директорствует Нинель Алексеевна Запоржина, самый большой в Калининской области: здесь двести ребят, четыре дошкольные группы. А в скором времени при Некрасовском детдоме планируется еще строительство детского сада.

Все эти ребята — уроженцы здешних мест, отцы и матери которых лишены родительских прав за то, что они уклонялись от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей, или матери оставили их еще в роддоме.

Нам все кажется, что детдом — явление от нас ушедшее, драматическое, послевоенное. Но нет. Туда продолжают поступать дети, раненные не войной, а самым родным человеком — матерью. Не тайно, не стыдась, а официально, с оформленными документами, бумагами с печатью, сдают некоторые матери и отцы свое родное дитя в чужие руки, лишая его самого целебного чувства — близости к матери. Чувство одиночества будет преследовать подрастающего человека долгие годы, даже когда он обретет новых друзей, заботливых воспитателей. Слышат ли эти матери, как плачут по ним их дети?

— Мама! — тридцать ребятишек только так обращаются к Людмиле Ивановне Черновой, молоденькой воспитательнице Млевичского детского дома. Сама она местная, деревенская, жила в хорошей здоровой семье, училась в сельской школе вместе с детдомовцами. Наверное, общение с ними определило ее судьбу. Людмила пошла в торжокское педучилище, и вот пять лет она с детдомовскими ребятами — единственная мама на тридцать ребячьих душ.

— Мама, мама, — то и дело слышатся голоса детдомовских ребят. Какая могучая естественная сила в этом слове!

Но это у малышей. Со старшими сложнее. Те, уже умеющие читать и писать, идут к директору. Время выберут, чтобы в кабинете никого больше не было.

— Зоя Васильевна, можно мне свое личное дело почитать? Вдруг там где-нибудь указан адрес моей мамы? Я посмотрю повнимательнее: а то, может, вы его не заметили?

Зоя Васильевна Лагутова, проработавшая в Максатихинском санаторном детском доме около тридцати лет, знает о каждом из 75 воспитанников все досконально. У нее ребята особенные: с ослабленным здоровьем, с плохо развитой речью. В доме для них созданы все условия для спокойной и здоровой жизни: их наблюдают врачи, для них усиленное питание, хорошие спальни. Дети много отдыхают, в меру трудятся, учатся. Но как неудержимо при всем этом тянутся они к родителям: хочу увидеть маму! В Калининской молодежной газете «Смена» иногда появляются письма детдомовских ребят, обращенные в никуда — к родной маме:

«Здравствуйте, дорогая редакция. Я учусь в Кашинском зооветтехникуме, мне 16 лет. С раннего детства воспитываюсь в детском доме. Теперь я вырос, но все равно хочу увидеть свою маму. Мне сказали, что моя мать Нина Александровна Шишмарева живет в Ржевском районе...»

С помощью редакции парню удалось разыскать — вот счастья-то было — двух своих сестер, Лену и Таню. А вот их мать, Нина Александровна, мечется по городам и весям с сабутьильниками и где сейчас находится — неизвестно.

Однажды, перед самым новым годом в Млевичский детский дом к шестикласснице Кате Куровой наведалься ее мать и тихо увела ее. Николай Германович, директор дома, бросился на розыски. Нашел их в Лихославле. Где-то на задворках, в холодном сарае, спала пьяная женщина, а в ногах у нее, прижавшись, лежала Катя. Директор увез девочку с собой. Катя плакала, не хотела уезжать от матери, но в дороге утихла, успокоилась. И когда через несколько дней Николай Германович осторожно предложил Кате вместе навестить ее мать, Катя в испуге отказалась. Сейчас девочка словно выздоровела, ожила, ходит веселая. И в большой семье Млевичского детского дома таких примеров, к сожалению, немало...

Возле тихой речки Вазузы, впадающей в Волгу, уютно расположился особняк Зубцовского детского дома. Однажды сюда привел отец своего единственного сына, семилетнего Колю. Стояла зима, а мальчик был в летнем пальто, без теплой шапки, а главное, выглядел несчастным и забитым. Мать его умерла, и отец-пьяница решил:

— Небось, Кольку государство вырастит лучше меня...

Прошло время. Как-то летом Колин отец объявился, приехал навестить сына. Сын увидел его издали. Увидел и исчез. Прошел час, второй, третий, весь дом на ногах: уж не беда ли с парнишкой? К концу дня раздосадованный отец, так и не дождавшись сына, уехал, а Коля вернулся в свой детский дом. Весь день мальчишка прятался от отца в камышах на Волге, дожидаясь, когда он уедет. В этом году Николай, отслужив в армии, прямо с чемоданом пришел в родной Зубцовский детский дом: он твердо решил работать здесь. Будет инструктором по труду. Станет для всех ребят отцом, пусть не родным, зато любимым.

Вырастают детдомовцы, идут в ПТУ, в техникумы, в вузы; встают на крыло выброшенные из родного гнезда птенцы. Тут-то их очень часто и «находят» родители. Объявляются, опустившиеся, опустошенные, хотят найти в своих детях опору под старость...

ИСЦЕЛЕНИЕ

Род — родители — родные — родина. Все это слова общего корня, но не взаимозаменяемые.

Родной дом — целый хоровод чувств, тысячи эмоциональных путей, связанных с сердцем, памятью. И если ребенка насильно лишили гнезда, где он должен был расти, то какой же мощной оздоровительной силой должна обладать новая среда, новый дом, куда приходит жить маленький, обиженный человек. Детский дом — учреждение государственное. Государство протягивает сироте свою крепкую руку, становится ему отцом и матерью, поводырем и кормильцем...

Все семь детских домов Калининской области возникли в 1943 году, когда сирот плодила война. О типовых благоустроенных зданиях тогда еще только мечтали, все детдома были расположены в бывших госпиталях, в старинных барских усадьбах.

Дом в Млевичах тоже когда-то находился в старой помещицкой усадьбе, расположенной в живописном месте, возле леса и речки, весь в зарослях сирени и черемухи.

Около четырех лет назад сюда приехал директорствовать Николай Германович Покидов. За плечами у него был лишь нед-

институт и два года рабочего стажа. Детский дом оказался молодому директору сложнейшим организмом. Сто двадцать трудных детей, сорок разнохарактерных преподавателей. Да еще подсобное хозяйство, двести гектаров пахотной земли, десять коров, две лошади. Выручил Антон Семенович Макаренко: еженощные «беседы» с его книгами, ежедневное общение с ребятами подтвердили правильность детдомовской системы: доверие и труд все перетрут. Тяжелые сельхозработы выполняют рабочие, в уборке урожая помогает колхоз, однако и сами ребята работают не «понарошке», даже помогают кормами соседнему колхозу.

Управлять всем этим хозяйством можно, только опираясь на сознательную дисциплину воспитанников. В доме — твердый распорядок дня. Подъем, зарядка, линейка, на которой совет командиров (по одному человеку из класса — с первого по восьмой) отчитывается за прошедший день и распределяет обязанности на сегодня. Затем занятия в школе, обед и отдых, подготовка к урокам, свободное время и в девять вечера отбой.

В каждой спальне идеальная чистота. Уборка дома, стирка белья (прачке помогают девочки), дежурство по кухне, по столовой — все это входит в обязанности ребят.

— Мы дети крестьянские, деревенские, — с гордостью говорит зауч Лидия Алексеевна Кочерова. — Живем в селе, на природе и знаем цену молоку, знаем, сколько надо косить сена для наших буренок, как его сохранить. Все это постигли и ребята.

Да, к здешним детям любовь к труду приходит естественно, так сказать, «в познании предмета». И потому детдомовские ребята вырастают, как правило, тружениками, людьми честными, «чужеспинников» среди них нет. Они прекрасно понимают, что делает для них наше государство и что сильно оно — трудом человека.

Недаром в детдомовских ребятах живет обостренное чувство родины, интереса к ее сегодняшним делам и прошлому. В каждом доме отведена комната, где на стендах, в альбомных фотографиях, выполненных руками ребят, будто дышит, живет их родной край. Воспитатели заботятся, чтобы ребята не чувствовали себя оторванными от сегодняшней жизни, чтобы они любили свою родину, свое родное Верхневолжье...

Детский дом требует особой заботы государства. Но и добровольных помощников в этом благородном деле много. Шефы официальные: производственные коллективы, школы, обком комсомола. В этом году одних только книг для детских домов собрали более 40 тысяч: вон какая помощь воспитателям! Есть еще шефы неофициальные, для которых забота о чужих детях — естественная потребность души, часть собственной жизни.

...Родион Михайлович Правоторов освобождал эти места от фашистских захватчиков в 1941 году. Здесь, под Ржевом, шли жестокие бои за каждый метр земли. И этот старый особняк, где живут теперь детдомовские ребяташки, добрый детский дом — он тоже отбивал у врага.

После войны Родион Михайлович жил в Москве, работал в научно-исследовательском институте, но частенько наведывался в эти места, заходил к ребятам, рассказывал о них товарищам по работе. И, наверное, так воодушевленно рассказывал, что вот уже пятнадцать лет сотрудники института — неофициальные шефы Зубцовского детдома. Не было ни одного новогоднего праздника, чтобы москвичи не приехали к детям с подарками. В прошлом году не

испугал их даже сорокаградусный мороз. Ребятам привезли го-стинцы: конфеты, фрукты, печенье, книги, игры. А сколько востор-га, радости вызвал у ребят приезд этих людей! Давно уже не ра-ботает в НИИ Родион Михайлович Правоторов, а шефы по-преж-нему помнят своих подопечных; ребята приезжают к ним в Моск-ву, ходят вместе на концерты, экскурсии. Роль Правоторова взяла на себя Елизавета Михайловна Чернышева.

— Я теперь не могу не ехать к ребятам, как бы ни была заня-та,— говорит она.— Задолго до Нового года к нам в отдел идут люди, несут подарки детдомовским детям. Слезы и радости!..

Первым комсомольцем в здешних местах был Алексей Фроло-вич Самарин, ставший потом также и первым председателем кол-хоза. Воевал он храбро: на лацканах его пиджака много наград. Фотография Алексея Фроловича, фронтовика, бывшего почетного гражданина города Ржева, стоит на книжном шкафу в классной комнате детского дома. Шкаф очень большой и плотно заполнен хорошими книгами. Перед смертью Алексей Фролович завещал собранную им библиотеку детдому,— не сыновьям, не внукам сво-им, а этим вот детишкам... И теперь его книги открывают ребятам великие и вечные истины: сила человека в его совести; и самая страшная кара за большой и за малый проступок — муки совести.

Ребята Максатихинского детдома несколько лет шефствовали над семьей двух инвалидов. Сережа Пахомов, Андрей Журавлев и Таня Андреева носили им воду, продукты, ухаживали за огородом. И все это — по собственной инициативе, ежедневно, с неукоснительной обязательностью взрослых людей.

Недавно в Максатихинский санаторий-детский дом пришло пись-мо от бывшего воспитанника. Таких писем приходит в каждый дом много — тем оно и ценно. Как будто текст этого письма склады-вался долгие годы по строчкам, шел к адресату целых два десяти-летия. И теперь читается как исповедь человека, бесконечно и иск-ренне благодарного людям:

«Дорогие мои и уважаемые воспитатели! (Может, вы теперь там и не работаете!) Вам пишет ваш бывший воспитанник 1960—1966 го-дов Иванов Иван Иванович. Мне уже за тридцать, а я все так же ча-сто вспоминаю родной детдом. Очень многое дали мне наши вос-питатели: знания, умение работать, понимать людей. В первую оче-редь благодарен директору Зое Алексеевне, воспитателям Таисии Васильевне, Александре Ивановне, Татьяне Дмитриевне. Я их заботу всю жизнь буду носить в своем сердце: за то, что они для меня сделали. Теперь я живу в Ржеве, у меня хорошая семья, сын хо-дит в первый класс, дочери четыре годика. Работаю столяром на крастроительном заводе имени М. И. Калинина.

Дорогие ребята и девочки. И к вам обращаюсь я, как бывший воспитанник. Учитесь лучше, крепче овладейте знаниями, будьте самостоятельными, уважайте старших, любите то, что создано ва-шим трудом и трудом всего народа. Будьте достойны тех людей, которые вас вырастили и воспитали. Иванов И. И. г. Ржев».

ЧЕМ ПОМОЧЬ ТЕБЕ, ДЕТДОМ!

База детских домов в Калининской области расширяется. Но вместе с тем возникают и новые проблемы, которые надо решать быстрее. Во-первых, здания требуют ремонта: дома-то старые, тес-ные. Нужно больше простора, нужны комнаты отдыха, где ребенок

смог бы побыть в тишине, остаться наедине с книгой. В Калининской области предусмотрено строительство новых зданий Осташковского, Зубцовского, Вышневолоцкого, Максатихинского детских домов. Планируется построить двенадцатиквартирный жилой дом для обслуживающего персонала Максатихинского детского дома. Но сроки строительства повсеместно затягиваются.

Второй вопрос — кадры воспитателей. Детдомовским детям требуются особо опытные, высокообразованные педагоги. Однако воспитателей с высшим образованием тут еще мало. Кроме того, из года в год к началу учебного года в детдомах не хватает около 20 воспитателей, музыкальных работников, трех логопедов. Не лучше обстоят дела с другим обслуживающим персоналом. И все это связано не только с проблемой зарплаты (хотя и она, безусловно, важна), но и штатным расписанием, служебными обязанностями — слишком много всего возложено на плечи детдомовского педагога. Из-за этого через год-два уходят отсюда многие молодые специалисты. Остаются старые, испытанные кадры, но они устают, а сил и знаний для трудных ребят нужно oh как много! Действительно, хватает ли положенных пяти рабочих часов педагогу, если за ребенком нужен круглосуточный присмотр, нужно подготовиться вместе с ним к урокам, поговорить по душам. А заботы санитарных дней, оформление учебных комнат, опален, общественные дела ребят — ведь все это бесконечные заботы воспитателей!

...Проблемы, таким образом, есть. И серьезные! Недавно по решению партии и правительства на нужды детских домов были выделены дополнительно десятки миллионов рублей! Распорядиться ими нужно по-хозяйски, чтобы каждый рубль «работал» на улучшение жизни и воспитания детдомовского ребенка. Свой вклад в это благородное дело должна внести и предстоящая реформа школы. В общем, педагогов и ребят из наших детдомов ждут немалые перемены к лучшему...

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

МОСКВА, улица Куйбышева, 7/3

РЕПОРТАЖ

Этот небольшой шестиугольный кабинет старинного здания на улице Куйбышева в Москве знаком многим. В свое время здесь принимали трудящихся Петр Иванович Стучка, Николай Васильевич Крыленко, Дмитрий Иванович Курский. А с 1972 года каждый понедельник с трех часов дня прием посетителей ведет Александр Кириллович Орлов, председатель Верховного суда РСФСР.

По закону (статья 165 Конституции РСФСР) Верховный суд России является высшей судебной инстанцией и осуществляет надзор за деятельностью всех судов республики. Кроме рассмотрения дел в кассационном, надзорном порядке и по вновь открывшимся обстоятельствам, Верховный суд республики в пределах своих полномочий может выступить и как суд первой инстанции.

Естественно поэтому, люди идут сюда с непростыми вопросами. Чаще всего обращаются с заявлениями о пересмотре приговоров, решений, определений и постановлений, которые уже вступили в законную силу. Одних приводит в этот дом на улице Куйбышева горячая надежда «выиграть дело», других — «найти справедливость», третьих — решить «крайне сложный вопрос». И принимающему за короткое время надо разобраться во многом: взвесить аргументы заявителя, деликатно, спокойно объяснить человеку, иногда не очень сведущему в юриспруденции, в чем он прав, в чем ошибается. Когда заявитель приложит к жалобе копию решения, приговора, другие документы, сделать это легче. А если таких документов нет?..

Тогда председатель Верховного суда и его заместители могут истребовать дело из любого суда республики, чтобы изучить его и уже со всей определенностью установить, насколько правомерно ходатайство посетителя.

Кассационные жалобы (то есть жалобы еще не вступившие в законную силу, решения или приговоры областных, краевых и приравненных к ним судов) также подаются в Верховный суд.

С учетом всех этих обстоятельств в приемной Верховного суда РСФСР и организован прием граждан. Предварительной записи не существует. Кто пришел до полудня, будет принят в тот же день, остальные — на следующий. В течение недели прием, кроме председателя, ведут его заместители и члены суда.

Само собой разумеется: не всегда здесь люди получают полный ответ во время приема. Иногда недели уходят на истребование дела и его изучение, тщательный анализ затребованных документов, но зато гарантируется максимально квалифицированное решение вопроса...

Итак, понедельник. Три часа дня. Москва, улица Куйбышева, дом 7/3. Третий этаж. В просторной приемной трое — женщина средних лет, юноша, пожилой мужчина. Остальные придут сюда позже. Посетители вызываются по часам и минутам. Некоторым, правда, не терпится. Приходят чуть раньше. На прием вызывают женщину.

...В глубине кабинета массивный письменный стол председателя, слева столик поменьше, для помощника председателя, старейшего работника суда Магомеда Гаджиевича Пирбудагова, справа — для посетителей. Телефон, селектор, стеллажи юридической литературы да старинные часы с маятником — вот и все убранство кабинета.

Женщина средних лет представляется.

— Зевакина Зоя Ивановна. Я работала старшим инженером передвижной мехколонны «Кемеровосельстрой». Была уволена с формулировкой «за систематическое нарушение трудовой дисциплины». Народный и областной суды мои исковые требования и доводы кассационной жалобы отклонили, но я по-прежнему считаю, что уволена незаконно, прошу восстановить меня на работе. — Женщина протягивает председателю папку с бумагами. — Сейчас трудно, наверно, детально изучить все обстоятельства. Я прошу вас не торопиться...

— Вы правы, как говорится, не торопись, а то успеешь... ошибиться. — Александр Кириллович внимательно прочитал жалобу и просмотрел приложенные документы. — Оставьте, пожалуйста, все это у нас. Постараемся разобраться. Не исключаю, что основания для принесения протеста на решение и определение судов есть.

Забегая вперед, скажем, что после приема у председателя дело по иску Зевакиной к ПМК было истребовано Верховным судом РСФСР и в течение недели тщательно изучалось. В своей жалобе истица утверждала, что пострадала за критику незаконных действий руководителя. В подтверждение была приложена газетная вырезка: в заметке говорилось о разного рода злоупотреблениях в ПМК. Выявились и другие основания для того, чтобы принести протест.

При новом рассмотрении дела было установлено, что руководители мехколонны, объявляя взыскания Зевакиной, ни разу даже не предложили ей объясниться. Осталось без внимания и то, что первые семь лет работы в ПМК Зевакина ни разу не нарушила трудовой дисциплины, напротив, неоднократно поощрялась за успехи в работе, избиралась председателем профкома. И вот один за одним посыпались на нее выговоры «за халатность» — но без каких-либо конкретных фактов и формулировок. По странному стечению обстоятельств — сразу же после ее сигналов в партийные органы о приписках и злоупотреблениях в мехколонне. В приказе о ее увольнении тоже ничего конкретного о нарушении трудовой дисциплины. В итоге — суд восстановил Зевакину на работе. Ей был выплачен средний заработок за три месяца вынужденного прогула.

...На приеме следующий посетитель — адвокат из Уфы. Он торопливо рассказывает обстоятельства дела.

— Мой подзащитный Ивлев¹ осужден по части 3 статьи 211 УК РСФСР к семи годам лишения свободы. Приговор, по-моему, подлежит отмене, а дело — направлению на новое расследование для проверки виновности Ивлева. Водитель «Жигулей», следовавших перед автомобилем, которым управлял Ивлев, мешал обгону. Тогда Ивлев вынужден был выехать на обочину и затем резко повернуть руль, чтобы возвратиться на «свою» полосу движения. Из-за этого автомобиль моего подзащитного опрокинулся.

Александр Кириллович просит М. Г. Пирбудагова прочитать заключение автотехнической экспертизы и показания свидетеля — очевидца происшествия.

¹ Здесь и далее некоторые фамилии изменены.

И все становится на свои места. Ивлев мчался на своих «Жигулях» со значительным превышением скорости, обгоняя впереди идущую машину, которая, в свою очередь, обгоняла мотоцикл.

— «Двойной», к тому же по обочине, обгон, значительное превышение допустимой скорости, неумелое управление машиной — все это в совокупности и привело к гибели трех человек, — резюмирует А. К. Орлов. — Не поторопись Ивлев, и в трех семьях не было бы безутешного горя. А вам, — он обращается к адвокату, — не пришлось бы приходить сюда. Ни один факт, ни одно доказательство не подтверждают ваших слов о том, что водитель первого автомобиля как-нибудь препятствовал обгону. Это очевидно...

Адвокату нечего возразить. Он собирает со стола бумаги. И, попрощавшись, несколько смущенный уходит.

— Кстати, — припомнил М. Г. Пирбудагов. — Однажды пришла сюда жена осужденного по 211 статье. Подала заявление о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Что же вновь открылось? Оказывается, заявительнице довелось случайно познакомиться с человеком, который был свидетелем происшедшего: стоял на автобусной остановке как раз напротив того места, где произошел наезд. Берем дело, смотрим схему и видим, что до и в момент происшествия на этой остановке стоял автобус и закрывал место аварии. Так что тот гражданин ничего увидеть просто не мог. Заявительница об этом, видно, не подумала, а потому сидела здесь и не могла слова вымолвить.

Пришлось объяснять ей и то, что согласно статье 386 УПК РСФСР заявление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам надо направлять прокурору.

До часа длятся иной раз подобные разговоры.

Очередной посетитель, родственник некоего Никитина, приговоренного к 3 годам лишения свободы по части 2 статьи 206 УК РСФСР, попросил у председателя Верховного суда России проверить, по той ли статье осудили его брата.

Александр Кириллович познакомился с документами и выразил сомнение в правильности квалификации действий Никитина, как злостного хулиганства. Обещал детально все проверить. И вот что выяснилось, пока готовился этот репортаж.

Молодой человек, находясь в гостях у гражданина Арбузова, ударил его. Народный суд, вынося приговор, исходил из того, что эти действия происходили в вечернее время и нарушили покой соседей. Тщательной проверкой было установлено, что Никитин действительно несколько раз ударил Арбузова, то есть совершил действия, предусмотренные частью 2 статьи 112 УК РСФСР — побой. Никитин ухаживал за дочерью Арбузова, а последний вместе с женой были против брака своей дочери с ним. На этой почве в тот самый день возникла ссора, во время которой Арбузов оскорбил Никитина и даже ударил его. Оскорбленный жених ответил тем же. Никитин, таким образом, подрался не из хулиганских побуждений. Вывод: значит, и приговор народного суда был ошибочным.

Александр Кириллович Орлов принес протест на этот приговор. В конечном счете Никитину было назначено наказание в виде шести месяцев лишения свободы...

В кабинет входит следующий посетитель — пожилой мужчина, отец Петрова, осужденного вместе с соучастниками по статье 93¹ УК РСФСР (хищение в особо крупных размерах) к 12 годам лишения свободы.

Суть дела такова. Осужденный — директор мясо-молочного комбината — вошел в организованную там ранее преступную группу. Разными махинациями они создавали неучтенные излишки продуктов. Затем эти излишки реализовывали. В результате государству нанесен ущерб на многие тысячи рублей.

Дело рассматривал один из областных судов с участием 170 свидетелей. Приговор — на 165 страницах. Подсудимые изобличены полностью. М. Г. Пирбудагов зачитал выдержки из протокола судебных заседаний и приговора. Осужденный подал в Верховный суд РСФСР кассационную жалобу. Посетитель просит правильно разрешить ее.

— Прошу вас меня понять, — говорит со слезами на глазах пожилой человек. — Мой сын по образованию строитель. И когда пошел работать директором комбината, ничего вначале не знал. Попал, как кур в очки. Оказался, сам того не зная, на поводу у нечестных людей, и вот... Но в душе он глубоко порядочный человек, я убежден — неспособный не только на преступление, но и просто на подлость, дурной поступок. Помогите. Мне семьдесят три, дайте увидеть сына...

Старик сокрушенно качает головой.

— И я вас прошу правильно меня понять, — отвечает А. К. Орлов. — Кассационную жалобу будет рассматривать один из составов судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда. Ни я, ни кто другой не вправе давать какие-либо указания, советовать что-нибудь судьям. Ведь они независимы и подчиняются только закону. Но ваше заявление будет передано судьям, его приобщат к делу и рассмотрят вместе с другими материалами. До сведения суда будет доведено также, что вы были у меня на приеме. Есть у вас другие просьбы?

— Если можно, разрешите свидание с сыном.

— Хорошо, с сыном вы можете повидаться. Оставьте, пожалуйста, заявление у секретаря. И еще. Если вы, ваш сын или адвокат сделаете после разбирательства у нас вывод, что жалоба рассмотрена неверно, можете снова прийти сюда и подать заявление о пересмотре дела в порядке судебного надзора. Оно будет внимательно, в установленные законом сроки рассмотрено.

Скупые строки заявлений, несколько фраз не способны заменить пухлых томов уголовных и гражданских. Но если уметь терпеливо вчитываться, вслушиваться в каждое слово, то за ним можно увидеть и суть события и проследить за судьбой человека. И в кабинете председателя Верховного суда РСФСР это умеют делать.

...Ровно в три часа дня каждый понедельник открывается эта массивная дверь на третьем этаже в доме 7/3 на улице Куйбышева. Александр Кириллович Орлов поднимается из-за стола:

— Здравствуйте, товарищ, слушаю вас...

В. БОРОШКО, А. ЗАХАРОВ

СОБЕСЕДНИК

Б. ФЕДОРОВ,
главный специалист
Министерства сельского хозяйства СССР

ЧТОБЫ СТРОЖЕ БЫЛ СПРОС

Союзному совету колхозов рекомендовано рассмотреть вопрос о внесении в Примерный устав колхоза и другие акты, регулирующие труд членов колхоза, дополнений и изменений в соответствии с настоящим постановлением.

(Из постановления Совета Министров СССР
и ВЦСПС «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины»)

Как только Союзный совет колхозов приступил к разработке дополнений и изменений, направленных на укрепление трудовой дисциплины, группа специалистов сельского хозяйства выехала на места послушать мнение тех, кто повседневно находится среди людей, решает вместе с ними все вопросы колхозной жизни.

Мне выпала командировка на Харьковщину. В колхозе «50 лет Октября» Валковского района председатель Николай Степанович Божко — солидный, степенный, уже немолодой человек, проработавший на этом посту почти четверть века и поднявший колхоз до уровня передовых, горячо уверял меня: «Слишком мягко подходим порой к некоторым работникам. Вот ведь как бывает: одни всей душой отдаются работе, а другие прогуливают или своим бездействием наносят хозяйству явный ущерб. Но нам говорят: не ущерб это, а улуценная выгода. За нее Уставом колхоза наказание не предусмотрено. А я полагаю иначе: поломал кто-нибудь спяну две полольные лапы у культиватора, простояла машина четыре часа, значит, надо удержать с него и за поломку и за время простоя. Тогда человек сто раз подумает, прежде чем потянется к рюмке, бережнее будет относиться к технике.

Или вот с расхитителями. Няничмся мы с ними порой. Раньше как было? Украл килограмм зерна — возместил его стоимость немедленно. А сейчас колхоз должен обращаться в суд. Дело иногда затягивается, и уже не тот эффект получается.

Особо скажу о пьяницах. Им в селе бывает вольготнее, чем в городе. С них меньше требуют. Они не вырабатывают годового минимума трудового участия, установленного Уставом колхоза, получают мало, но ничего, живут».

Его точку зрения поддерживают и рядовые колхозники. Они с негодованием говорят о любителях спиртного, чей вклад в общее дело ничтожен.

Николаю Степановичу Божко вторит также молодой председатель из колхоза с оригинальным названием «Сила стали» Калининской области Николай Иванович Яковлев: «С людьми, допускающими прогулы, пьянку в рабочее время, надо поступать строже, воздействовать всей силой закона, не прощать. Как-то не вышла на работу доярка Н. М. Комарова. Пришлось вместо нее посылать другого человека, совсем случайного, не имеющего опыта доения. В результате недополучили много молока. Определив средний надой по группе коров за 5 дней, мы удержали с Комаровой за недополученные 130 литров. По закупочной цене из расчета 36 копеек литр получилось 46 рублей 80 копеек. И считаю, поступили правильно, хотя в Примерном уставе такое и не записано. Ведь из-за невыхода на работу загулявшей доярки колхоз потерпел убыток. По-моему, никакая это не упущенная выгода, а чистейший реальный ущерб. Так и только так мы, практики, можем это истолковывать. Может, пора такую меру наказания закрепить законодательно?»

Действительно, всегда ли правильно трактуется эта самая упущенная выгода применительно к сельскохозяйственному производству? По существующему понятию, умышленно опрокинутое ведро с молоком — это реальный ущерб, за нанесение которого работники фермы наказываются, а недодоенные по разболтанности или пьянке десять ведер продукции именуются упущенной выгодой, которая остается невозмещенной. И все потому, что принято считать, будто действительный ущерб может быть причинен лишь наличному имуществу. Как обычно рассуждают? Кто-то запил или празднует свадьбу, а корова не выдоена, значит, и молока в наличии еще нет и, дескать, неизвестно, сколько колхоз мог бы его получить. А почему, собственно говоря, неизвестно? Очень даже известно, ибо молоко уже реально имелось в вымени коровы и его оставалось лишь надоить.

Кстати, о самой корове. Животное растили, тратя на него немалые средства, год, другой. И вот из теленка выросла нетель, а затем — корова, в свою очередь, принесящая колхозу телка и начавшая давать молоко. А из-за невыполнения дояркой технологического процесса хозяйство недополучает продукцию. Сколько именно, подсчитать нетрудно. Каждому, даже поверхностно осведомленному в сельскохозяйственном производстве человеку, известно, что при соблюдении рационов кормления и других условий содержания коров они ежесуточно дают совершенно определенное количество молока. Гляньте, в любом хозяйстве есть вывешенные для всеобщего обозрения научно обоснованные графики ожидаемых среднесуточных удоев по месяцам лактации. Они учитывают даже отклонения в зависимости от возраста коров.

Словом, определить количество невыдоенного, то есть размер ущерба, нанесенного пропуском установленной дойки, не представляет большого труда. Причем в данном случае речь идет не о продукции, которая лишь только планировалась и не получена полностью по уважительным причинам, — скажем, по недоподвозу кормов из-за стихийного бедствия, несвоевременному выгону скота на пастбища из-за плохой погоды. Здесь нечто иное, здесь налицо действительный ущерб: ведь продукция недополучена потому, что доярка без всяких оснований не вышла на работу, то есть допустила грубейшее нарушение трудовой дисциплины. Безнаказанным такое пренебрежение к делу не может оставаться еще и потому, что сам факт

пропуска дойки вредно отражается на здоровье животных, что, в свою очередь, при том же самом рационе кормления повлечет за собой понижение продуктивности коров в течение нескольких последующих дней.

Но есть еще одна сторона — моральная. Безнаказанность служит дурным примером и для других. Если позволительно плохо относиться к своим обязанностям одному, то почему бы не попробовать и другим?

В одном колхозе в связи с предложениями об усилении воздействия на прогульщиков присутствующие задали такой вопрос: а не разгоним ли мы, особенно в слабых хозяйствах, те немногочисленные кадры доярок, которые еще есть? Не покинут ли они село? Думается, опасения напрасны, без разгильдяев обойдемся. Люди наши в большинстве своем трудолюбивы, дело свое любят, и против справедливого наказания нарушителей дисциплины никогда возражать не будут. Ну, а те, кто провинился, нанес ущерб хозяйству, должны держать ответ, в том числе и материальный. Короче, в отношении нерадивых доярок нужна правовая норма о мерах наказания за упомянутое. Этого требует сама жизнь.

В свою очередь, надо всячески поощрять (морально и материально) бережливость, дисциплинированность, трудолюбие, активнее внедрять передовые методы организации труда и стимулирования его.

Теперь о невыходе на работу механизаторов или простое техники по их вине. Случаи далеко не единичные и имеющие место даже в передовых хозяйствах. В колхозе имени Жирова Золочевского района Харьковской области, которым руководит Герой Социалистического Труда Петр Степанович Кравченко, мне рассказали, что случается подобное и у них. Например, колхозник, убиравший кукурузу, в обед подвыпил и пришел на работу на два часа позже других. Приходится отстранять выпивоху от работы. Остановились его машина и два грузовика, отвозившие початки, простояли люди... И было такое с этим человеком не впервые. Не помогали ни проработки на правлении, ни порицания, ни даже выговор. А если попробовать такого человека пронять рублем, чтобы он ответил и за появление на работе в нетрезвом состоянии и материально за время простоя техники и людей? Ведь по его вине не успели закончить на участке уборку кукурузы. А тут, как часто случается, погода ухудшилась, и урожай, оставшийся на корню, оказался частично потерян. Или возьмем водителя молоковоза, без уважительных причин не вышедшего на работу. Молоко по его вине не удалось отвезти на завод в переработку, и оно прокисло. Что это, тоже «упущенная выгода»? Нет и нет! В обоих случаях нанесен действительный ущерб.

Назрела также необходимость более решительно и ощутимо наказывать тех, кто самовольно использует колхозные машины в личных целях. По сути, мы имеем здесь дело не только с грубейшим нарушением трудовой дисциплины, но и попыткой обогащения за счет общества. Механизатор, чей трактор Т-74 без разрешения полдня занят на приусадебных участках, получает за это от хозяев не менее ста рублей — таковы уж действующие в деревне таксы. Колхоз же удерживает с него самое большее по 3 рубля 40 копеек за час, да и то на свой страх и риск.

«Дело доходит до того, — рассказывает председатель колхоза «Заветы Ильича» Валковского района Н. А. Рябуха, — что тракто-

рист или комбайнер наглет и, когда мы у него удерживаем 13 рублей 60 копеек за 4 часа самовольного использования машины, швыряет кассиру 15 рублей и даже сдачи не берет. Тут надо брать больше, а сколько, предоставить решить правлению колхоза, которое должно свое решение согласовать с РАПО. Словом, пусть такса будет выше».

Нарушитель трудовой дисциплины в колхозе... Каков он? Нескольким иной, чем в прежние годы,—опоздавший на работу, не вышедший вовсе. Сегодняшний хитрее, изворотливей. Он старается приспособиться к порядкам, соблюдать какую-то видимость дисциплины. Установлен в колхозе, согласно Уставу, годовой минимум трудового участия в 240 человеко-дней. Он его выполняет. Но как? В январе—марте каждый день будет выходить на работу, даже ночь прихватит—сторожем в овчарне... И все ради выходных дней. Наберет их за первый квартал чуть не половину установленной нормы, а в мае—июне или августе, то есть в разгар страды, когда в колхозе каждый человек на учете, он редиску или огурчики со своего огорода на рынок возит. Ему и дела нет до колхозного поля. Вот потому-то многие с мест и предлагают: установить Уставом минимум трудового участия не только на год в целом, а и помесечно. Это будет способствовать укреплению трудовой дисциплины и наибольшему привлечению людей к участию в общественном производстве в самые напряженные периоды сельскохозяйственных работ.

Теперь о мерах взыскания, применяемых по отношению к колхозникам, нарушившим трудовую дисциплину, Устав колхоза и Правила внутреннего распорядка. Казалось бы, этих мер предусмотрено предостаточно: сперва порицание, потом выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу, освобождение от занимаемой должности, предупреждение об исключении из колхоза. И, наконец, само исключение.

Ну, а если колхозник то и дело пьет, без конца прогуливает? К нему применять поочередно эту длинную ступенчатую сетку воспитательных мер? На заводе иной порядок. Там появление на работе в нетрезвом виде считается прогулом, а за прогул можно и уволить. Колхозники считают, что по отношению к пьяницам, прогульщикам необходимо действовать так же. К примеру, так, как поступили в колхозе имени Кирова Тульской области, которым руководит Герой Социалистического Труда Алексей Дмитриевич Воробьев. Там собрание уполномоченных обязало правление наказывать горе-работников не по ступенчатой схеме, а строже, вплоть до рекомендации об исключении из членов колхоза (с последующим утверждением на общем собрании). Не пора ли такую жесточенную по отношению к пьяницам правовую норму закрепить в Примерном уставе колхоза? От этого общественное производство только выиграет. И не будут поступать жалобы в Министерство сельского хозяйства СССР, подобные той, что пришла из Могилевской области, автор которой обижался, что за нарушение трудовой дисциплины общее собрание колхозников исключило его из колхоза без предварительного объявления порицания, выговора и т. д.

Когда размышляешь о том, что же надо сделать, чтобы ввести в рамки тех, кто, как говорят в деревне, вышел из оглобеля, кто шагает не в ногу с коллективом, то сразу вспоминаешь совещание в Валковском районе. Там шел откровенный разговор о мерах, которые следовало бы применить по отношению к колхозникам, нарушающим трудовую дисциплину. Их предлагали присутствовавшие

на заседании рядовые колхозники, председатели, а также юристы колхозов, партийные и советские работники. Вот некоторые из них.

Председатель колхоза «Заветы Ленина» Н. Л. Рябуха: «Исключили нерадивого из колхоза, а дальше что? Он не колхозник, живет неизвестно на что. Государству ничего не дает. Типичный туняедец и поступать с ним надо соответственно».

Председатель колхоза «Новая жизнь» И. С. Буряк: «За нарушение трудовой дисциплины виновного надо наказывать немедленно. А то что получается: тракторист напился, перевернул трактор, правление передает дело в суд. И тянется оно порой полгода. Если механизатор использовал трактор в личных целях и его наказали 15 рублями, то он обязан внести деньги немедленно. И чтобы тут же узнал об этом случае весь коллектив».

Председатель колхоза «Путь Ленина», Герой Социалистического Труда Н. И. Коверя: «В борьбе с пьянством необходимо поднять роль коллектива, чтобы он сам принимал решение о наказании нарушителей дисциплины, ставил вопрос о немедленном направлении пьяниц на лечение. Следует также поднять роль советов бригад и ферм. Они должны чаще собираться и оперативнее рассматривать многие вопросы производственной жизни».

Юрист колхоза «Большевик» М. С. Гудзенко: «В пункте 13 Примерного устава указано, что колхоз обязан не допускать отвлечения его средств на цели, не связанные с производством. Практически не бывает такого, чтобы он сам раздавал свои деньги и имущество другим организациям. А вот снятие у хозяйств денег со стороны посторонних предприятий и организаций или отвлечение их средств приняли весьма распространенный характер. Например, строит торговая организация в селе магазин, а деньги норвит взять с колхоза. Поэтому считаю: за такие дела должна быть установлена определенная персональная ответственность — административная или уголовная. Тут ведь тоже проблема дисциплины, но только финансовой».

Приходят на память и многочисленные встречи с руководителями колхозов других районов страны. Они взволнованно говорили о принятых партией и правительством решениях, направленных на укрепление трудовой дисциплины, высказывали соображения в отношении мер, предлагаемых для наведения надлежащего порядка в хозяйствах.

Кто же они, эти руководители?

Герой Социалистического Труда Василий Захарович Тур, возглавляющий огромный колхоз имени Татарбунарского восстания в Одесской области. Под его началом полторы тысячи человек. В хозяйстве 300 тракторов и 250 автомобилей. Ежегодный чистый доход достиг 8 миллионов рублей. Неподалеку от Тура в Крымской области трудится Владимир Иванович Черфас. Тоже Герой Социалистического Труда. Звание ему присвоено за большие достижения, которых добился под его руководством колхоз имени Н. К. Крупской.

Два подмосковных колхоза — имени Владимира Ильича и «Ленинский луч» — передовые. На них равняются многие хозяйства Нечерноземья. Их возглавляют знатные люди — Герой Социалистического Труда Иван Иванович Кухарь и награжденный несколькими орденами и медалями Юрий Иванович Кубарев.

Назову еще двух руководителей, избранных членами Союзного совета колхозов — Виктора Алексеевича Опалева (колхоз имени

Ленина в Киргизии) и Владимира Антоновича Плютинского (колхоз «Заря коммунизма» Ровенской области).

Так вот все они в один голос тоже считают: необходимо в Примерном Уставе колхоза по-иному трактовать вопрос об упущенной выгоде. Если допущен недоход молока, то это реальный ущерб, за который виновный должен отвечать сполна. Подобный подход должен быть и в других случаях проявления нерадивости, когда по чьей-то вине хозяйство несет убытки.

Важно, чтобы правильная организация труда в коллективе сочеталась с ответственностью каждого за конечный результат, чтобы хороший конечный результат всячески стимулировался. В этом — важный резерв эффективного использования рабочего времени, повышения производительности труда. Тут как бы действует единая цепь, малейший обрыв в которой оборачивается серьезными потерями сельскохозяйственной продукции.

Вот почему и рядовые труженики и руководители хозяйств считают, что колхозникам, совершающим прогулы, либо допускающим пьянку в рабочее время (что равнозначно прогулу), следовало бы сократить время ежегодного оплачиваемого отпуска на число дней прогула, то есть поступать так, как это уже установлено законодательством о труде для рабочих и служащих. Вместе с тем наряду с ужесточением мер по отношению к нарушителям трудовой и производственной дисциплины назрела необходимость всемерно поощрять передовиков, предоставляя им дополнительный отпуск за непрерывный стаж работы, устанавливая для них различные льготы и преимущества за счет поощрительных фондов колхоза.

Ю. И. Кубарев, И. И. Кухарь, В. А. Опалев, хозяйства которых расположены близ городов, говорили о распространенности в индивидуальном секторе широкого строительства пленочных теплиц, в которых выращиваются цветы и овощи. Многие колхозники, занимая под парниками и теплицами непомерно большие площади, работу в личном хозяйстве производят в ущерб общественному. Размеры этих теплиц не имеют предела. Почему? Площадь приусадебных участков строго ограничена Уставом колхоза, а о закрытом грунте в нем нет ни слова. Потому и предлагается дополнить Примерный Устав колхоза записью о том, что площадь закрытого грунта колхозника в личном подсобном хозяйстве устанавливается правлением с учетом количества членов семьи и их трудового участия в общественном хозяйстве.

Поднимается и вопрос о роли руководителя. Ведь сегодня колхоз — это большое высокomeханизированное сельскохозяйственное предприятие. В среднем на одно приходится более 6,5 тысячи гектаров сельхозугодий, 50 тракторов, 1800 овец, 1850 голов крупного рогатого скота и 1100 свиней. Управлять им сложно. Нередко председателю приходится принимать в оперативном порядке не только устные, но и письменные решения. И это следует узаконить в уставном порядке, отметив что подобные решения руководителя хозяйства обязательны для всех колхозников и должностных лиц. Вместе с тем надо наделить большими правами и сельские трудовые коллективы. «Колхозы стали богаче, а колхозники более зажиточными,— говорит Василий Захарович Тур.— Но чем выше достаток людей, тем больше надо работать с ними. Пусть сами коллективы колхозников решают как можно больше вопросов общественного производства. Тогда и дисциплина труда достигнет высокого уровня».

Как подлинные хозяева колхозники кровно заинтересованы в поддержании и всемерном укреплении трудовой дисциплины. Поэтому каждый сельский труженик, хорошо понимающий свой долг и ответственность за состояние дел на производстве, не может оставаться в стороне от борьбы с прогульщиками, пьяницами и лодырями, по вине которых простаивают тракторы и машины, срываются производственные задания, наносится ущерб общественному хозяйству. И тут важно помнить, что ни один коллектив бригады или фермы не сможет добиться укрепления организованности, пока общими усилиями не займется воспитанием тех, кто думает только о своем благополучии. Поэтому наша партия рассматривает укрепление трудовой и производственной дисциплины не только как важное хозяйственное мероприятие, но и как составную часть идейно-воспитательной работы, как важный фактор формирования коммунистического отношения к труду.

* * *

Вот какие предложения вносились труженниками села — от рядовых колхозников до председателей хозяйств. Конечно, ими не исчерпываются все предлагаемые изменения и дополнения к Примерному Уставу: ведь обсуждение идет по всей стране. Но важна общественная активность колхозников, их горячая заинтересованность в дисциплине и порядке в каждом хозяйстве, на каждой ферме.

ЭФФЕКТ

«предприимчивости»

О ЧЕРК

Все началось с письма в прокуратуру. Шестеро рабочих литейно-механического экспериментального завода — народные контролеры — просили проверить одну бухгалтерскую ведомость на 600 рублей. «Она, на наш взгляд, поддельная,— сообщали дозорные,— так как никакой премии рабочие не получали...»

На завод срочно направили следователя К. И. Касатонова, он и взял объяснения у тех, чьи фамилии значились в этой злополучной ведомости.

— Пришел я как-то получать зарплату,— возмущался один из них, Сергей Михайлович Воробьев¹,— и вижу: что-то с меня большой налог удержали. Поинтересовался. А мне говорят: это с премии, забыл? Показали ведомость. А я никаких денег не получал, да и подпись там не моя.

Остальные «премированные» дали такие же объяснения. Было возбуждено уголовное дело. Следствие довольно быстро установило, что помощник директора сам составил эту ведомость, чтобы, как он пояснил, на полученные средства купить и вручить победителям соревнования... подарки. Выяснилось также, что хоть нарушение финансовой дисциплины налицо, но все-таки кое-какие сувениры приобретены и остальные деньги пока в наличии.

«Расследование по делу придется, видно, прекратить,— размышлял следователь, выходя из заводоуправления.— Прокурор, конечно, решит, как наказать директора, его помощника и бухгалтера за такую «находчивость», но, думаю, до суда не дойдет».

Около проходной его догнал Воробьев.

— Хотел бы поговорить с вами откровенно. Если можно, то зайду с работы в прокуратуру.

А в половине пятого он уже взволнованно рассказывал:

— После беседы с вами нас вызвал директор, Константин Петрович Сукнов, и устроил разнос. «Разве мы своих рабочих обидим? — кричал он. — Вы бы пришли ко мне, я б навел порядок. Указание выдать всем подарки я уже дал... Получите больше, чем записано в ведомости! Стыдно из-за десятки жаловаться в прокура-

¹ Фамилии изменены.

туру».— Воробьев махнул рукой.— Пытались объяснить ему, что в ведомости-то мы действительно не расписывались. А он все свое: завод наш передовой в области, а мы не патриоты предприятия... Короче, отчитал нас. А за что? Если человек честным трудом заработал, почему его не наградить? Да и не на Сукнова мы работаем! Что он — владелец завода? Мы, коллектив — хозяева производства. И закон об этом принят. Но не то главное — это мы переживем.— Воробьев вздохнул.— Дело в том, что не все у нас идет как надо. Вы посмотрите, что делается сегодня в сборочном цехе. Наш завод выпускает комбинированные станки для разных ремонтных мастерских. Станки разные — на одних устанавливается электродвигатель мощностью в 4,2 киловатта, на других — 1,2. Говорят, наши снабженцы перепутали, завезли больше вторых. Теперь на недостающие до плана станки устанавливают маломощные двигатели, хотя там должны стоять втрое сильнее. Причем с готовых станков снимают сильные двигатели и заменяют более слабыми...

— Да ведь это...— начал было следователь, но возбужденный Воробьев его перебил.

— Станки же работать не будут. Двигатели сразу «полетят». Брак ведь заводомый гоним! Разве ж так можно делать? А директор в победителях ходит. Не могу видеть эти безобразия, не могу...

— Говорите, что и сейчас идет перестановка двигателей?

— А то как же! Самый раз — конец месяца ведь...— Воробьев сокрушенно покачал головой.

Об этом заявлении Касатонов тотчас доложил прокурору. Срочно образовали комиссию из трех человек: следователя и представителей районного комитета и заводской группы народного контроля. В тот же вечер комиссия была в сборочном цехе. Во вторую смену тут не работали, только в дальнем углу копошилось несколько человек. Оказалось — начальник цеха и три слесаря. Они разбавляли упаковку и снимали с готовых станков электродвигатели. Увидев посторонних, начальник цеха протестующе поднял руку:

— Кто такие? Почему в цехе? Рабочий день окончен.

Представитель райкома народного контроля предъявил свое удостоверение. Начальник цеха вначале растерялся, а потом стал возмущаться еще громче: — Кто вас пропустил на завод? Приходите завтра!

Слесари, снимавшие со станков двигатели, прекратили работу.

— Мы специально пришли сегодня, — тихо, но внятно сказал следователь, — чтобы пресечь совершаемое здесь преступление. Сейчас составим об этом акт.

Члены комиссии осмотрели станки, с которых были сняты двигатели, записали номера и даты изготовления. Затем познакомили с актом рабочих и попросили подписать. В это время в цех вбежал директор завода Сукнов:

— Ничего не подписывайте. Я вам приказываю, ничего не подписывайте!

Он быстро подошел к рабочему, выхватил у него ручку, второй экземпляр акта (первый был у представителя комитета народного контроля) и разорвал его.

— Кто вам разрешил войти на завод? Здесь работают люди, а вы им мешаете.

— Товарищи, — попросил Касатонов рабочих, — я приглашаю вас

теперь же пройти с нами. А директора и начальника цеха буду ждать в прокуратуре завтра с утра...

Да, Воробьев оказался прав. Рабочие рассказали следователю, что по указанию начальника цеха они снимали со станков, принятых ОТК, двигатели мощностью 4,2 киловатта и заменяли их на мало-мощные. На следующий день слесари-сборщики поставят их на новые станки — ведь завтра последний день месяца, а «плана еще нет».

— Но вы понимали, что действовали незаконно? — спросил Касатонов одного из рабочих. — Могли ведь отказаться, не выполнять незаконного распоряжения.

— Если откажусь, то спокойно мне здесь не работать, и судите сами; как я мог себя вести...

На следующее утро в кабинете следователя состоялся разговор с директором завода и начальником цеха.

— Вчера вечером комиссия установила, — Касатонов показал директору акт проверки, — что в сборочном цехе завода рабочие меняли двигатели на станках. Кто дал указание?

— Я! — твердо сказал директор. — Я дал указание снять мощные двигатели для установки их на вновь собранные. А что делать? План давать надо. За невыполнение, знаете, какой спрос! Премияльные, прогрессивка — все полетит. Снятие двигателей — временная, вынужденная мера. Потом мы все равно поставили бы нормальные. Но в этот раз так получилось. Мы своевременно не получили нужных двигателей по вине поставщиков. Никто от этого не пострадает, кроме нас самих: мы вынуждены из-за других выполнять лишнюю работу. Двигатели с необходимой мощностью уже в пути. По прибытии мы сразу все заменим, и продукция уйдет к потребителям стандартная. Так что напрасно вы затели это дело...

После их ухода следователь еще раз внимательно прочитал статью 152 Уголовного кодекса РСФСР. «Неоднократный или в крупных размерах выпуск из промышленного предприятия недоброкачественной, или не соответствующей стандартам либо техническим условиям, или некомплектной продукции директором...» Выпуск из промышленного предприятия... Выпуска пока нет. Станки находятся на предприятии. Значит, пока нет и состава преступления. Директор может нести ответственность только за покушение на это преступление или за приготовление к нему. А если двигатели будут заменены, то нет и покушения...

Однако дело оказалось гораздо сложнее. Через день следователь уже выяснил, что многие получатели заводской продукции на протяжении нескольких последних лет предъявляли немало исков на поставку бракованной продукции. Экспертиза установила, что двигатели на полученных ими и вышедших из строя станках были мощностью 1,2 киловатта, хотя табличек с технической характеристикой на них не было. Следователь также достоверно узнал — эти таблички снимались с двигателей по указанию директора перед самой их установкой на станки. В итоге из-за отсутствия характеристик получатели не сразу могли разобраться в причинах выхода станков из строя и поэтому очень часто пропускали сроки обращения с иском в арбитраж. А потому никакие санкции к заводу-бракоделу не применялись. Показатели работы были хорошими, и коллектив предприятия, его руководители систематически получали премии.

Дальше — больше. Бухгалтерская ревизия и экспертиза установили, что по документам на заводе ежемесячно производили продукции больше, чем отгружалось получателям. Недостающая продукция числилась хранящейся на складе. А фактически ее не было вообще. Начальник планового отдела и главный бухгалтер показали на допросе: исправления в отчетные документы вносил сам директор.

И, наконец, следствию стал известен еще один вопиющий факт — маломощные электродвигатели на станки ставились специально. Почему? Да потому, что они в два с лишним раза дешевле, хотя в стоимость продукции закладывалась цена двигателей мощностью 4,2 киловатта. Разница отчислялась предприятию и расходовалась на... премирование работников. «Соображать надо», — говорил директор. — Предприимчивость — движущая сила прогресса».

Общая картина этой «предприимчивости» дополнялась колоссальным перерасходом фонда заработной платы из-за неоправданно частого привлечения людей к работе в выходные дни и сверхурочно.

— А что делать? — пояснял директор следователю. — Рабочему надо дать заработать. Но как? На все работы расценки в соответствии с тарифной сеткой, квалификацией. В выходной же повкалывают — двойная ставка, заработок растет. А иначе рабочие уходят. Вот и стараешься для людей, для завода, проявляешь инициативу. И потом — все равно же продукцию даем, только в срок не успеваем. Государство убытка не несет.

— На сегодня ваш завод недодал продукции на полмиллиона рублей. А премии вы уже получили. Это ли не ущерб государству? — возразил Касатонов. — И само собой, вы не хуже меня понимаете, социалистическая предприимчивость — это прежде всего поиск эффективных методов хозяйствования.

— Извините, — перебил следователя директор, — но вы не хозяин и не знаете наших проблем. Здесь все надо учитывать.

— Ну что ж, насколько верно вы понимаете эти проблемы, покажет суд.

— А разве меня будут судить?

— Думаю, что да.

На следующий день следователю позвонили из заводского профкома — пригласили на общее собрание коллектива. Объяснили, что рабочие не хотят мириться с браком, недовольны постоянными сверхурочными работами, поэтому предлагают в соответствии с законом о трудовых коллективах обсудить создавшееся положение на общем собрании. Интересуются люди и результатами проведенного на заводе расследования.

...Бурно проходило это собрание. Нелегко, непросто было выступавшим признаваться в том, что они и раньше видели беззаконие, но молчали. Молчали, забыв о рабочей гордости, гражданской совести, только потому, что получали в зарплату «приличные» деньги, премиальные. Другие были ошеломлены и возмущены махинациями директора — они не догадывались, что творится в сборочном цехе завода. Особенно возмущались люди выпуском заводского брака.

— Сколько же вреда принесли мы государству! — говорил один из старых мастеров-наставников, И. Н. Панферов. — Чему мы учим

молодых? Как можно ломать то, что сделано твоими руками? Просто не укладывается в голове...

«Один смалодушничал, другой сделал вид, что ничего не знает, и в результате все оставалось в тайне,— думал следовательно, слушающая выступающих.— Но как можно мириться с такими безобразиями? Видеть, как изготавливается заведомый брак, приводятся в негодность новые станки, и молчать! Впрочем, возможно, это не все, хотя молчание и способствовало совершению преступления. Ведь есть специальные органы, которые обязаны регулярно проверять работу предприятий, вскрывать имеющиеся недостатки и принимать меры к их устранению. Еще год назад была проведена ревизия финансово-хозяйственной деятельности завода. Но ничего не было обнаружено. Почему? Потому, что контролеры, видимо, небрежительно отнеслись к выполнению своих служебных обязанностей, провели формальную, поверхностную проверку. Все это и создало условия для того, чтобы нечестный человек, оказавшийся в кресле директора, безнаказанно совершал на протяжении долгого времени преступления, причинившие немалый вред народному хозяйству».

Собрание решило ходатайствовать перед вышестоящими организациями об освобождении директора от занимаемой должности, а также наметило меры по улучшению хозяйственной деятельности завода. Еще до окончания расследования директор был снят с работы.

После окончания расследования прокуратурой было направлено представление в министерство о необходимости усилить контроль за деятельностью подведомственных предприятий, более тщательно проверять их финансово-хозяйственную деятельность с целью недопущения в будущем злоупотреблений со стороны должностных лиц.

А спустя две недели состоялся суд. Директор литейно-механического завода был приговорен к лишению свободы.

А. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат юридических наук

От редакции: Этот очерк написан по конкретным судебным материалам, в его основе — подлинные события, происшедшие не так давно на одном из предприятий Белгородской области. Коллектив завода — а это в подавляющем большинстве своем честные труженики, совестливые и неравнодушные люди, — тяжело пережил случившееся, сейчас здесь приняты действенные меры, исключающие впредь повторение подобного. Поэтому редакция сочла возможным не называть здесь точного адреса и подлинных фамилий.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. ТКАЧЕВСКИЙ,
доктор юридических наук

И СТРОГОСТЬ И ГУМАННОСТЬ

...Поздним вечером по пустынной улице, освещаемой редкими огнями, шел человек. Неожиданно из переулка появилась группа подростков. Один из них развязным тоном попросил у прохожего закурить. Когда тот ответил, что он некурящий, подростки набросились на него и сбили с ног... Затем вытащили из карманов деньги, сняли часы и скрылись. Спустя некоторое время мимо проезжала машина. Шофер подобрал лежащего в беспомощности человека и доставил его в больницу. Врачи с большим трудом спасли пострадавшему жизнь.

Вскоре задержали преступников. Один за другим они проходили перед следователем. Возраст у всех почти одинаковый: шестнадцать-семнадцать лет. С виду вполне обыкновенные ребята. Вспоминая о событиях того вечера, говорили, что все получилось «нечаянно»: прохожий им, дескать, не так ответил, они обиделись и решили его «проучить». Но что больше всего поражало: подростки были уверены, что совершили всего лишь небольшой проступок. И удивились, когда им было предъявлено обвинение в совершении тяжкого

преступления, за которое предусмотрены длительные сроки лишения свободы...

Задумаемся над этим случаем. Что толкнуло подростков на преступление? Нужда? Нет. В ходе следствия выяснилось, что семьи, в которых они росли, вполне обеспеченные. Мсть? И этого не было. Никто из компании ранее не знал пострадавшего. Более того, до встречи с ним в тот злополучный вечер подростки и не замыслили ничего дурного. Бродили по улицам без всякой цели. А вот увидели случайного прохожего — и решили с ним «поговорить». От нечего делать. Тем более, он один, а нас много. В случае чего справиться с ним не составит особого труда...

Между прочим, ситуация по-своему типичная. Наверняка многим из вас приходилось встречать в подъездах домов и на улицах компании шумливых юнцов. Без всякого повода они могут обидеть ребенка. Оскорбить девушку. Не уступить дорогу пожилому человеку. Что толкает их на такое поведение? Думается, только одно — внутренняя распушенность, нежелание считаться с интересами окружающих. А отсюда до преступления, что называется, один шаг. Как это произошло в приведенном выше случае.

Борьба с преступностью несовершеннолетних у нас в стране ведется различными средствами, в том числе и при помощи мер уголовно-правового характера. Подчеркиваем это потому, что среди некоторых людей еще бытует ошибочное мнение: дескать, подросток, какое бы преступление он ни совершил, будет освобожден от уголовной ответственности. Конечно, это не так.

Обратимся к закону. В соответствии со статьей 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. За ряд преступлений (например, убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, разбой, грабеж, кража, злостное или особо злостное хулиганство и некоторые другие) уголовная ответственность наступает с более раннего возраста — с четырнадцати лет.

Когда несовершеннолетнего привлекают к уголовной ответственности, особенно тщательно уточняется его возраст. По закону, человек считается достигшим определенного возраста не в день рождения, а начиная со следующих суток. Если отсутствуют необходимые документы, возраст несовершеннолетнего может быть установлен с помощью судебно-медицинской экспертизы.

На основе многочисленных и разносторонних исследований, проведенных педагогами, психологами и юристами, установлены некоторые особенности преступного и антиобщественного поведения подростков. Они, как правило, более эмоциональны. Характер их неус-

тойчив. Склонны к подражанию. Нередко на преступление их толкает ложно понимаемое чувство товарищества, мужества, смелости, романтизма. Не случайно большую часть преступлений подростки совершают группами. Порой они действуют под влиянием взрослых.

Все это, разумеется, учитывается при назначении им наказания. Конечно, если правонарушение незначительно и носит характер детского озорства, подросток не привлекается к уголовной ответственности. Но если он совершил опасное преступление, то за это несет строгую ответственность. Максимально строгое наказание для несовершеннолетних — 10 лет лишения свободы (для взрослых максимум лишения свободы — 15 лет). Наказание отбывается в воспитательно-трудовой колонии.

Наказание, по советскому уголовному законодательству, не является самоцелью. С одной стороны, это кара за совершенное преступление, с другой же — и это особенно важно — оно должно способствовать исправлению и перевоспитанию осужденного в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждению новых преступлений как осужденным, так и иными лицами. И ни в коем случае оно не преследует цели причинить физические страдания или унизить человеческое достоинство осужденного.

В ряде уголовно-правовых норм предусмотрена возможность освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности. В самом деле, если подросток совершил преступление, не представляющее большой общественной опасности, и провинившегося можно исправить, не лишая свободы, вряд ли разумно применять к нему строгие меры, не говоря уже о том, что это может нанести травму неокрепшей психике подростка.

В каких же случаях подростки освобождаются от уголовной ответственности и наказания?

Как и взрослый, несовершеннолетний правонарушитель с согласия общественности может быть освобожден от уголовной ответственности с передачей на поруки коллектива.

Помимо этого, существуют специфические, применимые только к несовершеннолетним, принудительные меры воспитательного характера — вместо уголовного наказания.

В статье 10 УК РСФСР (и аналогичных статьях уголовных кодексов других союзных республик) указано: если суд найдет, что исправление лица, совершившего в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания, он может применить к такому лицу принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся уголовным наказанием.

Что это за меры? Виновного могут обязать публично или в иной

форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему. Ему может быть объявлен выговор или строгий выговор, либо предостережение. На правонарушителя, достигшего пятнадцатилетнего возраста, может быть возложена обязанность возместить причиненный ущерб, если он имеет самостоятельный заработок и сумма ущерба не превышает пятидесяти рублей. Суд вправе обязать его своим трудом устранить причиненный материальный ущерб на сумму, также не превышающую пятидесяти рублей (при причинении ущерба на сумму свыше пятидесяти рублей возмещение ущерба производится в порядке гражданского судопроизводства). Несовершеннолетний может быть также передан под строгий надзор родителям или лицам, их заменяющим, а также отдельным гражданам по их просьбе. Суд также может признать необходимым назначить подростку общественного воспитателя либо направить его в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение.

Принудительные меры воспитательного характера применяются к несовершеннолетним одновременно с прекращением уголовного дела или отказом в его возбуждении. Эти меры назначаются только тем несовершеннолетним, исправление которых возможно без применения уголовного наказания. Поэтому суд самым тщательнейшим образом устанавливает не только характер и степень общественной опасности преступления, совершенного подростком, но и изучает условия его жизни, отношение к учебе и тому подобное. Только такой всесторонний анализ обстоятельств дела и личности виновного позволяет решить: осудить ли несовершеннолетнего, скажем, к лишению свободы или применить к нему принудительные меры воспитательного характера. Следует заметить, что суды при рассмотрении уголовных дел несовершеннолетних правонарушителей особо обсуждают возможность замены наказания принудительными мерами воспитательного характера.

Освобождение подростка от уголовного наказания вовсе не означает полное его всепрощение. Общество в любом случае осуждает аморальное поведение несовершеннолетнего правонарушителя, хотя и проявляет к провинившемуся особую гуманность. Этот принцип и положен в основу применения к подростку принудительных мер воспитательного характера.

Как показывают выборочные исследования, органы правосудия, освобождая несовершеннолетних от уголовной ответственности, чаще всего принимают во внимание следующие основания: незначительная роль в совершении преступления, отсутствие тяжких последствий, совершение преступления впервые, чистосердечное раскаяние, положительная характеристика на несовершеннолетнего с места учебы или работы, возмещение им причиненного ущерба.

Иногда суд, установив наличие условий, достаточных для осво-

бождения подростка от уголовной ответственности, направляет материалы в комиссию по делам несовершеннолетних, и уже там к нему применяются принудительные меры воспитательного характера.

Подчеркнем, что все эти меры, свидетельствующие о гуманном отношении к несовершеннолетним правонарушителям, в судебной практике применяются достаточно широко. И надо сказать, это приносит положительный эффект. Большинство подростков, к которым вместо уголовного наказания были применены принудительные меры воспитательного характера, стали на путь исправления.

Как известно, большая роль в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей принадлежит общественности — и в тех случаях, когда подростка осуждают условно и когда его освобождают от уголовной ответственности с передачей на поруки коллективу. Действующее законодательство предусматривает и такую меру, как отсрочка исполнения приговора, которая часто применяется к несовершеннолетним. Если подросток впервые осуждается к лишению свободы на срок до трех лет, суд, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а также возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, может отсрочить исполнение приговора на срок от одного года до двух лет. Кроме того, может быть отсрочено исполнение и дополнительных наказаний.

Следовательно, первое условие, необходимое для применения этой меры, — относительно невысокая общественная опасность содеянного. Кроме того, сам виновный не должен представлять большой общественной опасности. Одновременно учитываются и иные обстоятельства дела. Какие? Например, общественность по месту учебы или работы несовершеннолетнего ходатайствует о применении к нему отсрочки исполнения приговора и обязуется проводить с ним необходимую воспитательную работу. Естественно, суд учитывает это при окончательном решении вопроса о наказании подростка за совершенное преступление.

Предоставляя подростку отсрочку исполнения приговора, суд вправе обязать его в определенный срок поступить на работу или учебу, устранить причиненный вред и возложить на него иные предусмотренные законом обязанности, исполнение которых может способствовать исправлению осужденного.

Суд правомочен также возложить на определенный трудовой коллектив или лицо (разумеется, с их согласия) обязанности по наблюдению за осужденным и проведению с ним воспитательной работы. К сожалению, иногда трудовые коллективы и отдельные лица, на которых возложены обязанности по наблюдению за осужденными, формально относятся к выполнению возложенных

на них обязанностей по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей. Это приводит к тому, что предоставленный самому себе подросток вновь совершает преступление и оказывается на скамье подсудимых.

Как определяется продолжительность отсрочки приговора? Многое, конечно, зависит от личности виновного, его раскаяния в совершенном преступлении и тому подобного. Заметим только, что в каждом отдельном случае этот вопрос решается судом, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Контроль за поведением осужденных подростков, которым отсрочено исполнение приговора, осуществляют комиссии по делам несовершеннолетних при исполнительных комитетах районных (городских) Советов народных депутатов и органы внутренних дел.

Если подросток примерным поведением и честным отношением к труду и учебе в течение установленного срока доказал свое исправление, он освобождается судом от реального исполнения наказания. Это происходит по ходатайству комиссии по делам несовершеннолетних и органа внутренних дел. Но может случиться и так. Несовершеннолетний, к которому была применена отсрочка исполнения приговора, не выполняет возложенные на него обязанности. Либо нарушает общественный порядок, за что несколько раз подвергался мерам административного воздействия. В подобных случаях по представлению органа внутренних дел комиссии по делам несовершеннолетних или трудового коллектива, на который возложена обязанность по наблюдению за осужденным и проведению с ним воспитательной работы, суд может вынести определение об отмене отсрочки исполнения приговора и о направлении осужденного для отбывания наказания — лишения свободы, определенного приговором. Основанием для отмены отсрочки могут быть лишь такие нарушения общественного порядка, которые со всей очевидностью свидетельствуют о явном нежелании осужденного встать на путь исправления. Назовем некоторые из них: мелкое хулиганство, злостное неповиновение законному распоряжению работника милиции или народного дружинника, появление в общественных местах в пьяном виде и тому подобное.

При отсрочке исполнения приговора несовершеннолетнему оказывается большое доверие. Его исправление осуществляется без изоляции от общества, без отрыва от семьи, коллектива товарищей и сверстников. Как подчеркивается в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 года, введение в уголовное законодательство нормы, устанавливающей институт отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему, позволяет проводить исправление и перевоспитание лиц, осуждаемых до достижения совершеннолетия, в условиях контроля за их поведением со стороны государственных органов, трудовых коллективов и общественности.

Отсрочка исполнения приговора, как и другие меры, связанные с освобождением от уголовного наказания, применительно к несовершеннолетним используется достаточно широко. И, как показывает практика, эта гуманная мера во многом способствует исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей. Тем более что она имеет немаловажные для осужденного последствия: если в течение установленного срока он проявит себя только с положительной стороны, суд освобождает его от наказания и — что особенно существенно — после этого подросток считается несудимым.

Может возникнуть вопрос: что произойдет, если во время испытательного срока подросток, которому было отсрочено исполнение приговора, совершит новое преступление? В этом случае суд в зависимости от обстоятельств случившегося может к наказанию за новое преступление полностью или частично присоединить ранее назначенное наказание, исполнение которого было отсрочено.

Закон гуманен по отношению к несовершеннолетним правонарушителям. Это оправдано всей моралью нашего социалистического общества, которое стремится помочь оступившимся подросткам, не применяя к ним излишне строгих мер наказания. Но если подросток не оправдал оказанного ему доверия и, несмотря на принимаемые к нему меры, вновь становится на путь преступлений, он несет ответственность за свои противоправные действия по всей строгости закона.

СКОЛЬЗКАЯ ГРАНЬ

Хроника одного расследования

Следователю областной прокуратуры Петру Васильевичу Верещагину, можно сказать, повезло: из города в Зареченский район шел пустой «рафик» «Сельхозтехники», так что не надо было более двух часов трястись в набитом людьми автобусе, чтобы добраться до Вишневки — центральной усадьбы богатого колхоза.

Шофер, немолодой, усатый дядька, видимо, предупрежденный начальством, что с ним поедет следователь, в особые разговоры не вдавался. Верещагину можно было спокойно, в который уже раз, просмотреть поступившее к нему дело, возвращенное судом на дознание, — суд счел, что для вынесения приговора Дмитрию Иванченко, сознавшемуся в убийстве на предварительном следствии, было недостаточно доказательств, и освободил его из-под стражи. Да и сам Иванченко вдруг категорически отказался от своего «чистосердечного», как было сказано в документах, признания. И вот — командировка в Вишневку, где июньским утром доярка Надя Клименчук, опаздывая на ферму и свернув с дороги, увидела в канаве труп.

В погибшем опознали жителя Вишневки Николая Сергеевича Кухняра. Собака из-за густо посыпанного вокруг трупа перца след взять не смогла. Последующая же судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть Кухняра наступила «в результате перелома костей черепа в левой височной области от удара тупым предметом». Имеющиеся повреждения в виде ссадин и кровоподтеков были причинены при жизни. В крови погибшего обнаружен алкоголь.

По мнению экспертов, смерть наступила примерно в полночь.

«Кухняр, Кухняр... Кто ж тебя так? Кому дорогу перешел?» — в который раз спрашивал себя Верещагин, пытаясь найти ту ниточку, что привела бы к раскрытию тайны преступления. Как следовало из показаний опрошенных, Кухняр — заведующий сельским клубом, инструктор-общественник спортивной секции — накануне убийства весь день находился на колхозном стадионе, где проводил состязания легкоатлетов. Около восьми вечера пришел в клуб, где в это время должен был демонстрироваться фильм, однако, не дождавшись конца сеанса, ушел, передав ключи киномеханику и попросив его после окончания кино и танцев закрыть клуб.

Круг подозреваемых был таков.

Вера Шалаева со своим сожителем Иваном Утконосом. Мотив? Шалаевой, работавшей в клубе уборщицей, а заодно и контролером, довольно-таки часто и прилюдно ставилось Кухняром на вид ее недобросовестное отношение к работе, дурное поведение в быту и бесчувственное отношение к ребенку, который фактически оставался безнадзорным, когда его мать пускалась в очередной загул. На эту

Шалаева, будучи в подпитии, грозила, «что прирежет завклуба, а ее Иван — тот и вообще на него давно топор точит». Вечером же накануне убийства Шалаева опять была в нетрезвом состоянии, и Кухнярь вновь отчитал ее. В ночь убийства Вера и Иван Утконос дома не находились — оправдывались тем, что гуляли у подружки Веры, к которой приехал ее жених из соседнего колхоза. А вот отлучался ли Иван Утконос ночью из гостей, никто толком сказать не мог.

Глядя на тянувшиеся за окном поля, Верещагин вспомнил еще один факт: на имя областного прокурора пришла анонимка, что, дескать, «завклуба вбив Ванька Утконос из-за своей стервы, и я видела, как он поджидал его недалеко от хаты». Написана анонимка была уже после того, как обвиняемый Иванченко сознался в убийстве.

Версию по Дмитрию Иванченко следователь начал разрабатывать в первую очередь. Дело в том, что этот довольно-таки хулиганистый парень был в прошлом осужден за то, что в пьяном виде бегал с ножом за своим соседом, который якобы «оттяпал от их огорода сотку». А задерживал его и приводил в милицию покойный Кухнярь.

При проверке этой версии обнаружилось несколько косвенных улик, говоривших не в пользу этого парня. Когда Кухнярь после соревнований пришел в клуб, то там был и Дмитрий Иванченко. Опрошенные видели, как Кухнярь подошел к нему и что-то сказал... По-видимому, неприятное, так как тот сжал кулаки, двинулся было к заведующему клубом, но потом зло сплюнул и, сунув руки в карманы, ушел. По пути наведалься домой к продавцу (магазин был уже закрыт) и выпросил бутылку водки. Пытаясь скрыть спиртное от отца и матери, спрятал водку на сеновале, где якобы и заснул... В протоколе значилось: «выпил бутылку, сильно опьянел и больше ничего не помнил. Проснулся от боли в правой руке, посмотрел: пальцы сбиты; будто дрался с кем-то». Объяснить, где он так мог сбить пальцы рук, Митька не смог, однако признался, что у него было желание «измордовать завклуба и, видно, он спяну это и сделал»... А потом, когда в его доме произвели обыск, то обнаружили красный молотый перец и взяли Иванченко под стражу. Тут он и признался в убийстве... Однако во время следственного эксперимента Иванченко не смог воспроизвести картину нападения на Кухняря, да и молотый перец, обнаруженный в его доме, был невесте какой уликой: многие колхозники его имели...

Изучалась и такая версия: убийство Кухняря могло быть совершено с целью ограбления, поскольку жена его при предъявлении ей вещей убитого заявила, что не хватает часов. Версию подтверждала и другая деталь: метрах в ста от трупавалаялась джинсовая куртка Кухняря, которую, вероятно, с него сорвали, а потом выбросили, догадавшись, что она может послужить уликой.

Председатель исполкома сельсовета Михеев, к которому Верещагин обратился сразу же по приезде в Вишневку, выделил следователю комнату для работы, а на жилье определил к себе — благо, жена уехала к сыну в город «понянчить внука».

Вечером, когда сели ужинать, Верещагин спросил Михеева, что тот думает об Иванченко, — стал бы он мстить Кухнярю?

— Не верю я, чтобы Митька мог убить человека, — ответил Михеев. — Избить — это, пожалуй... А вот чтобы убить...

— Ну, а если взять версию непреднамеренного убийства? —

спросил следователь.— Вдруг ударил Кухняра в висок? Кстати, почти такие показания он поначалу и сам дал...

— Дать-то дал, да почему-то потом отказался...— заметил Михеев.

Уснуть Верещагин не мог: постоянно возникал в памяти разговор с Иванченко. Снова как бы увидел его тоскливые глаза, вспомнил свой вопрос:

— Почему вы все-таки признались поначалу в убийстве Кухняра?

— Почему?..— устало переспросил Иванченко.— Да потому, что молву не осилишь — на меня все показывали. А тут снисхождение вроде, если чистосердечное признание... Мол, и зачтется на суде... Словно затмение нашло!

— Что вам сказал Кухняр, перед тем как вы ушли из клуба?

— Что? Да вроде того... опять, мол, сесть хочешь, если пьяным в клуб притащился?! Я уж точно не помню...

— А вы...— осторожно спросил Верещагин,— действительно выпили к тому времени?

Иванченко замаялся.

— Если честно, то выпил с хлопцами не больше стакана...

Беседуя с людьми, которые хоть как-то были причастны к следствию, Верещагин все больше и больше убеждался, насколько же правильно поступил суд, вернув дело на следствие. В том, что было известно об обстоятельствах совершенного преступления, обнаружилось немало пробелов. Отсюда возникла задача — восстановить первоначальную обстановку на месте происшествия. Но легко сказать: восстановить! Через столько-то времени! Однако нашлись такие, кто почти досконально помнил то утро, когда был найден убитый Кухняр. И одним из них был участковый инспектор — старший лейтенант милиции Панасюк.

— Что, Федор Петрович,— спросил Верещагин у Панасюка,— у вас есть какие-либо дополнительные факты или, может, свое мнение по этому делу?

— Да яко там мнение,— пробурчал старший лейтенант, вытирая цветастым платком вспотевшее лицо.— Просто мы с Михеевым первыми прибежали в тот буерак проклятый. И именно мы нашли курточку Кухняра. Да! Одежда-то его была мокрой от прошедшего ночью дождя, а курточка та джинсовая — сухая.

— Что же вы об этом следователю не сказали? — спросил Верещагин, припоминая, что в материалах дела о сухой курточке не было ни слова.

— Да я, понимаете ли, и сам сразу на это внимания не обратил,— сказал Панасюк.— А потом прихожу к следователю, а он мне говорит: Иванченко, мол, сознался чистосердечно.

Это было дополнением к материалам дела. Дождь пошел после полуночи и закончился к трем часам утра. То есть курточку подбросили уже к утру, после дождя. Но... зачем подбросили?

И еще одно немаловажное обстоятельство удалось выяснить Верещагину.

— Вы понимаете,— волнуясь, рассказывала Надя Клименчук.— Я малость проспала в то утро: вечером-то танцы и кино в клубе были. Ну, бегу через буерак на ферму, земля после дождичка малость подсохла — и вдруг Микола Сергеевич на боку лежит. Поначалу

думала, что пьяный. Но торкнулась до его плеча — мертвый. — При воспоминании об этом девушка, словно в ознобе, передернула плечами, испуганно посмотрев на следователя.

— Надя, а вы ничего особенного не заметили?

— А вот крови не было. Совсем! — твердо сказала Надя. — Я еще удивилась... Лицо даже побито было, а крови вокруг нет...

Когда Надя ушла, Верещагин опять начал просматривать материалы дела. Теперь его интересовало заключение экспертов: может, кровь была на одежде убитого? Об этом — ни слова.

В тот вечер Верещагин задержался в сельсовете, выписывая для себя вопросы, которые необходимо было выяснить в срочном порядке. Главное: где находился Кухняр между десятью вечера и тем роковым моментом, когда кто-то ударил его в висок?

К Михееву пошел, когда уже совсем стемнело и вдоль деревенской улицы зажглись фонари на столбах. Однако по дороге к председателю исполкома сельсовета сделал крюк и завернул к вдове Кухняра, с которой познакомился в первый же день своего приезда.

Галина Федоровна была дома и готовила ужин двум сыновьям-погодкам, которые делали уроки, сидя за столом посреди небольшой, скромно обставленной горницы с блеклыми ситцевыми занавесками на окнах.

— А ну, кыш отсель, — выпроводила детей мать и пригласила гостя к столу. Была она невысокого роста, миловидная, вероятно, красивая в юности. Но по всему виделось, что постигшее горе потрясло ее, сломало, словно хрупкое деревце в бурю, и если бы Верещагин не знал, что этой женщине нет еще тридцати, то дал бы ей все сорок.

— Может, повечеряете с нами? — улыбнулась она виновато.

— Да нет, спасибо, — поспешно отказался Верещагин, всегда смущавшийся, когда приходилось наносить подобные визиты. — Галина Федоровна, вы уж простите меня, что опять приходится затрагивать болезненное, но повторите, пожалуйста, все, что касается вашего мужа в тот вечер накануне убийства.

— Да что там рассказывать, — тихо ответила она, и Верещагин увидел, как она напряглась. — Пришел он что-то около десяти, скавал, будто ему идти срочно куда-то треба. Я ему наскоро повечерять приготовила, он переоделся и ушел... Ребята мои как раз у его старшего брата были: он недавно цветной телевизор купил — и оказали, что у дядьки Артема останутся ночевать. Так что я похлота по хате и, не дождавшись Николая, спать легла.

— И часто ваш муж отлучался вот так, вечером?

— А як же, — вскинула голову женщина. — Ведь все-таки завклубом работал. По-всякому бывало.

— Да... В тот вечер он спиртного не принимал?

— Ни! — быстро ответила Кухняр.

«Так, — подумал Верещагин. — Нигде ничего не пил, а при вскрытии обнаружен алкоголь, причем не в малых количествах. Два варианта. Первый: встретился с кем-то, выпил — и потом избили и на пути к дому убили. Куртку, вероятно, подбросили позже, поняв, что она может быть уликой, а на часы позарились. Но! Почему на одежде не оказалось крови? Второй. Кухняр имел в Вишневке или в каком-либо из хуторов пассивную сердца, к коей похаживал, ссылаясь на клубные дела. В этот раз что-то не склеилось. Может, вернувшись не вовремя муж, который избил Кухняра, затем дал ему умыться и одеться, но по дороге домой догнал и... Куртка же под-

брошена потом, а часы Кухняр мог и забыть в том доме...»

...А вскоре на имя прокурора области пришла вторая по делу Кухняра анонимка: «Если ваш следователь не уедет из села и не прекратит тягать на допросы селян,— писал неизвестный,— плохо ему будет...»

Верещагин вернулся в город. Наскоро забежав домой, тут же поехал в прокуратуру, где его ждал начальник следственного управления Белоконь.

— Ну что,— начал тот,— видно, наступил кому-то на хвост? Анонимки ведь так просто не пишутся... Ладно. Докладывай.

Когда Верещагин закончил доклад, Белоконь внимательно посмотрел на него, спросил:

— Значит, следует вывод: тайная любовница, к которой похаживал убитый? Так. Но... оставим это. Пока. Меня интересует Иванченко.

— Нет-нет,— быстро сказал Верещагин.— Я с ним беседовал: парень был пьян, когда совершилось убийство. А следователю передали, что «Митька-то опять вчера с завклубом поцапался» — вот и пошло-поехало. Ну, а итог — «чистосердечное» признание...

Кивнув, Белоконь подошел к окну, долго стоял там молча, потом спросил:

— Уверен, что Иванченко не убивал Кухняра?

— Думаю, что не убивал,— медленно проговорил Верещагин, пожав плечами.— Хотя полной уверенности пока нет. Мне вот что еще важно: кто семнадцатого сентября, будучи в городе, опустил в почтовый ящик анонимку? Кто был в городе в это время?..

— Спроси участкового,— посоветовал Белоконь.— Обязательно!

При виде следователя Иванченко, ожидавший его в коридоре, поднялся с табурета.

— Ну что — нашли? — на выдохе спросил он, лихорадочно глядя на Верещагина.

— Ответьте на вопрос,— сухо сказал тот.— Чем вам так насолил Кухняр, что вы его даже после смерти ненавидите?

— А ничем,— понурившись отозвался Митька.— Просто сволоч он. У нас в селе думают, что он трезвенником был, жены мужьям его в пример ставили, а ведь глушил он водочку-то как последний алкаш! Только пьяным его не часто видели.

Верещагин внимательно посмотрел на Иванченко, спросил тихо:

— А... вы не наговариваете на него?

— Какой там! Я и сам об этом случайно узнал. У нас в райцентре магазинчик есть, я там с продавщицей познакомился... Поджидаю ее как-то после работы, глядь, Кухняр наш на своей «Яве» подруливает. Ну, я в стороне стоял, так что он меня не заметил. Смотрю, а он в магазинчик шасть,— и выходит оттуда с двумя бутылками водки. Припрятал их в сумку, на «Яву» — и ходу в сторону Вишневки. Я еще удивился тогда: чего это ему в район мотаться, ежели у нас у самих в селе выбор не хуже? дождался, когда Зинка освободилась, и спрашиваю ее: чем это она наших мужиков к себе заманивает? И тут... оказывается, Кухняр каждую неделю водку у нее покупал! Ну, так бы я про это и забыл, если бы тот

как-то не встретил меня в клубе, когда я был в подпитии. Как начал меня воспитывать!.. А я и ляпни в ответ: мол, у самого рыло в пуху!

— Ну, дальше что? — осторожно спросил Верещагин.

— Да ничего,— махнул рукой Иванченко.— После того случая Зинка сказала, что он у нее больше не появляется; ну, а сам-то окрысился на меня: чуть нашкодю где, так сразу же начинает к общестственности призывать. В общем...— Митька скривился, устало посмотрел на следователя.— А... что там!

— Вы точно убеждены, что Кухняр не употреблял спиртного? — спросил Верещагин Михеева.

— Ну...— замылся тот,— лет пять назад он действительно стал баловаться водочкой... Короче, пришла в партком его жинка и пожаловалась, что из-за этой водки житья дома не стало. Муж, мол, все пропивает, и она в одиночку едва вытягивает хозяйство. Так вот... Вызвали мы Кухчяра, дали ему, что называется, по мозгам, и он клятвенно обещал никогда больше не пить.

— И что же? — спросил Верещагин.— Выдержал обещание?

— Выдержал! — ответил Михеев.

«Вот так! — подумал про себя Верещагин,— а водочку-то, по словам Иванченко, частенько покупал в райцентре...»

...Первой, кого увидел Верещагин на ферме, была Надя Клименчук. Заметив следователя, она пошла навстречу.

— Опять по мою душу? — спросила.

— Да нет,— улыбнулся Верещагин.— Галину Кухняр ищу.

— Тю-ю,— протянула Надя.— Так она отдохла уже и домой побежала.

— Вот те на! — расстроился Верещагин. Потом спросил: — Надя, вы не знаете, у нее есть близкие подруги, с которыми она могла бы делиться и горем и радостью?

— Вроде нет... Галина очень скрытная... А в последнее время вообще...— Девушка замылась.— Знаете, такое впечатление, будто ее какая неизлечимая болезнь грызет...

— А, может быть, у Николая Сергеевича другая женщина была?

— Женщина? — Надя удивленно посмотрела на него.— Вы знаете, я как-то об этом... Нет... ни с кем я его никогда не видела... Да! Одну вещь от вас утаила. Понимаете, перед тем как Кухняра убили, Галя как-то пришла с синяком под глазом. Сказала, что о дверной косяк ударилась. А потом... призналась, что Кухняр ее...

...Было темно, когда Верещагин дошел до буерака, где был убит Кухняр. Остановился. Слева чернело перепаханное поле, справа светилась окнами и уличными фонарями Вишневка. Может, здесь Кухняр назначил кому-то встречу? Это первый вопрос. Второй: почему его жена скрыла от следствия, что покойный муж пил?

«Не хотела порочить память покойного? — рассуждал Верещагин.— Возможно...»

И вдруг вспомнил... Протокол осмотра дома и участка Кухняров, где было написано, что со стороны сада обнаружена яма, в ней — полуобгоревшие остатки какого-то тряпья. Тогда Галина Федоровна сказала, что эту яму еще при жизни выкопал муж и сжег в ней накопившееся тряпье, что «только в хате мешало».

— Послухай, Петр Васильевич.— Участковый инспектор присел на стул, по обыкновению достал из кармана платок, вытер им лоб и шею.— Дело вот какое... Вы меня спрашивали: кто из наших селян семнадцатого числа выезжал в город? Так... только жинка Кухняра вместе со своими хлопцами! Она даже на целый день у председателя колхоза отпрашивалась. Ей, мол, ребятишкам одежку купить надо было...

— Купила? — спросил Верещагин.

— Думаю, да,— сказал участковый.— Хлопцы ее в новых ботинках щеголяют, каких у нас в районе уже сто лет не было.

— Та-ак...— протянул Верещагин.— А дети Кухняра сейчас в школе?

— Конечно, в школе.

— Тогда вот что: найдите, пожалуйста, председателя исполкома сельсовета, и я хотел бы в его присутствии, а также в присутствии учителя и директора школы поговорить с ребятишками...

— Саша, ты ездил на днях с мамой в район?

— Ага,— кивнул тот.

— А не помнишь, какого числа?

Мальчик задумался, вопросительно зыркнул глазенками на свою учительницу.

— Так это же можно по классному журналу посмотреть,— пришла та на помощь. Она вышла из кабинета и вскоре вернулась, держа в руках классный журнал.— Вот, семнадцатого сентября.

— Точно,— согласился.— Мамка еще тогда записку писала, что-бы меня от уроков освободили...

— А вы были только в райцентре? — спросил Верещагин.

— Не,— покачал головой мальчишка.— Мы с мамкой сели там на автобус и поехали в город. Надо было ботинки и сапоги добрые на сякоть купить,— ответил по-хозяйски.

— Ну и... купили?

— А как же.— Он выставил напоказ коричневый ботинок с простроченным толстой белой ниткой рантом.— Правда, Пашке сапогов резиновых не досталось, размера подходящего не было. Но ничего, в моих старых походит — не велика фигура.

— М-да, это ты прав, конечно,— согласился Верещагин.— Сашок, а ты бы мог вспомнить, где именно вы были в городе?

— Где? — нахмурился тот, вспоминая.— Когда с автобуса вылезли, то мамка сразу же повела нас в столовку. Мы поели и пошли в детский магазин за ботинками.

— А вы в магазин ехали или пешком шли?

— Пешком.

— А не помнишь, какой дорогой?

— Мы еще церковь такую большую проходили,— ответил Сашок.

— Понятно.— Верещагин нахмурился: полуразрушенная церковь стояла напротив почтамта. Анонимное же письмо было отправлено оттуда...

Из школы Верещагин вышел, думая, что надо отправить на экспертизу образец почерка вдовы Кухняра. Мысль была неприятной: эту рано поседевшую, не по годам состарившуюся женщину, мать двух прекрасных мальчишек, было жаль... Однако уверенность, что она причастна к смерти мужа, теперь не убывала.

По дороге встретился с Михеевым.

— Петр Васильевич,— начал тот озабоченно.— Может я, конечно, не в свое дело суюсь, но тут вот что подумал... В тот вечер, ну-у, когда Миколу Кухняра убили, погода стояла хорошая, так... кое-кто из парней со своими девушками обязательно должен был после танцев в той... части села гулять... А?

Верещагин, и раньше подумывавший об этом, повернулся к нему, сказал:

— Так ведь все-таки сколько времени прошло... Забыли уж...

— А вдруг нет?!

После того, как Верещагин выступил перед собравшейся в клубе молодежью и разъяснил, что от них требуется, наступила тишина. Парни посматривали друг на друга, пожимали плечами. Не особо рвались вперед и девушки.

— Я не жду, что вы прямо сейчас начнете вспоминать о том, кого видели в ту ночь на дальнем конце села,— продолжил Верещагин.— Ваши сердечные тайны меня не интересуют. Но если кто-то вспомнит какую-либо деталь, прошу ко мне...

Уходя из клуба, он неожиданно услышал звонкий девичий голосок. Обернувшись, увидел совсем еще молоденькую девчонку, по-видимому, девятиклассницу, и ее же возраста паренька, спешно догонявших его.

— Извините,— заговорила девушка, когда поравнялась с Верещагиным.— Там, в клубе, нам действительно неудобно было говорить...— Она толкнула в бок парня.— Ну, давай...

Тот стеснительно пожал плечами, пробормотал:

— Чего там рассказывать... Мы как раз напротив хаты Кухняров с Анютой сидели, как вдруг оттуда выскочила жинка его и побежала куда-то по дороге... В село. А потом возвратилась с его братом, и пошли они в хату. Вот и все...

..Вечером пришел акт подчерковедческой экспертизы: анонимку писала не жена Кухняра...

Здание больницы, где лежал Артем Кухняр, брат убитого, словно утонуло в саду.

Верещагин представился.

— Давайте в сад выйдем, а то здесь люди...— предложил Артем Кухняр растерянно.

Прошли в сад, сели на скамейку.

— Я ждал вас,— сказал Кухняр.— Да, ждал... Это я убил брата.— И замолчал.

— К-как... вы? — опешил Верещагин.

— Как?..— Кухняр устало закрыл глаза.— Да так... Пил он... Часто пил... Раньше хлопец как хлопец был, в армию его всем колхозом провожали, спортсмен, член бюро комсомола — в общем, подавал надежды, как принято говорить. Вернулся тоже нормальным человеком, сразу его завклубом поставили... Одним словом, живи и радуйся жизни, а он вот попивать начал. Из-за пьянки этой и жинка его стала на глазах таять; она же когда-то первой красавицей на селе была... Ну, предупредили его — притих. Даже заявление в кандидаты партии подал. А потом вдруг как сорвался! Напропалую пить начал! Вот тогда-то Галина по моему наказу и пошла с жалобой в партком. Исключили его из кандидатов. Он

тогда даже переживал это. Клялся, что пить никогда больше не будет. А она, проклятая, видно, как червь изнутри его сосала. Он аж слюной давился, когда мимо сельмага проходил. Ну, и сорвался однажды. Но из урока, что ему на парткоме преподнесли, понял, что его выходки никто больше терпеть не будет... Вот и начал втихую пить, а жену страшал, издевался над ней...

— И что же... никто не видел этого? — спросил Верещагин.

— Выходит, нет, — мотнул головой Кухняр. — Он утром как огурчик вставал, водой колодезной обливался, зарядку делал и шел на работу. Люди-то думали — образцово-показательный семьянин... Ну, а я, душень, молчал: жалко его было, и вот... дожалелся...

— А... убили как? Почему?!

— В тот вечер их ребяташки у нас были, «голубой огонек» смотрели, потом спать легли. В полночь слышу — стучит в окно кто-то. Выглянул: жинка Миколы стоит, трясется вся, а платье на ней аж до пизу разорвано... Я сразу понял, в чем дело, рубаху накиннул и — к ним. Прибегаем, а он в той самой кондиции, когда все тринтрава. Глаза стеклянные, рот ощерившийся... Я к нему: что, мол, делаешь? А он изловчился да жинке своей кулаком в живот и кричит: «Хахаля-заступника привела?!» Ну, тут уж я не выдержал и дал ему... Так дал, что, кажется, он даже протрезвел немного. Опомнился вроде, пошел к рукомойнику, кровь смыл, снял костюм свой спортивный изодранный, бросил его в угол, потом в чистое переоделся... И все это молча, без единого слова. Потом направился к двери, и вдруг — схватил топор и на меня... — Кухняр замолчал, видимо, вспоминая ту страшную ночь; потер ладонью грудь.

— Может, вам плохо? — тронул его за плечо Верещагин.

— Ничего... — Тот вздохнул, продолжил с трудом: — В общем, чудом я уклонился от удара, в дверцу шкафа топор врезался. А я... ударил брата. Сильно ударил, в висок... Упал он. Поверьте, я не трус, хотел сразу же в милицию звонить, да тут жинка моя из дому прибежала, почуяв, видно, недоброе. И я, даже не знаю, как это могло выйти, отнес Миколу в буерак. Кухняр прикрыл лицо рукой, проговорил глухо: — И надо же было мне ее слушать?! Сердце вот... — Он опять замолчал и вновь начал растирать грудь, морщась.

Верещагин не чувствовал удовлетворения от расследованного дела. Погибший... Такой человек сам заслуживал бы наказания. А на скамье подсудимых будет Артем Кухняр. Добро не торжествует, когда зло побеждает злом, нет. Скользкая это грань.

КОММЕНТАРИЙ ЮРИСТА

Итак, в хронике расследования уголовного дела о гибели Николая Кухняра автор повествования поставил последнюю точку. Но у читателя может возникнуть недоуменный вопрос.

Например, если Артем Кухняр лишь оборонялся от напавшего на него с топором брата, то нужно ли его предавать суду?

Как видно из показаний Артема Кухняра, он вынужден был защищаться от реальной опасности. Но не превысил ли он при этом пределов необходимой обороны? Как закон определяет необходимую оборону?

В статье 13 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статьях УК союзных республик говорится: не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния [действия или бездействия], предусмотренного Кодексом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. В этих случаях не наступает уголовной ответственности.

Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. В данном случае если бы, наоборот, скажем, Николай набросился не с топором, а с кулаками на Артема, а тот нанес ответный удар топором — было бы явное превышение пределов необходимой обороны.

В постановлении пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. обобщена практика применения судами законодательства о необходимой обороне. В нем подчеркивается, что такого рода действия вытекают из неотъемлемого права граждан на оборону. Они не только не содержат преступления, как не представляющие общественной опасности, но, наоборот, содействуют укреплению правопорядка, а правильное разрешение этих дел способствует активизации населения в борьбе с преступностью.

Превышение пределов необходимой обороны, при которой наступает уголовная ответственность, — это когда по делу устанавливается, что обороняющийся прибегнул к защите такими средствами и методами, применение которых явно не вызывалось ни характером и опасностью посягательства, ни реальной обстановкой, и без необходимости причинил посягающему тяжкий вред.

Надо полагать, из этих указаний и будет исходить суд, рассматривая уголовное дело по обвинению Артема Кухняра.

И. КОМИССАРЕНКО,
заслуженный юрист РСФСР

ИНФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬТАЦИИ ОТВЕТЫ

- *Прокуратура: контроль именем закона*
- *Широкие права профкома*
- *Кому разрешено работать по совместительству*
- *Порядок выдачи копий документов*
- *Преступная группа на железной дороге*
- *Детали копеечные — украдены на тысячи*
- *Наказан за халатность*
- *Забота государства о малышах*

ИНФОРМАЦИЯ... КОНСУЛЬТАЦИИ... ОТВЕТЫ...

П

Прокуратура

Советская прокуратура создана в 1922 году по инициативе и при участии В. И. Ленина. Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры осуществляют высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами.

В чем заключаются задачи прокуратуры? Она призвана охранять от всяких посягательств общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы; социально-экономические, политические и личные права и свободы граждан; права и законные интересы государственных и общественных организаций. Вся деятельность прокуратуры СССР направлена на всемерное укрепление социалистической законности и правопорядка.

Органы прокуратуры составляют единую и централизованную систему на всей территории страны — прокуратуру СССР. Ее возглавляет Генеральный прокурор СССР. Он назначается Верховным Советом СССР, ответствен перед ним и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета — перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен.

Система органов прокуратуры состоит из Прокуратуры Союза ССР, прокуратур союзных и автономных республик, краев, областей, прокуратур городов, действующих на правах прокуратур областей, прокуратур автономных областей, автономных округов, районных, городских прокуратур. В систему органов прокуратуры также входят военные прокуратуры, транспортные и другие прокуратуры, приравненные к прокуратурам областей, районным или городским прокуратурам. Генеральным прокурором СССР в городах, где имеются районные прокуратуры, могут быть образованы городские прокуратуры с подчинением им районных прокуратур. Транспортные прокуратуры на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и другие прокуратуры, образуемые Генеральным прокурором СССР, организуются и действуют на правах прокуратур областей, районных или городских прокуратур.

Прокуроры союзных и автономных республик, краев, областей и автономных областей назначаются Генеральным прокурором СССР.

Прокуроры автономных округов, районные и городские прокуроры назначаются прокурорами союзных республик и утверждаются Генеральным прокурором СССР.

Срок полномочий Генерального прокурора СССР и всех нижестоящих прокуроров — пять лет.

Деятельность прокуратуры многообразна. Расскажем об основных ее направлениях.

Прежде всего это общий надзор, то есть надзор за исполнением законов органами государственного управления, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами. Прокуроры следят за тем, чтобы акты, издаваемые указанными органами и организациями, соответствовали законодательным актам, а также постановлениям правительства, чтобы должностные лица и граждане точно и единообразно исполняли законы.

Другое важное направление — надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия. Он направлен, в частности, на то, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым, ни одно лицо, его совершившее, не избежало ответственности; чтобы задержание граждан по подозрению в преступлении производилось не иначе, как в порядке и по основаниям, установленным законом; никто не подвергся незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному ограничению в правах, а также аресту без судебного решения или санкции прокурора.

Санкция на арест подозреваемого или обвиняемого дается лишь при наличии предусмотренных законом оснований. При этом прокурор должен тщательно ознакомиться со всеми материалами, содержащими основания для заключения под стражу, и в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого. Если же речь идет о несовершеннолетнем, прокурор обязан допросить его во всех случаях.

Прокурор также санкционирует производство обыска, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и ее выемку, отстранение обвиняемого от должности, другие действия следователя и органа дознания в случаях, предусмотренных законом.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел в судах; за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом.

Еще одно очень важное направление деятельности прокуратуры — борьба с преступностью и другими правонарушениями, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости ответственности за преступление.

Совместно с другими государственными органами прокуратура разрабатывает меры предупреждения преступлений и иных правонарушений, координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и другими правонарушениями, участвует в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов.

Кроме того, прокуроры обязаны рассматривать предложения, заявления и жалобы граждан, государственных и общественных организаций и принимать меры к восстановлению нарушенных прав и защите законных интересов граждан и организаций. Прокуроры ведут личный прием граждан.

Выполняя свои задачи, органы прокуратуры взаимодействуют с Советами народных депутатов, другими государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективами, опираются на активную помощь граждан в деле укрепления правопорядка.

В соответствии с Конституцией СССР органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР.

Чтобы успешно осуществлять возложенные на них обязанности, прокуроры наделены широкими правами. Они вправе истребовать необходимые сведения и документы от государственных и общественных организаций, требовать проведения проверок и ревизий, получать объяснения от должностных лиц и граждан. Могут возбуждать уголовные дела или отказывать в этом, опротестовывать противоречащие закону акты, в том числе незаконные и необоснованные решения, приговоры, определения и постановления судов, вносить представления об устранении нарушений закона, их причинах и способствующих им условиях.

Таким образом, органы прокуратуры нашей страны, способствуя укреплению правовой основы во всех сферах общественной жизни, выполняют важную роль в решении задач коммунистического строительства.

К. СКВОРЦОВ,
старший советник юстиции, профессор,
доктор юридических наук

Профсоюзный комитет

Профсоюзный комитет предприятия, учреждения, организации — исполнительный выборный орган первичной профсоюзной организации, насчитывающей не менее 15 членов профсоюза.

Профсоюзный комитет (профком) наделен большими полномочиями. Он представляет интересы рабочих и служащих предприятия, учреждения, организации в области производства, труда, быта, культуры и пользуется правами юридического лица. Основным законодательный акт, определяющий полномочия профкома — Положение о правах профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1971 года (с последующими изменениями). Значительно повысилась роль профкомов с принятием Закона СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». Профком обеспечивает рабочим и служащим участие в управлении производством. Для этого используются собрания (конференции) трудовых коллективов, производственные совещания, конференции и различные формы общественной са-

модельности рабочих и служащих. Закон обязывает администрацию и профсоюзный комитет систематически информировать членов трудового коллектива о своей деятельности по осуществлению полномочий трудового коллектива в период между общими собраниями.

Избирается профком тайным голосованием на общем собрании (конференции) первичной профсоюзной организации сроком на один год. Если организация объединяет 300 и более членов профсоюза, профком избирается на 2—3 года. Его количественный состав устанавливается общим собранием или конференцией. Профком избирает председателя, его заместителя и казначея.

В производственном объединении (комбинате), научно-производственном объединении по решению ЦК профсоюза создается профсоюзный комитет объединения.

Профсоюзным комитетам таких крупных объединений, профсоюзам крупных организаций, а в ряде случаев и другим профсоюзам с учетом производственных особенностей и территориальной разбросанности с разрешения ВЦСПС могут быть предоставлены права райкома профсоюза. Для ведения текущей работы эти профкомы избирают президиум в составе: председателя, одного или нескольких его заместителей, казначея и членов президиума.

Давайте посмотрим, какую работу проводят профкомы.

Представляя интересы трудящихся в **области производства**, профком руководит производственными совещаниями, проводит общие собрания; осуществляет систематический контроль за выполнением принятых решений и предложений рабочих и служащих. Профком должен способствовать росту производительности труда, экономному расходованию сырья, топлива, энергии, рентабельности производства, внедрению бригадной и других прогрессивных форм организации труда.

Большую роль играют профкомы в деле укрепления трудовой и производственной дисциплины. И в этом профсоюзам предоставлены широкие возможности. Так, они совместно с администрацией организуют социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду и подводят итоги, определяют победителей в соревновании, присуждают коллективам передовых цехов, отделов, бригад и других внутренних звеньев предприятия, организации переходящие Красные знамена, почетные грамоты, решают вопрос о награждении грамотами и денежными премиями, а также о занесении на Доску почета и в Книгу почета передовиков производства, широко популяризируют итоги соцсоревнования, распространяют передовой опыт. При этом расходование всех средств премирования отличившихся в социалистическом соревновании производится руководителем предприятия, организации по согласованию с профкомом.

Необходимо отметить и такие важные стороны деятельности профкома, как участие в разработке проектов планов экономического и социального развития объединения, предприятия, организации, учреждения; комплексных планов улучшения условий охраны труда и санитарно-оздоровительных мероприятий; заключение и подписание по полномочию трудовых коллективов коллективного договора с администрацией и осуществление систематического контроля за его вы-

полнением, всемерное содействие развитию изобретательства и рационализации и т. д.

Представляя интересы рабочих и служащих в области труда, профком участвует в установлении условий труда, в применении трудового законодательства, ведет контроль за соблюдением администрации законодательства о труде, правил и норм техники безопасности и производственной санитарии, верным применением установленных условий оплаты труда, осуществляет государственное социальное страхование. Совместно с профкомом администрация определяет размеры премий, материальной помощи и вознаграждения по итогам работы предприятия за год, выплачиваемых из фонда материального поощрения, который создается на предприятиях.

Назначение работников на руководящие хозяйственные должности производится администрацией также с учетом мнения профкома.

В области быта профсоюзный комитет участвует в разработке планов строительства и ремонта жилых домов предприятия, распределении жилой площади в домах предприятия, контролирует жилищно-бытовое обслуживание трудящихся и т. д. В области культуры организует культурно-просветительную, оздоровительную и спортивную работу.

И все это далеко не полный перечень широких и многообразных прав и возможностей профсоюзных комитетов.

Очень важной обязанностью профкома является рассмотрение трудовых споров по заявлениям рабочих и служащих, когда в комиссии по трудовым спорам не было достигнуто соглашения сторон, и жалоб трудящихся на решения этой комиссии. При этом он имеет право оставить решение комиссии в силе или отменить его и вынести постановление по существу спора. Профком по собственной инициативе или по протесту прокурора отменяет решение комиссии, противоречащее действующему законодательству, и выносит постановление по существу спора.

В качестве представителя интересов рабочих и служащих профком всегда выступает как коллегиальный орган. Заседание его только в том случае считается правомочным, если на нем присутствовало не менее $\frac{2}{3}$ членов этого комитета.

Для более широкого привлечения рабочих и служащих к деятельности профкома создаются постоянные комиссии по основным направлениям профсоюзной деятельности. Например, по организационно-массовой работе, охране труда, заработной плате и т. д.

Е. ГЕРШАНОВ,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист РСФСР

Р

Работа по совместительству

Совместительство — это выполнение, помимо основной, другой регулярной платной работы за пределами рабочего времени первой.

Совместительство может быть штатное. Это значит, что человек, кроме одной должности, занимает вторую в том же или другом учреждении, на предприятии, в организации, с полной или частичной выплатой ставки (оклада). Нештатное — когда работа в другом месте выполняется с почасовой оплатой или с оплатой из нештатного (безлюдного) фонда, т. е. без оформления на штатную должность.

Право на совместительство предоставляется не всем работникам, а только тем, в отношении которых есть соответствующие решения Правительства СССР.

Так, в настоящее время допускается работа по совместительству, рабочих и младшего обслуживающего персонала, независимо от размера их заработной платы по основной работе.

Как временная мера, до конца 1985 года разрешено совместительство медицинским, фармацевтическим и ветеринарным специалистам, педагогическим работникам школ, училищ, средних специальных учебных заведений, дошкольных и внешкольных детских учреждений.

Профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений может привлекаться к совместительству в лабораториях предприятий, в опытно-экспериментальных, проектно-конструкторских, научных и других организациях, выполняющих работы, связанные с развитием химии, химического машиностроения, приборостроения, радиоэлектроники, электронной техники и сельского хозяйства. Разрешается также совместительство научным работникам научно-исследовательских учреждений и специалистам народного хозяйства на педагогической работе в вузах. Предоставляется право инженерно-техническим работникам и служащим выполнять по совместительству работу, связанную с непосредственным оказанием услуг населению на предприятиях бытового обслуживания.

Совместительство в качестве руководителей кружков во дворцах и домах культуры, клубах, домах техники и народного творчества, других учреждениях клубного типа, независимо от их ведомственной принадлежности, разрешается лицам, имеющим соответствующее специальное образование или опыт данной работы.

Совместительство допускается только в одной организации. Для этого необходимо письменное разрешение руководителей обоих заинтересованных предприятий, учреждений, организаций, согласованное с профсоюзными комитетами по основной и совмещаемой работам. Для медицинских, фармацевтических, ветеринарных, педагогических и других работников, на которых распространяется действие постановлений Совета Министров СССР «Об ограничении совместительства по службе» от 10 декабря 1959 г. № 1367 (СП СССР, 1959, № 20, ст. 164),

это разрешение согласуется с вышестоящими по подчиненности организациями и соответствующими профсоюзными комитетами. В разрешении с основного места работы должно быть указано: в какой организации, на какой срок и в какое время разрешено совмещение, а также каковы условия труда по основному месту работы.

Для рабочих и младшего обслуживающего персонала оплата труда по совмещаемой должности (работе) производится из расчета установленной для этой работы ставки (оклада) в зависимости от объема и качества выполняемой работы. При этом заработная плата по совмещаемой должности не должна превышать оклада (ставки) по основной. Если же совместитель работает сдельно, то оплачивается фактическая выработка. Премии по совмещаемой должности (работе) начисляются на получаемый совместителем оклад (ставку) по этой работе и выплачиваются сверх указанного выше предельного размера заработной платы.

Врачам, среднему медицинскому персоналу, ветеринарным, фармацевтическим и педагогическим работникам и некоторым другим специалистам, а также профессорско-преподавательскому составу оплата труда по совмещаемой должности (работе) производится из расчета установленного оклада (ставки) по совмещаемой должности (работе) пропорционально фактической нагрузке. Однако она не должна быть более половины полного оклада (ставки) по совмещаемой должности (работе). Лишь в отдельных районах, где не хватает врачей, Советам Министров союзных республик предоставляется право разрешать в виде исключения врачам работу по совмещению как в разных учреждениях здравоохранения, так и внутри одного учреждения с оплатой по фактически затрачиваемому рабочему времени до полного оклада (ставки) по совмещаемой работе.

Отпуск по совмещаемой должности предоставляется одновременно с отпуском по основной. Оплата отпуска или выплата компенсации за неиспользованный отпуск по совмещаемой работе, как правило, не производится.

Право на оплачиваемый отпуск по совмещаемой работе имеют рабочие, младший обслуживающий персонал, педагогические и медицинские работники. Оплата отпуска производится отдельно по основной и совмещаемой работе. Причем оплата по совмещаемой работе определяется из среднемесячного заработка за 12 месяцев работы по этой должности.

Увольнение с совмещаемой должности (работы) производится помимо оснований, предусмотренных законодательством, также в случаях отмены разрешения на совмещение или приема на данную должность работника, не являющегося совместителем. Такое увольнение производится администрацией без предварительного согласия профсоюзного комитета. Предупреждать работника о предстоящем увольнении или выплачивать ему выходное пособие не требуется.

М. ЕЛИСЕЕНКОВА,
ведущий специалист юридического
отдела Госкомтруда СССР, заслу-
женный юрист РСФСР

Проверьте ваши знания

1. К СТАТЬЕ «РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА»

В кабинет заведующего загсом стремительно вошла разгневанная женщина, а следом за ней — нахмуренный мужчина.

— Это издевательство! — без обиняков начала женщина. — Мы хотим немедленно развестись, а ваши сотрудники говорят, что это возможно только через три месяца после подачи заявления о расторжении брака. Зачем же тянуть время? Детей у нас нет, на развод согласны оба. Так что требую немедленного развода.

Законна ли эта просьба?

2. К СТАТЬЕ «САДОВОДЧЕСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО»

Правление садоводческого товарищества «Горизонт» приняло решение, которым запретило члену товарищества Петрову держать на участке кур и гусей.

Законное ли решение приняло правление?

3. К СТАТЬЕ «САМОУПРАВСТВО»

Иван Чуканов пожаловался своему приятелю:

— У нас с женой и ребенком одна комната в двухкомнатной квартире. Очередь моя на улучшение еще не скоро подойдет. А сосед по квартире съехал месяц назад.

— Имеешь полное право занять эту комнату, — сказал приятель.

В тот же день Чуканов перетащил часть своих вещей в освободившуюся комнату и в течение недели переоборудовал ее по своему вкусу: разобрав часть стены, превратил комнаты в смежные, заменил линолеум на паркет, покрасил стены масляной краской...

Как можно квалифицировать действия Чуканова?

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

Копии документов

Нередко у граждан возникает необходимость получить копию какого-либо документа — при поступлении в учебные заведения или на работу, получении жилой площади, при оформлении пособия, пенсии, наследства, разбирательстве дела в суде и т. п.

В ряде случаев закон предусматривает представление копий документов, удостоверенных в нотариальном порядке. В других — довольно многочисленных — достаточно предъявить копию, засвидетельствованную предприятием, учреждением, организацией.

4 августа 1983 года принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан» (Ведомости Верховного Совета СССР, 1983, № 32, ст. 492).

На основании этого Указа государственные и общественные предприятия, учреждения и организации выдают копии документов, исходящих от них.

Для получения копии документа гражданин обращается на предприятие, в учреждение, организацию (в дальнейшем для краткости — «предприятие») с заявлением. Его личная явка не обязательна. Он может послать заявление по почте либо действовать через доверенное лицо.

Заявления о выдаче копий документов и свидетельствовании их верности рассматриваются предприятиями в срок до одного месяца со дня их поступления, а не требующие дополнительного изучения и проверки — безотлагательно, но не позднее 15 дней. Когда для разрешения заявления необходимо провести специальную проверку, истребовать дополнительные материалы либо принять другие меры, сроки могут быть в порядке исключения продлены руководителем (заместителем руководителя) предприятия, но не более чем на один месяц, с сообщением об этом заинтересованному лицу.

Копия документа выдается, если она необходима гражданину для решения вопросов, касающихся его прав и законных интересов. Не выдаются копии документов, касающихся работы государственных предприятий, учреждений и общественных организаций и не адресованных гражданину.

Копии документов выдаются на бланках предприятий. На копии указывается дата ее выдачи и делается отметка о том, что подлинник документа находится на данном предприятии. Верность копии свидетельствуется подписью руководителя или уполномоченного на то должностного лица (чаще всего начальника отдела кадров, управляющего делами или начальника канцелярии) и печатью.

В таком же порядке предприятия выдают копии имеющихся у них документов, исходящих от других предприятий, от которых получить гражданам непосредственно копии этих документов затруднительно или невозможно. Когда такие документы исполнены на бланках, при изготовлении копий воспроизводятся реквизиты бланков.

Предприятия высылают также копии имеющихся у них документов по запросам других предприятий, если копии таких документов не-

обходимы для решения вопросов, касающихся прав и законных интересов обратившихся к ним граждан. Надобность в подобных запросах, например, возникает, когда граждане из-за своих физических недостатков либо по каким-нибудь иным причинам не могут сами обратиться с заявлением о выдаче копии документа.

Если законодательством не предусмотрено представление копий документов, засвидетельствованных в нотариальном порядке, то предприятия обязаны сами свидетельствовать верность копий таких документов.

Это правило имеет большое практическое значение. Напомним, например, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР в совместном постановлении от 25 февраля 1960 года «О мерах по устранению канцелярско-бюрократических извращений при оформлении трудящихся на работу и разрешении бытовых нужд граждан (СП СССР, 1960, № 6. ст. 33) осудили порочную практику некоторых должностных лиц, которые требовали от поступающих на предприятия не нужные для этого документы и их копии. К сожалению, эта практика не изжита и по сей день. Так, нередко случаи, когда при приеме на работу, требующую специальных знаний, администрация обязывает работника представить копию диплома или другого документа об образовании либо профессиональной подготовке. Между тем согласно статье 19 Кодекса законов о труде РСФСР и соответствующим статьям КЗоТ других союзных республик при приеме на работу запрещено требовать документы, помимо предусмотренных законодательством. А в соответствии с пунктом 6 Типовых правил внутреннего трудового распорядка в этих случаях достаточно предъявить подлинник диплома или документа о профессиональной подготовке. Если же администрация по каким-либо причинам считает необходимым иметь на предприятии копию диплома или свидетельства, то она должна сама обеспечить изготовление копии такого документа и засвидетельствовать ее.

Запрещается свидетельствовать верность копий паспорта, заменяющих его документов, партийного, профсоюзного, комсомольского, военного билетов, депутатского удостоверения, служебных удостоверений, а также других документов, снятие копий с которых не допускается.

Не свидетельствуются копии с документов, имеющих неясный текст, подчистки, приписки и другие неоговоренные исправления.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1983 года предусмотрено, кроме того, что в таком же порядке, как и ко-

пии, выдаются выписки из документов, касающихся прав и законных интересов граждан.

Верность выписки может быть засвидетельствована только тогда, когда в документе, из которого она делается, содержатся решения по нескольким отдельным, не связанным между собой вопросам. Выписка должна воспроизводить полный текст части документа по определенному вопросу. Например, в свидетельствуемой выписке из протокола собрания должен быть полностью записан текст протокола по конкретному отдельному вопросу. Указывается номер и дата протокола, наименование организации, фамилии председателя и секретаря собрания, подписавших документ.

Засвидетельствованная надлежащим образом копия или выписка имеет значение подлинного документа. Вместе с тем за организацией, куда представлена эта копия или выписка, сохраняется право в случае сомнения в ее достоверности запросить подлинник документа.

Должностные лица, виновные в засвидетельствовании копии документа с нарушением требований Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1983 года, могут быть привлечены к ответственности в установленном законом порядке.

В. РОЩИН, юрист

судебная хроника

Неподалеку от Ташкента, на станции Шумилово Среднеазиатской железной дороги, в течение долгого времени действовала преступная группа, занимавшаяся хищением из вагонов. В нее входили машинист В. Муминов, составитель поездов В. Ерофеев, сторож Ш. Юсупов и другие. Преступники похищали ковры, мебель, зеркала, магнитофоны, ткани, духи и другие товары. Ими причинен государству ущерб на десятки тысяч рублей.

Участники группы создавали благоприятную для хищений обстановку: несвоевременно отправляли вагоны, из-за чего те скапливались на станции; нередко вагоны загоняли на территорию находившегося рядом

строительного управления № 1 и из них ночью крали ценности.

Судебная коллегия по уголовным делам Ташкентского городского суда приговорила Муминова к 14 годам, Юсупова — к 12, Ерофеева — к 11 годам лишения свободы. Осуждены и другие участники преступной группы. С них взыскан причиненный государству ущерб.

■
Электромонтер Нефтекамского завода автосамосвалов (Башкирская АССР) Р. Шайдуллин совершил мелкое хищение с предприятия. Работники милиции произвели у него дома обыск. При этом обнаружили в большом количестве комплектующие детали к автосамосвалу «КамАЗ». Так, одних резиновых и пластмассовых колец — двенадцати наименований, ман-

жет — семи наименований, а также сальники, диафрагмы и другие. Стоимость каждого изделия невелика — от 0,8 копейки до 10 копеек. Однако общая стоимость всех похищенных деталей была большой — 2379 рублей.

Действия Шайдуллина в соответствии с законом квалифицированы не как повторные мелкие хищения, а как хищение в значительном размере, за что он приговорен судом к длительному сроку лишения свободы. Краденые детали возвращены заводу.

Начальник станции Соломатин Приволжской железной дороги, расположенной недалеко от города Камышина Волгоградской области, В. М. Бухтояров недобросовестно выполнял свои обязанности. Прибывшие грузы

по протесту прокурора

За самовольный уход с работы правление колхоза «Искра» (Марьяновский район Омской области) решило удержать с члена колхоза Иноземцева 30 рублей.

Прокурор Марьяновского района Г. А. Зыков опротестовал это решение.

В соответствии с пунктом 35 Примерного Устава колхоза на нарушителей трудовой дисциплины общее собрание колхозников или правление колхоза могут налагать следующие взыскания: порицание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу, ос-

сматривал поверхностно, необходимые документы не составлял. Например, на хлебоприемный пункт Камышинского элеватора прибыли вагоны с рисом. При их осмотре контрольные оттиски на пломбах не были видны, однако Бухтояров на это документов не составил. Когда вагон поступил к грузополучателю, здесь обнаружилась недостача риса. Вина за нее была возложена на железную дорогу, в связи с чем с нее взыскан ущерб. Были и другие подобные случаи.

Бухтояров привлечен к уголовной ответственности за преступную халатность, причинившую существенный вред государственным интересам. Народный суд Центрального района Волгограда приговорил его к 1 году исправительных работ и постановил взыскать с него ущерб.

вобождение от занимаемой должности, предупреждение об исключении из членов колхоза. К тем, кто систематически нарушает трудовую дисциплину и Устав колхоза, может быть применена и такая мера, как исключение из членов колхоза.

Что же касается денежного удержания, Примерный Устав колхоза такой меры взыскания не предусматривает.

Незаконное решение правления отменено.

В соответствии с решением профсоюзного комитета совхоза «Савинский» (Ивановская область) В. Д. Кустову было выплачено пособие по временной нетрудоспособности в размере

80 процентов с учетом стажа работы.

Прокурор Савинского района юрист I класса В. А. Воронин опротестовал это решение.

Кустов получил травму на производстве. Об этом свидетельствует акт о несчастном случае. Пунктом 17 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию предусмотрено, что по временной нетрудоспособности вследствие трудового увечья или

профессионального заболевания рабочим и служащим государственных, кооперативных и общественных предприятий, учреждений и организаций, в том числе и не являющимся членами профсоюза, пособие выдается в размере 100 процентов заработка независимо от непрерывного стажа работы.

На основании указанного Положения пособие по временной нетрудоспособности выдано В. Д. Кустову в полном размере.

Читатель на приеме у юриста

Читатели В. Григоренко из Тернопольской области и Р. Асланов из Бухары просят рассказать о порядке выдачи больничного листка и пособия по уходу за больным членом семьи.

При освобождении от работы для ухода за заболевшим членом семьи больничный листок и пособие по временной нетрудоспособности выдаются, когда отсутствие ухода грозит опасностью для жизни или здоровья больного, и если невозможно поместить его в больницу. При этом учитывается и то обстоятельство, что в семье нет человека, который бы мог постоянно находиться с больным. Если нездоров ребенок в возрасте до 2 лет, то матери выдается пособие, независимо от того, имеется ли другой член семьи, который мог бы ухаживать за ребенком.

Если мать в силу каких-либо причин (больна, временно отсутствует и т. д.) не может ухаживать за ребенком, больничный листок может быть выдан другому члену семьи. Во всех случаях выдается он только лечащим врачом больного.

Может ли лечащий врач отказать в выдаче больничного листка по уходу за ребенком и в каких случаях? — спрашивает Г. Спивак из Минска.

Прежде всего врач, учитывая состояние больного ребенка, его возраст, устанавливает, нуждается ли он в уходе и может ли кто-то из членов семьи обеспечить его без освобождения от работы. Если такая возможность есть, больничный листок не выдается. Не выдается он и в ряде других случаев: для ухода за хроническими больными; когда родители отказываются от помещения ребенка в стационар. Если в стационаре вместе с ребенком находится мать, пребывание которой там признано необходимым, то ей выдают больничный листок.

Н. И. Айсанова, Л. М. Филина, Н. В. Кривченкова и другие женщины из города Кириши Ленинградской области интересуются, на какие сроки выдаются больничные листки по уходу за больным ребенком.

Больничный листок и пособие по уходу за больными детьми, не достигшими 14 лет, выдаются не более чем на 7 календарных дней. Одиноким матерям, вдовам и разведенным женщинам, имеющим детей, не достигших 7 лет, они могут выдаваться на срок до 10 календарных дней.

Г. Золотарева из города Арсеньева Приморского края спрашивает, можно ли получить больничный листок по уходу за ребенком в период ежегодного отпуска матери?

В случае заболевания ребенка во время ежегодного отпуска матери больничный листок ей не выдается. В соответствии с Положениями о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию и по социальному страхованию колхозников, пособие выдается только в случае заболевания самого работника в период его ежегодного оплачиваемого отпуска.

А. М. Суворина из города Валуйки Белгородской области задает такой вопрос: может ли быть выдано два больничных листка, если в семье двое детей и они по очереди заболевают?

Когда в семье несколько детей и они заболевают в разное время, то больничный листок по уходу за ними выдается в каждом конкретном случае отдельно. При заболевании двух и более детей одновременно выдается один больничный листок.

Читательница З. Ряховская из Павлодара спрашивает, может ли лечащий врач выдать больничный листок по уходу за больным ребенком на срок более трех дней, или продление должно быть утверждено врачебно-консультационной комиссией (ВКК)?

Лечащий врач может выдать больничный листок одновременно не более чем на три дня с продлением его в случае необходимости на такой же срок. Сверх шести дней больничный листок продляется лечащим врачом с утверждением врачебно-консультационной комиссии или главного врача лечебного учреждения. Такое же право предоставлено заместителю главного врача, заведующему отделением.

Когда по характеру заболевания ребенка лечащий врач после выдачи больничного листка на первые три дня считает, что его необходимо продлить еще на четыре календарных дня, он вправе сделать это, получив разрешение ВКК или лиц, которым предоставлено это право.

Ю. ЖУКОВ,
кандидат юридических наук

**ИНФОРМАЦИЯ
КОНСУЛЬТАЦИИ
ОТВЕТЫ**

ПО ДОЛГУ СОВЕСТИ

Веймар... С этим старинным немецким городом связали свою жизнь Гете, Лист, Виланд, Гердер. Но что значили эти фамилии для коричневых, захвативших власть в 1933 году? У стен именно этого города они соорудили лагерь смерти Бухенвальд.

Колокольная башня видна издалека. На ней число 56 545 — столько было замучено здесь узников из 35 стран.

Еще далеко не поставлена последняя точка в летописи той страшной поры. Еще не все палачи наказаны и стали известны не все имена жертв Бухенвальда. Мы рассказываем сегодня о человеке, немало сделавшем для того, чтобы ничто из прошлого не было забыто.

Познакомился я с ним по работе. Дитер Роммайс — прокурор города Веймара. В день нашей встречи он попросил меня прочитать ему письмо, которое он получил из Азербайджана, от Марты Васильевны Мамедовой. Вот оно:

«После долгих поисков моего пропавшего без вести брата Ботвинко Павла Васильевича мы получили Ваше письмо и фотографии. Ваше письмо известило нас, что мой брат был зверски убит нацистами в городе Бад-Берка, район Веймар, ГДР.

Я, Мамедова (урожденная Ботвинко) Марта Васильевна, родившаяся в 1918 году, и мой муж, Мамедов Абдын Гасанович, хотим приехать в Бад-Берка, чтобы навестить могилу моего брата.

Убедительно просим оказать содействие».

— И вы поможете им? — деликатно поинтересовался я.

Роммайс посмотрел на меня поверх очков, как мне показалось с укоризной:

— Естественно, это мой долг! Я обязан посодействовать им и как человек и как прокурор. И этот свой долг я завещаю сыновьям моим и внукам.

Тогда впервые он поведал мне свою историю.

— Мне было тринадцать лет, когда кончилась война. Вся наша семья испытала нацистское лихолетье. Отец мой, социал-демократ, после захвата власти нацистами не мог устроиться на работу по специальности, а предавать свои убеждения в угоду нацистским подонкам отказался. Испытывая на «лояльность», фашисты заставляли его заниматься самой грязной работой, запугивали, но отец выстоял. И нас приучил быть такими же непримиримыми.

Не забыть того дня, когда отец, взяв меня за руку, повел на площадь (это было весной 1945 года). Там возле полевой кухни стояла длинная очередь горожан и беженцев-немцев. Советский солдат раздавал населению хлеб и дымящийся борщ. «Запомни, сын,— обратился ко мне отец.— Им, русским, война стоила дороже всех.

Это мы принесли им море крови и горя. А они заботятся о нас, отрывают последнее от себя, хотя я слышал, у них в стране с продуктами туго». И я запомнил. Даже не то слово — впитал в себя эту отцовскую заповедь. — Мой собеседник помолчал. — И в тот день я поклялся себе всеми силами бороться за новую Германию, за то, чтобы ужасы войны и позор гитлеризма никогда не повторились. Эту мою позицию укрепила и деятельность в Союзе свободной немецкой молодежи, куда я вступил вскоре после его основания в 1946 году, и совместная работа с советскими товарищами.

Никогда не забыть мне встречи с главой советской военной администрации в Тюрингии полковником Колесниченко. Буду всегда помнить офицера Петра Зиновьева, с которым в январские дни 1949 года мы организовали и провели вечер памяти В. И. Ленина.

Я тогда был ответственным за агитацию среди несоюзной молодежи. С докладом должен был выступить Зиновьев. Вечер назначили на 19 часов, но докладчик опаздывал. Я попросил аудиторию подождать, а сам стал «караулить» в коридоре. Наконец Зиновьев пришел. Он был не один, с ним — два солдата. Мы прошли в зал. Аудитория притихла. Потом в одной группе зашептались, и к доске протиснулся один. У нас таких тоже называют «паршивая овца». Он написал на доске сложное интегральное уравнение, высокомерным жестом пригласив русских решить его. Мы замерли. К такой явной провокации мы не были готовы. Но один из солдат посмотрел на доску, спокойно взял мел, подумал и написал ответ. Аудитория взорвалась аплодисментами. Не менее были потрясены собравшиеся, когда Зиновьев сделал свой доклад на чистом немецком языке. Тогда это была самая лучшая агитация.

Потом я вступил в Социалистическую единую партию Германии, учился, а с 1959 года работаю прокурором... Так что участие в розыске неизвестных пока жертв нацизма — это мой долг и естественное желание, подсказанное всей жизнью.

Я попросил товарища Роммаса рассказать, как ему удается устанавливать личность в таких случаях. Он достал документы: «Дело об убийстве трех неизвестных лиц». Как и любое уголовное дело, папка открывалась протоколом осмотра места происшествия:

«31 января 1962 года при сооружении сушилки на мебельной фабрике в городе Бад-Берка во время рытья колодцев обнаружили скелеты трех людей. На место происшествия прибыли сотрудники уголовной полиции, судебные медики и прокурор района Д. Роммайс. Из земли были с осторожностью извлечены останки людей, обуви; истлевшей одежды, а также очки с футляром, две столовые ложки и металлическая коробка. При осмотре костей черепа и шейных позвонков были обнаружены повреждения, характерные для пулевых ран».

Все это было извлечено и отправлено в институт судебной медицины при Йенском университете имени Шиллера. Выяснению подлежали время и причина смерти этих трех людей, а также возможные признаки для их идентификации.

Обнаруженная обувь и предметы, а также типичные следы выстрелов в затылок позволили предположить, что погибшие были узниками нацистского концлагеря. Но эту первую догадку Роммайсу предстояло подтвердить опросом многих граждан. Так, следствию удалось выяснить, что раньше на территории мебельной фабрики находился цейхгауз — склад, в котором эсэсовцы хранили вещи, отобранные у узников Бухенвальда. В качестве охранников

склада и самого концлагеря в конце войны использовали наряду с эсэсовцами и солдат пресловутого «фольксштурма» — гитлеровского ополчения.

В конце концов были найдены свидетели, которые видели, как здесь, у цейхгауза, были расстреляны охранником-фольксштурмовцем трое военнопленных. Вспомнили они даже имя палача — Отто Гильперт.

Из протокола опроса свидетеля Рольфа Бланка:

«В конце марта 1945 года из Ордруфа через Бад-Берка гнали колонны заключенных Бухсвальда на уничтожение. Уставшие, измученные, голодные люди сотнями гибли в пути. Те, кому удалось ездить между Бад-Берка и Раушенбургом в ту страшную пору, насчитывали на дороге более 30 валявшихся трупов. В один из этих дней на площади перед цейхгаузом остановилась очередная колонна заключенных. Троиц из них удалось незаметно отделиться от колонны и спрятаться в цейхгаузе.

Но тут мать позвала меня домой. Больше я ничего не видел».

Из протокола опроса свидетеля Отто Хофманна:

«Это было в конце войны. Цейхгауз охраняли солдаты. Мы, ребята, играли неподалеку. Один из охранников, Гильперт, угрожал нам пистолетом, чтобы мы убирались. На следующий день, когда из очередной колонны троим удалось скрыться в цейхгаузе, обнаружил их отсутствие и поднял тревогу тот же Гильперт. Он организовал поиск, разыскал их в углу склада и запер в будку. Потом позвал эсэсовцев. Мы притаились в кустарнике у забора. Примерно через четверть часа Гильперт вывел беглецов и заставил их рыть лопатами яму перед забором. Как раз в том месте, где в конце января 1962 года были обнаружены останки. Затем он поставил несчастных лицом к яме, стал в 1—1,5 метра сзади и по очереди выстрелил им в затылок. Узники упали...

Это был самый конец войны: американские танки уже шли по шоссе через наш город. «Ами», как мы звали американцев, сначала забрали Гильперта, но вскоре отпустили его. А затем след палача потерялся...»

Роммайс обращается за помощью к советскому военному прокурору: он просит проверить по архивным материалам, не проходили ли по делам о нацистских преступниках Отто Гильперт. Одновременно он торопит с проведением экспертиз профессора Хансена.

Исследование подтвердило, что люди, захороненные наспех в яме, были застрелены с близкого расстояния из огнестрельного оружия калибра 6,35 мм. Был определен примерный возраст убитых. Но больше всего информации принесло исследование полуистлевших клочков ткани. Профессор Хансен сделал почти невозможное. Им были испробованы десятки методик и реактивов, прежде чем рассыпавшаяся при малейшем прикосновении ткань «заговори-

Дитер Роммайс —
прокурор города
Веймара

ла». Это была типичная ткань, из которой шили одежду для заключенных концлагерей. А фотографирование в инфракрасных лучах позволило выявить на ней номер 132299 Р.

Дальше Роммайс обращается в Берлин, в Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, с просьбой установить, какой заключенный имел личный номер 132299 Р.

Вскоре поступил ответ: согласно оригиналу учетной карточки в картотеке концлагеря Бухенвальд, номер 132299 Р принадлежал Ботвинко Павлу, политзаключенному, родившемуся 1 марта 1919 года в Ново-Петровке, учителю. А в пояснительной записке отмечалось, что учетная карточка в архиве перечеркнута, что означает ликвидацию узника.

Вскоре с помощью советских компетентных органов Роммайс установил вероятный путь Павла Ботвинко от лагеря для военнопленных на временно оккупированной фашистами части территории СССР до Бухенвальда: неудачные побеги, поимки, наказания и, наконец, пересылка в лагерь смерти...

Все эти данные позволили Роммайсу возбудить против Отто Гильперта уголовное дело по обвинению в убийстве. Позже выяснилось, однако, что Отто Гильперт был расстрелян в сентябре 1945 года по приговору советского военного трибунала как военный преступник, истязавший и убивавший военнопленных.

Казалось, можно было поставить на деле точку: жертва установлена, преступник сурово наказан. Но прокурор Веймара начинает хлопотать о достойном захоронении останков советского военнопленного и двух его товарищей по заключению.

Памятник был торжественно открыт 8 мая 1963 года. На нем надпись: «Здесь покоятся узники концлагеря Бухенвальд, зверски убитые фашистами в городе Бад-Берка в марте 1945 года, рядовой Ботвинко Павел Васильевич и его два неизвестных товарища».

Только тогда Дитер Роммайс начал розыск родственников погибшего, а когда нашел их, то написал письмо сестре Павла Ботвинко — Марте Васильевне. Он сообщил об обстоятельствах гибели ее брата и о сооружении памятника. В конце письма были строки: «Хотел бы заверить Вас, что мы в ГДР приложим все свои силы к тому, чтобы такие преступления больше не повторились. Ваш брат отдал самое дорогое — свою молодую жизнь — за свободу, гуманность и социализм. Он постоянно будет нам напоминать о нашем долге...»

И вот на могилу к брату приезжает сестра из Азербайджана. Завтра у прокурора Веймара обычный рабочий день, а после работы он пойдет в горсовет, чтобы обсудить вопросы о встрече и приеме гостей.

Не затихает, стучит в сердце прокурора Веймара Дитера Роммайса бухенвальдский набат. Для него этот звон — память о долге совести.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ большого бизнеса

Одним из наиболее ярких показателей загнивания и моральной деградации буржуазного общества является всевозрастающее число так называемых экономических преступлений. Как писал американский еженедельник «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт», на вполне законной основе монополии США наносят американскому обществу ежегодный ущерб порядка 200 миллиардов долларов. Загрязнение окружающей среды, уклонение от уплаты налогов, растраты, создание фиктивных фирм, заключение сделок на основе фальшивых документов, мошенничество, фальсификация пищевых продуктов и медикаментов, валютные махинации — таков далеко не полный список преступлений, совершаемых корпорациями практически во всех капиталистических странах.

ИНДУСТРИЯ «НАЛОГОВЫХ УБЕЖИЩ»

Налоги поглощают примерно 30 процентов доходов семей со средним достатком на Западе. В США их с горькой иронией называют «платой за цивилизацию»... Характерной особенностью внутренней политики капиталистических государств являются непрерывный рост налогового бремени, стремление переложить на плечи трудящихся огромные расходы на вооружение и на осуществление империалистического курса во внешней политике.

В поисках средств на оплату подготовки к провозглашенному Р. Рейганом «крестовому походу» против коммунизма власти облагают налогами практически все, чем пользуется человек. Ныне в Соединенных Штатах, пожалуй, прямо не облагается лишь воздух, хотя населению приходится платить и за него, только косвенным образом, «финансируя» правительственную программу борьбы с загрязнением окружающей среды.

У битлзов когда-то была песенка под названием «Сборщик налогов», в которой есть такие слова:

Если ты едешь в машине,
я обложу налогом улицу.
Если ты попытаешься сесть, тебе
придется платить за кресло.
Если ты нуждаешься в тепле,
внеси деньги за отопление.
Если ты идешь пешком,
я обложу налогом ступни твоих ног.

Капиталистические монополии также облагаются налогами, и немалыми, но они их не столько платят, сколько находят тысячи раз-

личных способов уклониться от них. Так, государственная казна США недосчиталась в миновшем финансовом году 3,6 миллиарда долларов, укрытых в «налоговых убежищах». В Италии в текущем году, по предварительным подсчетам, недоберут по налоговым поступлениям 10 триллионов лир! В ФРГ сумма ущерба от экономических преступлений, связанных главным образом с неуплатой налогов, составила в 1980 году 2,6, в 1981 году — 3,6 миллиарда марок. Египетские нуворши ежегодно недоплачивают 1,5 миллиарда египетских фунтов, а японские «капитаны нации», только по официальным данным, ежегодно утаивают от казны 30—35 миллиардов иен. Таковы примерные оценки соответствующих фискальных органов.

Бывший бельгийский премьер-министр и бывший министр национальной обороны, бывший председатель одной из ведущих политических партий страны Поль Ванден Буйнантс, претендовавший еще и на пост бургомистра Брюсселя, слыл в своем кругу вполне добропорядочным человеком. В политических кругах страны его называли не иначе как «живым памятником нашей политической жизни», и «за заслуги перед бельгийским государством» специальным королевским указом ему был присвоен ранг государственного министра.

Каково же было потрясение бельгийской общественности, когда выяснилось, что сей «живой памятник» и «государственный министр» оказался на поверку обыкновенным мошенником и казнокрадом, не делавшим различия между своими деньгами и государственной казной!

Только в виде налогов он недоплатил казне 200 миллионов бельгийских франков, умело скрывал свою недвижимую собственность, создавал подставные фирмы в Люксембурге, Швейцарии и Лихтенштейне.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности: будут меняться только названия стран да фамилии «добропорядочных» мошенников. Так, в апреле 1983 года федеральное большое жюри в Вашингтоне предъявило обвинение конгрессмену Дж. Хансену. Он систематически давал ложные сведения о своих доходах с целью уклонения от уплаты подоходного налога. Таким путем в период с 1978 по 1981 год он утаил в общей сложности 334 тысячи долларов. И хотя ему было предъявлено обвинение по четырем статьям, каждая из которых предусматривает пятилетнее тюремное заключение, Хансен вышел сухим из воды.

Недавно обычно хорошо осведомленный западногерманский журнал «Шпигель» поместил материалы, разоблачающие подоплеку аферы вокруг концерна Флика, который выделил миллионные суммы на подкуп ответственных политических деятелей с целью обеспечить себе налоговые льготы. Как пишет журнал, согласно данным прокуратуры, концерн Флика выплатил из «черной кассы» многие миллионы марок, подкупая политиков, которые помогли ему в порядке ответной любезности сэкономить на налогах несколько сотен миллионов марок! К числу оплаченных таким образом советников Флика принадлежит, в частности, премьер-министр Баварии, председатель ХСС Ф.-Й. Штраус.

Как писала газета «Дойче фолксцайтунг», такие скандалы являются «свидетельством деградации системы свободного предпринимательства. Не может быть здоровым общество, в котором финансовый ущерб от незаконной деятельности представителей деловых кругов в десятки раз больше, чем от всех преступников страны, вместе взятых».

Помощник министра жилищного строительства и городского развития США Э. Савас набил руку на преступлениях, которые скорее всего подошли бы под рубрику «нарочно не придумаешь». Постоянно путая министерскую казну с собственным карманом, он даже поездки к себе домой, в Нью-Йорк, оформлял не иначе как «служебные командировки», на оплату которых получил в своем министерстве не одну тысячу долларов!

КОЛБАСА ИЗ... МРАМОРНОЙ ПЫЛИ

Одним из наиболее опасных преступлений бизнесменов, наносящих ущерб здоровью граждан, а нередко стоящих им даже жизни, является фальсификация пищевых продуктов и лекарств. Эти преступления получили в последнее время большое распространение в целом ряде стран Запада.

Английская газета «Санди таймс» как-то сообщила, что мясоторговцы на протяжении длительного времени скармливали англичанам всякого рода падаль. Выяснилось, в частности, что в различные мясные полуфабрикаты они добавляли сотни тонн мяса скота, павшего от раковых и других заболеваний. Даже популярные в Англии рубленые бифштексы готовились из дохлых коров, лошадей и ослов. Представитель городского совета Брэдфорда назвал эту преступную практику «национальным позором».

Но не только здоровьем англичан играют недобросовестные дельцы. В Ирак, например, прибыли поставленные из США 800 тонн пшеницы и ячменя, обработанные вредным препаратом, запрещенным к применению в самих Соединенных Штатах. В результате погибли 400 иракцев, а попали в больницы 5 тысяч человек.

Давно перестали стесняться фальсификаторы пищевых продуктов в Италии. Как писала газета «Джорно», чтобы придать «естественный цвет» недоброкачественному мясу и колбасным изделиям, мясники обрабатывают их солями некоторых кислот, известными как канцерогены. Более того, в некоторые виды колбас, выпускаемых в Болонье, по свидетельству «Джорно», подмешивают для увеличения веса... мраморную пыль.

Итальянская печать не раз сообщала о фактах изъятия из продажи сотен тонн «натурального» вина, в котором не было обнаружено и капли виноградного вина, но зато содержались вредные для здоровья синтетические эссенции и красители. Не раз конфисковалось и того же «сорта» «оливковое масло» и так далее.

Для регулирования поголовья кенгуру в Австралии ежегодно отстреливается от 5 до 7 миллионов экземпляров животных. Их мясо ветеринарные врачи разрешили использовать на корм собакам и кошкам. Но, как недавно выяснилось, кенгурятину ввозили в ФРГ под видом говядины и баранины, изготавливали из нее сосиски, колбасы и фарш для котлет.

В Испании в прошлом году также разразился скандал, связанный с отравлением людей растительным маслом. Спекулянты-махинаторы пустили в продажу большие партии этого продукта, в который были введены различные добавки, оказавшиеся вредными для здоровья. В результате погибли более 330 человек. Как здесь не вспомнить то красноречивое примечание, которым Маркс сопроводил «Капитал», цитируя «Куортерли ревьюер»:

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии до-

статочная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

ОТРАВИТЕЛИ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Журнал «Африк» рассказал о том, что США и некоторые западноевропейские страны экспортируют препараты для борьбы с сельскохозяйственными вредителями и сорняками, запрещенные в самих этих странах. В результате их применения возникает массовое заражение и падеж скота, а зачастую гибнут и люди. В одном только Египте в результате использования пестицида, запрещенного в США, но поставляемого в 30 развивающихся стран, погибло несколько феллахов и более тысячи волов.

Производителей и поставщиков таких препаратов не останавливает и такое последствие их применения, как отравление окружающей среды — атмосферы, лесов, водоемов.

Разбрасывая 10—15 лет назад во время «грязной войны» США во Вьетнаме дефолианты «голубой» и «оранжевый», американские военные преступники не предполагали, что через годы эта экологическая война гневным эхом отзовется в самих Соединенных Штатах, хотя трезвомыслящие ученые и врачи предупреждали их об этом. Теперь оказалось, что из 1 600 000 американцев, прошедших через «грязную войну» во Вьетнаме, 16 000 были отравлены собственным «оринджем» и стали инвалидами. Что же касается вьетнамцев, то десятки тысяч мирных жителей этой многострадальной страны под воздействием «оринджа» заболели раком, болезнями почек, печени, у их детей отмечены генетические аномалии. И после этого американские политические деятели продолжают бесовски болтать о «правах человека», которые якобы нарушаются кем угодно, но только не Соединенными Штатами Америки!

Еще одно преступление монополий — сознательное отравление окружающей среды. В промышленно развитых государствах в атмосферу выбрасывается ежегодно 150 миллионов тонн окислов серы, 50 миллионов тонн окислов азота в год, огромное количество ядовитых отходов производства спускается в реки или рассеивается по земле. Отравление окружающей среды подчас достигает такой степени, что отравленными оказываются целые города.

Так, жителям небольшого американского городка Таймс-Бич, расположившегося на берегу Миссури, грозит буквально смертельная опасность. Как установили эксперты Агентства по охране окружающей среды, город и его окрестности по вине химической корпорации «Нортистерн фармасетикл энд кэмикл компани» оказались зараженными высокотоксичным отравляющим веществом диоксином. В ходе расследования было установлено, что на протяжении нескольких лет улицы Таймс-Бич поливались специальным раствором от пыли, который изготавливала эта компания и в котором содержался диоксин. Жертвами этого ядовитого препарата стали уже десятки людей, пораженные тяжелыми болезнями, были отравлены сотни домашних животных.

Но трагедия этого города — далеко не единичный случай. Еще до Таймс-Бич был отравлен город Лав-Кэнэл в штате Нью-Йорк, а

в протекающей через Джерси-Сити (штат Нью-Джерси) реке Хакенсан содержание химически активных и ядовитых веществ достигло такой концентрации, что были разъедены и рухнули даже опоры металлургического моста.

Всякого рода отравления и заражения людей на производстве приводят к тому, что, например, в США по этим причинам ежегодно гибнет не менее 100 тысяч человек и еще 390 тысяч получают тяжелые увечья.

Семь лет продолжается трагедия небольшого итальянского городка под Миланом Севезо. Перегрев одного из химических реакторов завода «Икмеза» привел к тому, что под воздействием высокой температуры образовался диоксин. Реактор взорвался, и на площади в 300 гектаров выпал страшный яд, полный распад которого, по мнению ученых, наступит лишь к 2040 году. По земле рассеялось его от двух до пяти килограммов, а между тем одного килограмма его достаточно, чтобы убить пять миллионов человек!

В сентябре 1982 года 41 бочка с диоксином, кстати, тоже применявшимся во Вьетнаме в качестве дефолианта, была тайно вывезена из Севезо в небольшую деревню на севере Франции — Ангилькур-ле-Сар. В мае 1983 года это опасное захоронение было случайно обнаружено французскими санитарно-гигиеническими службами. Опасные бочки были перевезены на военную базу Сиенсонн. Но хотя преступление, жертвами которого могли стать сотни тысяч французов, налицо, транснациональная корпорация «Хоффман-ла-Рош», которой принадлежит завод «Икмеза», не понесла никакой ответственности за это преступление.

Иногда контрабанда ядовитых отходов происходит на законных вроде бы основаниях. Так, построив над своими заводами трубы высотой от 150 до 250 метров, компании США несколько снизили загрязнение воздуха в районах деятельности этих предприятий. Но лишь потому, что отравленные отходы пошли в соседнюю Канаду. Как подсчитали специалисты, в воздушный бассейн над канадской территорией ежегодно поступает ныне около 4 миллионов тонн двуокиси серы, которую выбрасывают в воздух промышленные объекты на территории США. Бывший канадский министр по защите окружающей среды Дж. Фрейзер заявил, что «кислотные дожди», вызванные промышленными выбросами на территории США, «являются самой серьезной экологической проблемой Канады».

С приходом к власти в США администрации Рейгана резко взят курс на свертывание государственного регулирования и в области защиты природы. Администрация санкционировала снятие запрета на проведение ряда губительных для окружающей среды работ, разрешила наступление на заповедные земли. И сейчас американские монополии начали самую настоящую «химическую войну» против американского народа. Как констатировала газета «Нью-Йорк таймс», «руководство Агентства по охране окружающей среды со времени его создания в 1970 году чаще всего бездействует или, пользуясь покровительством Белого дома, защищает (не в ущерб себе) интересы корпораций». Все вышесказанное позволило однажды заявить спикеру палаты представителей Томасу О'Нилу: «Эта администрация настолько благоволит большому бизнесу, что становится даже страшно».

Участники международных семинаров и конференций не раз отмечали, что основной причиной огромного ущерба, наносимого окружающей среде, является так называемая «свобода предприниматель-

ства». В погоне за прибылью монополисты не хотят тратить средства на возведение очистных сооружений и выбрасывают вредные отходы или же неочищенные воды куда придется, часто подвергая опасности здоровье и жизнь населения. Так, в результате безответственной деятельности американской химической корпорации «Хукер кемикл энд пластик», которая в погоне за барышами «экономила» на строительстве очистных сооружений, в округе Ниагара-Фолс практически не осталось места, где люди могут жить, не опасаясь за свое здоровье.

Как писал американский журналист Роберт Москин, бизнес не в состоянии обеспечить моральное руководство, потому что прибыль и мораль часто несовместимы. Большой бизнес часто принуждает индивидуума изменить своей совести, и, чтобы выжить, последний подчиняется этому. Становится как бы естественным тот факт, что большинство приверженцев капитализма придерживаются правила: «Способность добывать деньги извиняет все остальное».

ОНИ САМИ О СЕБЕ

Когда собак слишком много

Одним из следствий роста преступности на Западе стало увеличение числа собак, особенно крупных пород. Люди обзаводятся четвероногими сторожами и телохранителями, чтобы избавиться от постоянного страха быть обворованными дома или ограбленными на улице. Во Франции, например, население которой приближается к 55 миллионам человек, численность собак оценивается в 9 миллионов голов.

Соответственно возросло и число нападений собак на людей, особенно детей. В прошлом году было зарегистрировано более полумиллиона таких случаев. Каждую восьмую жертву нападения собак приходится госпитализировать, причем далеко не всегда покусанных людей, особенно детишек, удается спасти.

Минувшим летом в городе Марине (департамент Валь-д'Уаз) три молодые немецкие овчарки загрызли 17-месячную Селину. Собаки принадлежали другу семьи Селины, к которому родители привезли дочурку в гости.

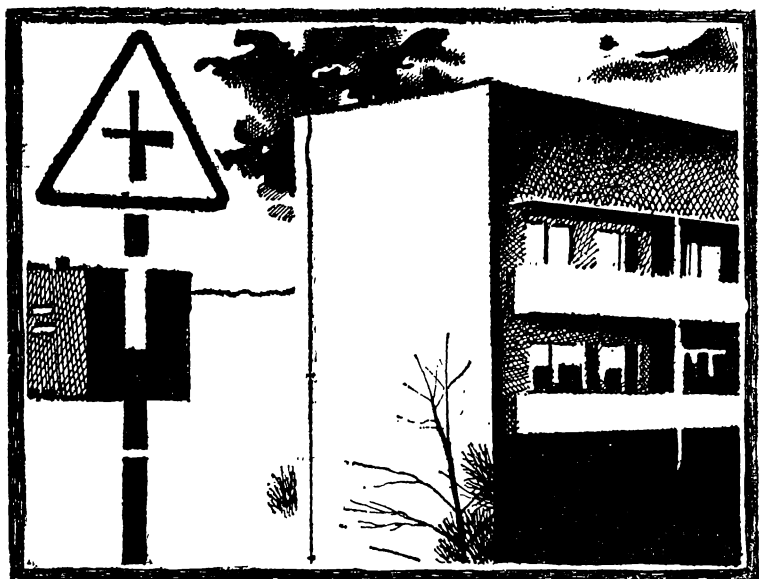
Французская печать вспоминает в связи с этой трагедией другие подобные случаи. В марте 1983 года в городе Сен-Сир-

ла-Ривьер (департамент Эссон) четыре немецкие овчарки разорвали катавшегося на велосипеде 11-летнего Реми Коллине. В феврале 1982 года два сорвавшихся с цепи дога загрызли 8-летнего Патрика Билли в Камаре (департамент Авейрон). В мае 1981 года в Лилле погиб от укусов собаки, принадлежавшей его родителям, месячный младенец.

По французскому праву владелец собаки несет уголовную ответственность за любые инциденты, вызванные животным. В частности, если собака стала причиной гибели человека, то ее хозяин будет отвечать как за неумышленное убийство. Обычно в случае смерти укушенного уничтожаются и напавшие на него собаки.

Однако участвовавшие трагедии, подобные гибели Селины, все больше тревожат французскую общественность. «Друг человека» не должен убивать людей. Поэтому газеты требуют, чтобы владельцы собак выводили их на улицы только на поводках, убирали за ними и тщательно выполняли другие санитарные правила содержания животных.

Б. ДАСЮК

Андрей МОЛЧАНОВ

ПЕРЕКРЕСТОК ДЛЯ ТРОИХ

ПОВЕСТЬ

Марина ОСИПОВА

Безлюдье промерзшей в ночи улицы. Мертвый проспект, погасшие скворечники светофоров. На далеком, заслоненном неясными очертаниями зданий горизонте — фотографические вспышки зарниц. Пустыня города, забывшаяся в чутком, коротком сне.

Сижу в темной кухне. Память — зрение, обращенное в прошлое, выхватывает фрагменты безумной, постыдной хроники: стандартная квартирка, темно-зеленые обои с рисунком в стиле «ампир»: вазоны и гербовые лилии; горка с сервизом; поставленные на-попá тарелочки с изображениями пасторальных пейзажей и полнотелых дам в туниках; укрытая классически-клетчатым пледом тахта; стол, чайник на лиловой кафельной подставке; серый, сморщенный

Окончание. Начало см. в № 1 за 1981 г.

зефир в обколотой обеденной тарелке; его глаза — хищные, притягивающие блеском желая, рука — сухая, крепкая; чистый голубой манжет рубашки, твердо выскользнувший из-под свитера; губы, говорящие пустоту никчемных слов...

Дура, дура и еще раз дура! Зачем пошла к нему? Что, думала попьем чайку, побеседуем чинно на темы искусства, быта и, обменявшись мнениями и впечатлениями от жизни, как таковой, расстанемся? Нет, понимала ведь, что совершается глупость, и глупость свершилась! Шлюха! И чего только надо тебе? Муж плох? Нет. Внезапная страсть к автору сценария? Белиберда. Симпатичный парень, ну и что? Впрочем, сейчас этот симпатичный мне отвратителен, хотя пенять на него все равно, что пьянице — на водку. А может, просто оступилась? Шла и оступилась. И теперь забыть. Значит, все ясно. Живи в ладу со своей ложью, руководствуясь выверенной истиной «никто не без греха» и падейся на время — это лучший сеятель былья и идеальный адвокат между тобой и совестью — все сглаживающий, утрясающий и со всем примиряющий.

Пустота. Во всем. Пора спать. Утро вечера... И — представляю утро, пробуждение свое. Представляю то первое, о чем подумаю со стыдом, с тоской, с ненавистью... нет, не к себе. К подлому соблазнителью Вове, к судьбе-злодейке — конечно! — она виновата... Завтра утреннего скандала с мужем не будет, точно. Напакостившие и сознающие, что напакостили, угнетены этой своей сознательностью. Различаю в темноте белое пятно раковины с крючком склоненного над ней крана. Посуда, кстати, вымыта. Вся. Полностью.

Игорь ЕГОРОВ

Спужу в полуподвале конторы, курю, рассеянно поглядывая на нового инспектора Ирочку, склонившуюся над кипами отчетов; прелестная девочка: блондиночка, с милкой, еще по-детски свежей мордашкой, глазки томно-карие, но смысленные, а сложена — конец света! Так и подмывает чмокнуть ее в губки, да и совратить при случае, но, к сожалению, не до того. Дел — миллион. Нескончаемые ремонты, воспитание буддиста моего — в карауле над ним стою, чтоб только делом занимался, а результат — всего три иконы за месяц! Затем квартирный вопрос. Пробиваю через председателя, разбившего «Жигули», кооператив. Во имя таких вот ирочек и независимой жизни в целом. Машину свою председатель калечит регулярно, так что вопрос теоретически решен. Дело за деньгами. А с ними туго. Все, что успел заработать — четыре тысячи, но, если принять во внимание, что час назад звонил папаша, сообщив, что завтра предстоит выкупать «Волгу», то я нищий. Звонил также Эдик, теперь — моя правая рука в делах ремонтных, сказал радостное: директор универмага, входящий в правление нашего гаражного кооператива, въехал спьяну на своем «Додже» боком в асфальтовый каток, и гонорар в размере тысячи нам уплачен. Это хорошо. Несклько не ко времени, правда. Сейчас основное — продать «Победу». Иначе прощай «Волга».

Смотрю на часы. Вот-вот в контору должны прибыть оперативные отозванные от дел Эдик с Михаилом, после чего мы отправляемся на авторынок. Этих тигров я призвал на арену своих действий, как защиту от возможных агрессий со стороны покупателя.

На авторынке, как в зоопарке. Каждая машина — клетка, а в клетке — хищники. Итак, пора к шефу. Отпрашиваться. Мну сигарету в пепельнице, подмигиваю Ирочке — дружелюбно так, без тени пошло-го намека и следую к начальству — Никите Спиридоновичу.

Кабинет Спиридоновича. Табачный чад, фиолетовое сияние трубок дневного света на потолке; зеленые пыльные шторы; метраж — три метра на три и, если учесть, что крейсерский вес Спиридоновича — далеко за сотню, а стол у него по площади — двуспальная кровать, а не стол, то мне остается маленький пятачок возле двери и стойка «смирно». Спиридонович поднимает на меня чуткие носорожьи глазки. На сплюсненном его носу чудом держатся маленькие, кажущиеся игрушечными очки.

— Ну, чего? — хрипит он, багровея лысиной и ворочая из угла в угол шербоного рта потухший окурок.

— «Волга!» — рычит Спиридонович. — Хорошо жить хотите!

И я, получив от начальства «о'кей», спешу к «Победе».

Возле машины бродят Эдик и Мишка, от скуки колотят ногами по баллонам. Времени в обрез. За руль по случаю гололеда и лысого протектора садится Михаил: как-никак гонщик, мастер спорта... Эдик располагается на заднем сиденье, зябко кутается в шубу и, сглатывая холодную слюну, ворчит, что за помощь такого рода надо брать сотенную, а тут еще мороз, он в тонких носках, к тому же страдает бронхитом и язвой желудка, а идет, между прочим, на риск: и «кинуть» могут, и «куклу» дать, и вообще ОБХСС...

— Глохни, сволота, — говорю я с блатным акцентом. — Дороги не будет! — С Эдиком я управляюсь запросто: грубо, развязно, а чуть что, сжав губы и набычившись, иду на него с гаечным ключом, и тогда он визжит, что я псих, дурмашина и подчиняется. Я породу эдиков знаю. В их мире, где царит сила, голова в почете, если она сидит на крепкой шее. И потому интеллигентствовать не приходится.

«Победа», пробуксовав, вылетает на проспект. Пищат шины: ай-яй-яй! Мишка ездит лихо: то по газам, то по тормозам.

— Шас кокнемся, — ноет Эдик. — Гонщики чертовы. Не продадим шарабан. Хоть выпить поставишь?

— Поставлю, — говорю я раздраженно. Мишка рвет, как обалдевший бес, и мне жалко машину. Хотя все равно отдавать... Но ведь сколько она, родная, прослужила! Дедок на ней ездил... Каждый раз, как сажусь в нее, вспоминаю деда, детство, семейные наши поездки по грибы, к морю... Любил меня старик. И я всегда тянулся к нему. Это был добрый гений моего детства. Старый, больной, но таким я понимаю его сейчас, а тогда, птенцом, я млея под надежным его крылом — хранимый, утешаемый и думал, что это навечно, а оказалось, что ничего вечного и в помине нет, такие дела. А тут, в этой машине, осталась его часть — живая, настоящая. Труд его рук, касавшихся каждого винтика, запах его — родной, далекий... А та зола, что в урне, стоящей в нише стены крематория, — это уже не дед, так — немудреный символ памяти об умершем. И страшнейший такой символ нашего времени, когда все надо компактно и экономно, потому что ничего, ни на что и никому не хватает. В том числе и места. Ни мертвым, ни живым. Пакостно на душе, слезно, тоска. И поделиться хочется, но с кем? Смотрю в зеркальце. На заднем сиденье полулежит Эд, с головой утопая в шубе. Скрипит зубами. Мишка, ровно отвердев сосредото-

точенным лицом, гонит машину в крайнем левом ряду по набережной. И — приехали. Свисток. Сую товарищу техпаспорт, отыскиваем доверенность, и Михаил, поджав загривок, трусит к грозному постовому, украшенному белыми ремнями, белой кобурой и белыми крагами. Эдик философски ухмыляется, наблюдая за жестикуляцией компаньона. Тот возвращается покрасневший и взерошенный. Хныкает.

— Дыру пробили!

— Не грусти, кореш, — сипло, с усмешечкой высказывается Эдуард. — Это — большое удобство. Теперь будешь талон на вешалку вместе со шляпой вешать, ха-ха-ха...

Жалости в этом человеке нет.

К рынку подъезжаем осторожно. Шоферу теперь я. С трудом встраиваюсь на свободное место, но тут «Победу» заносит задом на гололеде, и она тюкает в дверь соседа — «Москвича». Из машины тут же вылетает какой-то тип в ондатровой шапке, свитере, кожаном пиджаке; начинает разоряться и махать руками. Рот у него полон жевательной резинки и золотых зубов. Осматриваем повреждение. Еле заметная царапинка.

— Царапинка, — говорю я.

— Да тут... за каждую царапинку тыщу сбавляют! — блещит оскал из драгоценного металла. — Гони четвертной или — давай ГАИ!

Сходимся на десяти рублях. Я уплачиваю и сажусь за руль. Молчим. Курим. Мерзнем. Гудит печка. Рынок забит машинами, как улей пчелами. Сухая поземка осыпает ветровое стекло. Мнут-ся на ветру фигуры покупателей. Мимо проходит узбек в унтах, в ватных штанах, в бушлате и в тубетейке. Долго смотрит на «Победу», хлопая белыми от инея ресницами. Лицо у него коричнево-багровое от загара и от мороза. Отходит. А зря. Думаю: на этих нескольких гектарах земли, запруженных машинами, главенствуют всего лишь два нехитрых идеала: подороже продать и подешевле приобрести. Третьего не дано.

Наконец стук в боковое оконце. Опускаю матовое от изморози стекло, и передо мной возникает обрюзгшее лицо со слезящимися от мороза поросычьими глазками.

— Клиент, — вздыхает Эдуард, пуская клуб табачного дыма.

Клиент одет в затасканную, с прорехами доху до пят и новенькую каракулевую шапку с огненно-рыжим кожаным верхом.

Пронзводится осмотр машины, делается пробный круг и начинается торг. Я прошу четыре тысячи, на что звучит непреклонный отзыв только о трех. Эдик кричит, что это грабж, и обзывает клиента по-всякому. Мишка тоже изображает возмущение. Между тем угасает пасмурный зимний день. Надо торопиться. Клиент готовится покинуть нашу компанию, но, когда рука его нащупывает ручку двери, я соглашаюсь.

— Но на бутылку, мужик, это обязан, — быстро говорит Эдик. — Святное дело!

Начинается лихорадка со снятием номеров, переговорами с оценщиком из комиссионного... Мишка забирает разницу и вместе с Эдиком отбывает в гараж. Часом позже, прилепив салидолом к ветровому стеклу табличку «транзит», новый хозяин «Победы» доставляет в гараж и меня, рассказывая по пути, что выращивает в степях арбузы и без машины ему погибель. На толстых, корот-

ких пальцах его я замечаю три золотых перстня очень топорной работы. Но, главное, что увесистых и внушающих. У ворот кооператива мы расстаемся. Смотрю на «Победу» до тех пор, пока она не скрывается за поворотом. Прощай, дед!

Вваливаюсь в душное, вонючее тепло гаража. Весь бокс запирает «Додж» — огромный, изрядно покореженный, но все равно ослепительно-шикарный своей массивностью, светло-зелеными стеклами, тяжелой, хромированной решеткой и шипованной резиной. На верстаке — коньяк, колбаса, сыр и прочее. Тут же общество: Эд, Мишка и гость — Вовик Крохин.

Пьем во имя проданной «Победы», за ремонт «Доджа» и за все хорошее уже без тостов. Когда Эдик и Вова выходят, Мишка, одной рукой утирая рот, другой достает из кармана пиджака конверт и бросает его на верстак. Доллары. За последнюю партию икон. Теперь Мишка занимается этим делом сам — ездит к здешнему резиденту мистера Кэмпбэлла. Ох, полухнем! Что касается моей доли — одна надежда: на относительную честность Миханла. Он, слава богу, не Эдик. Но тоже, по-моему..

На душе безотрадно. Вот оно, мое окружение. Жулики, спекулянты, валютчики. И сам я не лучше. Единственный приличный человек из тех, кто сейчас тут — Володька. Хотя и он... Лукав, и халтура у него тоже; пусть законная — журналы, радио, статьи там... но халтура ведь, сам мне плакался, что засосала..

— Ну, ладно. Заканчиваем выпивон и бредем с Володей домой.

— Слушай, — говорит он, — чего ты... с Эдиком этим? Нашел друга! Да и жизнь у тебя... Баба-то, прости, хоть есть? Или любовь там, не знаю..

— Есть, — говорю. — Любовь. Безутешная, безответная. А жизнь? Для нее средства нужны. И часть жизни уходит на их планомерное заколачивание, никуда не денешься.

Идем по вечерней улице. Тихо, редкие тяжелые пушинки, снежная тина на корявых ветвях, морозец. Хорошо. Невольно смотрю на дом, где она, Марина. И вдруг захлеб хочется рассказать все Володьке. Посоветоваться... Но он перебивает:

— Старик, ты, кажется, на хлебном месте, все сферы в гости к вам, достань для жены дубль. Замучила. Теща к тому же выделяет монеты..

Я киваю, будет дубленка. У меня теперь насчет дубленок без проблем. Оброс связями. Спужу в них, как паука в паутине. Дернул за одну из паутинок — дубленка, дернул за другую — квартира... Сказка, ставшая былью. У меня иные проблемы. А про актрису рассказывать мне уже не хочется.

— Да, — спохватывается Володя. — А что, говоришь, у тебя с любовью-то?

— Появилась любовь, — отвечаю невозмутимо. — А на следующий день появились родители и уплотнили в смысле жилплощади. Так что тебе повезло больше.

— Это уж точно, — смеется он. — Это.. за мной — коньяк!

Ну, и прощаемся с поэтом. Домой мне попасть не жадется. Слишком много эмоций и хорошая погода. Я иду знакомым маршрутом к дому, — где она — Марина-Мариночка. Весь размякший, томно-грустный и счастливо-несчастный. Слоняюсь по переулкам, прилегающим к месту ее постоянной прописки, дышу в нос конья-

ком и шепотом полузабытых красивых стихов. Слова почти все забыл, но прекрасная музыка их звучит в моей душе.

Наверное, я большой чудака.

Владимир КРОХИН

После окончания «летучки» главный повелевает мне остаться. Главный — мужчина серьезный. Либерализма в нем ни-ни. Взираю на него — непоколебимо властного, в огромном, со спинкой выше головы кресле. Черный костюм, белая сорочка, галстук...

С главным отношения у нас ровные, но стоит мне эта ровность дороже зарплаты. Общение с ним — все равно, что ремонт неотбеченной электросети, чуть ошибись — получишь! Своенравный, и попробуй возрази или не сделай чего — угнетет.

— Я подписал приказ,— говорит главный сухо, но звучно.— О вашем назначении на должность ответственного секретаря.— И замолкает в ожидании от меня определенных слов.

— Спасибо за доверие,— отвечаю серьезно, но и юморку в интонацию подпускаю, так что нормально выходит: и не придурок и не блюдолиз.

— Теперь сугубо личный вопрос,— говорит главный.— Я слышал, у вас есть контакты с автосервисом... хорошие мастера, различные люди...— У главного — «Волга». Капитальный ремонт передней подвески, смена рессор, амортизаторов; и — карданный вал,— жестко уточняет главный.— Только если обещаешь — наверняка. Трепачей не люблю.

Я составляю из указательного и большого пальца «нолик», фиксирую его в жесте «считайте, исполнено», и мы расстаемся.

Звоню Игорю. И получаю решительный отказ:

— Нет. «Додж» надо красить, потом со своим тарантасом разбираться; никак! Но Эдика тебе выделю. Кстати, давай с ним на пару, чего? Окулись в среду, правильно выражаюсь? Будет материал. Да еще и заработаешь на своем командире.

Вот так да. А я надеялся... Но отказать шефу теперь невозможно. Как опасны твердые обещания! Влип. А, оторвемся. Умер мастер. Хотите — идите воскрешайте. Точка. Займемся делами. Дела — это передача. И опять туго с афоризмами. Сочиняю: любое Добро наносит урон Злу. Нет, фраза для бумаги, а не для эфира. А ведь ничего так залепил... Жаль. Раздражаюсь. Обрыдло! Передачки, передачи... А может, написать стихотворение? Прямо сейчас. Переселить себя, заставить и написать. А, телефон! Выдергиваю вилку из розетки.

Ну-с, стихотворение. О чем? Сажу, глядя в окно на «Жигуль». А ничего покрасили... Смятица образов, воспоминаний и, наконец, ощущение находки... Легкое, как прикосновение крыльев — беззвучных, мягким дуновением скользнувших возле виска и тут же пропавших. Завороженно смотрю в детство: июльский теплый лес, пыльная дорога, бирюзовое поле овса; раздвигая хлесткие ветви елок, выхожу на луг; стрекотание жизни в травах, лиловые грозди колокольчиков, парной запах хвой, цветов; рыжая россыпь лисичек в ветхой прошлогодней листве; пирамиды муравейников; я упоен этой подлинной, зеленой жизнью и вдруг внезапный, отрезвляющий диссонанс: туша мертвой коровы, разлагающаяся на пожелтелом от зловония пятаке травы... Ничего сюжетик. Так.

Э... «Шел я...» Фу, ты... «...лесом, видел беса; бес картошечку варил». Э... так. «Лес. Влаги, жизни исполненный...» Стоп. Не описывать же эту корову? Ну гадость, что дальше? А потом корова. Ладно бы лось какой. А может, убитый герой? Занесло идиота! «Все живое прекрасно, и все мертвое чудно живому...» Так-так, дружище... «Лес. И луг. И небес синева...» Понятно, синева, не серо-буро-малиновость. На фиг! Займемся передачкой. Корова... Деятель!

А что, если прозу?! Не сию минуту, ясное дело, но иметь в виду? А могу я действительно написать что-либо стоящее? Вот о своей жизни разве что? Без прикрас. Телеграфным стилем.

Задумываюсь. Идея поначалу кажется ослепительной: о, это был бы роман века! — но потом как-то меркнет... Сама собой.

Я беру перо и вывожу очередную строку передачки. Внезапно, едва не до слез расстраиваюсь. Все не так! Хочу в небеса, а ползаю червяком. Не выйдет из меня ни поэта, ни прозаика. И должность ответственного секретаря, по-моему, замечательная должность! А в нашей редакции, где завотделами — люди серьезные и каждое слово вымеривают сто раз, то и читать разучишься, все равно до пенсии с этим недостатком досидишь и не допрет никто; а в случае чего и главный надо мной, и замы... Институт вот закончу...

В унылом кружении этих мыслей прибываю домой. Сажусь за стол. И тут же вскакиваю. Везде столы — здесь, в редакции... От чего бегу и куда прибегаю?! Эх, не пишется, не сидится на месте, не радуется... А причина — любовь. Теперь точно знаю, что любовь, и не менее точно, что блажь это, а не любовь. У нее свое, у меня свое, а то, что было на квартире у Игоря — дурной сон. Все как-то внезапно, грязно, будто оба делали гнусность, знали, что делаем именно ее и торопились сделать поскорее, чтобы поскорее и расстаться.

Не обедал. Хочу сказать теще, что не обедал, но теща улеглась на кровать и млеет, как мумия, с головой закутавшись в плед — то ли дремлет, то ли усекла, что меня надо накормить и притворяется, что дремлет. Она готовить не любит, и это дело представляет жене, то бишь, дочери. У тещи, между прочим, существует любимая поговорочка: мол, настоящая женщина должна уметь сделать из ничего винегрет, шляпку и скандал. Шляпку она действительно в состоянии, она на них помешана — все шьет, шьет как в ателье и барахла у нее — шкаф доверху; и скандал запросто, а вот винегрета от нее не дождешься.

Холодильник набит полуфабрикатами, но так, чтобы разогреть и поесть — ничего. Начинаю готовить суп. На семью. Благое намерение. И имеется к тому же все. Куриная нога, морковь, бородавчатая картошка. Когда варево закипает, вспоминаю о соли. Соли нет. Вечно какая-нибудь сволочная мелочишка испакостит все дело! Отправляюсь за солью в магазин. В универсам. Неологизм, ха-ха. Покупаю брикет соли, иду сквозь толпу к кассе и вдруг — ее глаза. Прямо передо мной. Заслоняют все. Обмираю, как на краю бездны. Неприятна для нее эта встреча; вижу надменную отчужденность в серых, больших глазах ее, оттененных от матовой бледности лица синяками усталости, бессонницы... слез? Последнее пугливо увязываю с собой. Или враки, чего там расстраиваться? Значит, разбежались? Нет. Не могу. Хожу за ней дураком со своей солью, смотрю, как она берет сок, сыр, молоко; помогаю уклады-

вать все это в сумку; после секундного замешательства принять помощь она соглашается, но не сказать, чтобы с охотой... Народ реагирует. Обращает внимание. На меня, конечно, никакого, все — на нее, но мне приятно. Такая женщина. Может, думают, муж... Счастливчик, такую бабу отхватил. Да, муж у нее счастливчик, везет некоторым. А вдруг и воет от нее, кто знает? Вот бы потолковать по душам. У выхода я сумку забираю. Она пытается спорить и даже «выкает», но тут поскользывается на ступеньках, я подхватываю ее за талию и целую. Прямо на улице. Что будет? Стилое, убийственное презрение. Но я не смущен и взгляд мой строг. Я кладу ее руку себе под локоть, в тот же момент чувствуя, как сопротивление в ней уступает безразличной покорности, будто лопнула перетянутая струна и там, где она тянулась, — пустота. Провожая ее домой. Идем молча. Ни слова. Рука ее мертва, лицо безучастно... Меня пробирает дрожь, я возбужден до ломоты в зубах. Я люблю эту женщину, и, видимо, свела нас судьба не понарошку, а всерьез, и чем-то это кончится. И, может, плачевно кончится, но отчаянный восторг охватывает меня и, как глоток штормового ветра, хлестнувшего в лицо, я пронзительно-сладко ощущаю: это жизнь!

Вхожу с ней в подъезд. Она протривится, но я вхожу. И, обняв, целую ее вновь. С мороза щека ее пахнет дымом костра.

— Послушайте,— говорит она низким, срывающимся от бессилья голосом.— Вы... негодяй! Да не мучьте же меня! — вырывается у нее каким-то иступленным плачем; она с силой выхватывает у меня сумку и бежит по лестнице вверх.

Направляюсь домой. Мне хорошо, очень хорошо. Я все понял. Я обязан заставить ее стать моей женой. И я добьюсь ее, потому что она то, что искал и чего недоставало всю жизнь. То, что исправит жизнь.

Дверь открывается и сразу — три лица. Возбужденное, беспечное — сына; в глубине комнаты — мрачное, с отяжелевшими скулами — тещи; и, прямо передо мной — жены. Лицо нормальное, но глаза — два нацеленных в меня штыка.

— Ну, милый муженек,— воркует супруга райским голосочком,— где были?

— За солью... — Тут я сознаю, что соль осталась в сумке...

Хлоп! С удивлением доходит, что это пощечина; шапка валяется у меня под ногами, я поднимаю ее, отмечая, как с жены на меня и обратно путешествует изумленный взор сына.

— Нацеловался с актрисочкой своей?! — звучит голос супругов уже с дьявольским торжеством. — А распинался... я тебе не изменяю, я тебя, ты для меня...

— Успокойся, Аллочка, милая,— утешает теща, уводя рыдающую супругу и крича мне, что всегда знала, что я мерзавец, бабник и так далее.

Я раздеваюсь и скрываюсь в своей комнате. Сажусь за стол. Ну, ничего. Сцена. Бывает. Потом застучали, так уж было с кем. Меня и уважать можно. Нет, конечно, сидеть так — китайская пытка. Я срываюсь с места и оказываюсь перед тещей и стонущей во всхлипах женой.

— Я же в знак приветствия! — говорю я. — Подумаешь!

— Ты знаешь... гвоздей в гитару не забивай! Ты с ней из магазина выходил, в знак приветствия! — доносится злобно сквозь злые слезы, а теща начинает орать так, что я невольно ретируюсь в

свои апартаменты. К Козлу, что ли, податься? Ну, это вообще будет конец света... Терпи, брат. Замри, как клоп, и терпи. А может, и пусть он будет, этот конец света? Нет... А почему нет? Тыфу, не мужик я, а... Чего бояться? Почему в своей жизни я не сделал ни одного поступка как такового? Почему всегда по течению, почему?!

— Пап...

Вижу перед собой сына Коленку.

— Достань книжку. Где сказки. Она высоко, я не умею...

Книжка в полках, а полка в комнате, где теща.

— Там... бабушка, — говорю я.

— Она спит, уже храпит, я слышал, — уверенно отвечает он.

Меня захлестывает нежность. Я прижимаю мальчика к груди, дышу запахом его волос — прекрасным, детским, пшеничным, и мы сидим так долго-долго. И чем дольше, тем более я не понимаю, как найду в себе решимость расстаться с ним; да и с этой семьей, с этим домом... А что, если все остальное — неправда, вздор? Что, если вина во мне и надо что-то изжить в существе своем, и тогда мир станет другим и все, что плохо сейчас, что мучает, будет... Ложь. Ничего не будет. Просто я слабак. И часто, из-за того, что слабак, — трус и подлец.

Марина ОСИПОВА

Четыре часа утра. За окнами — промозглое ненастье мартовской ночи; бухает ветер в отекавшие льдом стекла, а в запотевшей черноте их зеркал, искрящейся городскими огнями, — блеклое отражение квартиры и суеты наших сборов: муж на два месяца уезжает на съемки за границу. Повезло.

Зов сигнала такси, затягиваем ремнями пузо чемодана, обмениваемся рассеянными поцелуями, и вот уже хлопает вниз дверь лифта, стихает вдали гул мотора... Одна. Брожу по квартире. Потом усаживаюсь в кресло и засыпаю до первого телефонного звонка. Снимаю трубку. Сначала там чихают, а затем сдавленным голосом просят меня.

Оказывается, корреспондент. Хочет взять интервью. Газета та, где работает Володя... Не уважить журналиста не могу — очень уж распинается, да и время для этого в общем-то есть. Опускаю трубку, и тут же второй звонок. Володя. Вся поджимаюсь. И такая тоска наваливается... Столько в этом человеке силы, что возникает унижительное ощущение, что ты — марионетка. Говорит, надо встретиться, жду после спектакля у служебного входа-выхода. Отбой.

Озноб пробирает — слишком далеко все зашло и, если по слабости моей пойдет еще дальше, — погибну. Нутром чувствую: намерения у него серьезные до опасного, но поддаться его воле — дать столкнуть себя в пропасть. Нет, с Володией этим увидаться надо и надо сказать, чтобы впредь на мой счет не обольщался. Вот так.

Гуляю по квартире, слушаю магнитофон, кручусь у зеркала. День, таким образом, проходит. Ну, ничего. Как оправдание дневного безделья — плотная программа вечером. Два свидания и спектакль.

Вылезаю из душной норы метрополитена, и тотчас ко мне подходит интервьюер. Ну, и глаза... Волчий; бритвы точеные. И су-

хощавое, жесткое лицо кажется потому раздраженным, напряженно-злым, но говорит мягко, приветливо:

— И где же будет происходить интервью?

— Посидим часок за кулисами,— отвечаю,— затем вы пойдете в зал, а я на сцену. Плюс дорога к театру.

— Насчет дороги — это машина есть,— говорит он, и мы идем к машине — огромному, сногшибательному кадиллаку цвета бронзы.

Присматриваюсь к корреспонденту. Странное преуспевание на этой скромной должности. Одет, как дипломат или работник торговли, а машина — уверена, ни один главный редактор на такой не ездит.

Забираемся, нет — входим внутрь дворца на колесах. Сиденья, как троны. Кожа, элегантные подлокотники.

Вопросов его я не дожидаясь, какой-то он вареный, этот газетчик, и начинаю все рассказывать сама. От первой до последней роли вкратце, о генеральных взглядах на современный театр и кино — моих и чужих и о разном. Упоминаю и о Володе, как о сослуживце корреспондента. Тот почему-то мрачнеет, подтверждая, что да, они — приятели.

— И как вам... он? — спрашиваю.

Мычит, что нормально.

— Кстати,— говорю,— после спектакля мы с ним должны встретиться. Он автор сценария «Оригиналов», вы в курсе?

Идти на спектакль эта непонятная личность отказывается, мы прощаемся, но, когда я выглядываю из гримерной на улицу, то вижу его автосарай в карауле у служебного входа. Станный тип. И весьма.

Настраиваюсь на роль. Интонация первых слов, пластика первого жеста... Это как упор для бегуна на старте. Дальше — бег. И всякий раз в неизвестность. Театр — то же производство, но если там все определяют технология, качество и цифры, то здесь — свобода импровизации, правда, в рамках предписанного драматургом и режиссером. Но рамки эти как бы сбоку, так что вверх и вниз можно взлетать и падать в зависимости от желания и таланта.

В холле, за кулисами, праздничная суета спектакля, и на миг, глядя на лица актеров — отдыхающих, бренькающих на гитарах, что-то обсуждающих,— вынырываю из отрешенной своей углубленности. Люблю свой театр. Мой второй дом, маленькое отечество. И этот холл с его диванами, фикусами, облезлым роялем, и шумные гримерные с зеркальными стенами и пыльными паласами, и канава рампы... Мы часто приходим сюда, когда и не заняты в спектакле. Поболтать, посоветоваться, посмотреть друг на друга из зала. Здесь, как на корабле. Есть кубрик и вахта, боцман, капитан и друзья. И мы — матросы этого корабля, и вокруг нас — океан зрителей. Сильно, конечно, об океане, но когда после спектакля стоишь на выветленном прожекторами дощатом настиле сцены, видишь в самом деле океан чувств, эмоций; многоглазую, пеструю, рукоплещущую толпу, и ты — над ней. Хоть пошлое сравнение — как чайка, ей-богу. Есть в этом что-то от полета, парения, волшебства, вечности...

А сейчас зал темен. Черное, дышащее внимательным ожиданием пространство. И я перед ним, в косо наклоненной колонне света. И бросаю в черноту тонущие в ней слова, и волнуюсь так, как впервые, и постигаю торжество сцены.

Потом — гримерная, увядающий шум за ее дверью — конец спектакля, конец праздника; сдаю платье, одеваюсь, наспех пудрюсь, натягиваю сапоги, гашу свет — и бегом к выходу.

Шикарного автомобиля уже нет, но открывается дверца белых «Жигулей», и в сумерках различаю лицо Володи. В беспечности, еще захваченная порывом сцены, сажусь в машину, дверца мягко захлопывается, и тут же перехватывает дух от плотной, тягостной атмосферы чего-то невысказанного, сложного, жестокого в своей будничности.

По дороге непринужденно рассказываю о корреспонденте. Кишает — знаю. Хмур. Наверняка грядет серьезный разговор, и болтовней я пытаюсь оттянуть его начало. Трушу.

— Ну вот... приехали, — говорю с вымученным кокетством, должным сгладить острые углы недоговоренности. — Спасибо.

— Что же ты... не пригласишь? На чашку чая? — глухо, не глядя на меня, отзывается он. — А?

— До свидания, — как бы не слышу я и открываю дверцу.

— Постой, — удерживает он меня за руку. — Оба оказались в одной и той же истории, и продолжить ее придется.

— Историю надо кончать, и как можно скорее, — вырывается у меня нервно.

— По логике — так, — соглашается он. — А сердечко-то на перебоях, нет? И разбираться, почему и что, — боязно, стабильности хочется. Семья в этом мире — ценность истинная, и если переоценивать ее, то не дай бог ошибиться? Что, аналогичные сомнения?

— И ты предлагаешь подняться ко мне, лечь в постель и разбираться в перебоях, переоценивать ценности и сомневаться в правильности сомнений?

— Не обижаюсь, — отвечает. — Это не ты, это тяга твоя к стабильности на меня ошתיнилась. Кстати, стабильность — явление чудное. Но — относительно тебя и меня. Только. Такой уж я эгоист.

— Володя... — Слова тяжелые, вязкие, как тесто; я, ужасаясь, сознаю, что говорю не то, да и... я ли говорю сейчас? — Уезжай! Сегодня это грязно, подло; ты сам потом будешь презирать меня...

Он уезжает. Я знаю: уезжает с надеждой — и вдруг желаю, чтобы вернулся, остался, и, глядя на скрывающуюся за покатым горбом переулка машину, на его силуэт в морозно осеребренном свете встречных фар стекле, думаю, что запуталась в этой жизни и во всех понятиях о ней на день сегодняшний — окончательно. И жутко от этого, и смутно до слез и сладкой тревоги, и умереть хочется. И жить, конечно.

Игорь ЕГОРОВ

Первоначальный замысел заключался в знакомстве с актрисой под личиной репортера. Иного шанса для какого-либо перспективного контакта я не нашел. Далее намечалось связаться с Володькой, заставить его накропать интервью и тиснуть в газетке. Я полагал, что в честь моих бесчисленных услуг отказа с его стороны не последует. План рассыпался, как пирамида бильярдных шаров в начале игры. Все было не так, и все было плохо. Выслушал его монолог, построенный в пределах конкретной задачи, — будто телевизор смотрел, не больше, и в довершение всего открыл ее знач

комство с Крохиным. Того, слава богу, успел перехватить у театра, нагородив ему черт знает что: дескать, одному из друзей была необходима некая информация, и получить информацию можно было лишь таким, более чем странным, образом. Володька хоть и лупил на меня глаза в недоумении, но принял известие просто и выпытывать ничего не стал. А встреча наша все же была событием. Все помню. Ее слова, голос, помню прощание, когда держал узкую ладонь, затянутую тонкой перчаткой, вглядываясь в ее глаза — холодные, прекрасные, серые... Теперь без нее я не мог, но сосредоточиться на данном вопросе препятствовали заботы. В частности приобретенная в комиссионке «Волга», представлявшаяся готовый к переплавке лом: гниль, ржа, одно название, что машина. Когда с папаней ехали из магазина, я на всех парах перескочил через здоровую лужу, и папаню окатило грязью с головы до ног — в полу, прикрытая картонкой, обнаружилась огромная дырница. В общем, сплошное разочарование. Но тут возникла мысленка... Жил в нашем доме научный сотрудник, ныне покойник, владелец свеженькой «Волги», и находилась тележка в одном из индивидуальных гаражей под железнодорожной насыпью. Никто насчет этой «Волги» не чесался: по крайней мере гараж каждую зиму был завален снегом, а замки обросли ржавчиной. Подумалось так: угнать, вварить панель с моим номером кузова, движок тоже пока собственный воткнуть, а все оставшееся сплавить налево. Поднять в одиночку дело с угоном было не просто и по соображениям техническим и в плане отсутствия моральной поддержки. В сообщники вырисовывался Михаил.

Был я в гараже, сидел в яме, разбираясь в болезнях своей гнилухи, когда подкатил Михаил — в новорожденной, только-только с завода, интуристовской «Волге» — клыкастой, чистенькой, асфальтового цвета, я перекосялся, сравнив этот аппарат со своим. Из машины вышла девушка в невзрачном пальтишке, розовой вязаной шапочке, очечках, с золотушным, испещренным родинками личиком.

— Моя невеста, — сказал Михаил. — Нина. — И я пожал ее костлявую, птичью лапку.

Была она серьезна, деловита, причем настолько, что сразу представилось: работает, наверное, в бухгалтерии какого-нибудь бумагоуничтожающего ведомства, работу свою принимает всерьез и всем в этом мире довольна. Мымра. Вот, парадокс, кстати! Мишка — неглупый, жизнерадостный малый и выбрал такое горе от ума. Пойми душу человеческую и тайну любви. Да. Еще. Когда ручку ее пожимал, вдруг понял, что так же, как она не нравится мне, я не нравлюсь ей. Вообще-то закон: если неприятен тебе человек, значит, и он от тебя не в восторге.

Нина эта, вжав головушку в воротничок кошачий, как цуцки торчала в «Волге» и читала книжечку, а мы с Михаилом производили в гараже осмотр моего тарантаса.

— Чтобы сию автомобилю в люди вывести, — заключил Михаил, — год отдай. Считай, документы купил.

Он был в новенькой дубленке с белым, как дылячий пух, воротником, при галстукке, джемпере и черных диагональных брюках. Рожа его цвела от счастья, любви, надежд, преуспевания, и вихры златые курчавились из-под шапки. Я — в грязной спецовке, с руками, как у негра, присел на верстак. И выдал неторопливо идейку. Мишка слушал, тускнея взором.

— Обалдел? — спросил он с презрением. — Знаешь, как это называется?

— Закон оскорбим, да? — сказал я. — Тайное хищение! А знаешь, как называется операция с иконками и с денежками, где старичок в буклях? Там, в кодексе, за такое на всю катушку предусмотрено. Конечно, с иконками — не марко, тут мы благородные жулики, а там — грабители, шпана, но суть-то одна. — Я говорил, а сам диву давался, познавая с каждым словом, что мы всамделишные, натуральные преступники. А раньше не доходило почему-то. — Затем так, — вещал я. — Устраняю тебе квартиру. За дело подобного рода надо отсегивать. И будь здоров сколько. Так что помощь твоя финансово компенсируема.

Это был аргумент. Физиономия Михаила обмякла. Настроение я ему, конечно, подпортил.

— Ну, подумаем, — сказал он, переминаясь в новых, как из пластмассы отлитых, башмаках. — Но если накроет ГАИ, я ни при чем, учти.

— Мы есть джентльмен! — вспомнил я Кэмпбэлла, а вслед за тем — зону, которую видел однажды из окна поезда: серый деревянный забор, рогатки сигнализации в шишечках изоляторов, нити колючей проволоки, ряды белых бараков... И жуть взяла. На миг осекся. Может, к черту? «Волги» эти, квартиры, стереосистемы... Нет. Что-то зудело, талдычило: ты везучий, прорвешься. И я покорно отдался водовороту судьбы — куда выкинет, там и будет... Смутно, конечно, понимал, что люди за этим забором и проволокой думали то же самое, но... я же везучий!

Гаражник, в смысле дверь, мы уговорили в момент: лом — и проблема с замками решилась достаточно просто.

Вошли. Пыльная, настоявшаяся духота. Расплывчатый кружок света от фонаря маленькой луной проплыл по зачехленной «Волге», метнулся по стенам — покрышки, канистры, банки с автокосметикой... Замок у машины оказался каким-то хитрым — пришлось вскрывать ветровик и уж после, изнутри нащупав ручку, открыть дверь. Работали мы, как полагается, в перчатках. Я был мокрый насквозь от ужаса и напряжения.

— Открой капот, — просипел Михаил из темноты. Он то и дело гасил фонарь со страха.

Я нащупал скобу привода, нажал ее, как гашетку, и тут раздался страшный грохот, как будто упал комод. Обезумев, я вывалился из кабины, пав на карачки. Замер, ощущая, как по лбу прохладными червяками ползут струйки пота. Секунду стояла какая-то библиотечная тишина.

— В яму... сука, — донесся сдавленный болью голос товарища. Мишка, поднимая капот, сверзился в смотровую яму. — Фонарь... — Он искал фонарь.

Вскоре внизу замерцал свет. Михаил, кряхтя, выпростался из под брюха машины. Сел на корточки, спиной упершись в боковину бампера. Отдышался. Тихо, истерически хохотнул.

— Ничего, старик, — сказал я, справляясь с испугом. — Сядешь как-нибудь после душа, кафеля и полотенца напротив цветного телеска в новой квартире, нальешь в высокий бокал «Мартини», обнимешь жену-красавицу... И вспомнятся страдания, и решится, что было за что.

Мишка безмолвствовал. Я знал: сейчас перед нами обоими стоял один и тот же вопрос: может, уйти? — но знал и то, что вопроса этого никто не задаст вслух — поздно уходить.

— Если еще руль на замке, тогда... — сделал я попытку к отступлению.

Михаил навел фонарь на руль. Замок зажигания нас поразил: хозяин, вероятно, был полный кретин: поставить на двери черт знает что, превратить ее буквально в сейф, а к зажиганию подвести хлипкий, разболтанный замочек от горбатого «газика» времен моего отрочества.

— Замок-то! — озаряясь улыбкой, возликовал Михаил. — Гвоздем включим, копеейкой, ядрена вошь! Аккумулятор ставь! Живо!

Я вытащил старый аккумулятор — такой же усопший, как и его владелец, вставил наш. Затянул клеммы. Подкачал бензин. Шепнул Мишке, склонившись над двигателем:

— Давай! Включаем! — И приготовился к глухому стрекоту стартера, первой вспышке в цилиндрах, тупо уставившись на неподвижный пока винт вентилятора... Послышался лягз и одновременно с ним такой звук, будто пырнули ножом мешок с крупой. — Чего... там? — осторожно спросил я, света фонарем в кабину.

Мишка вращал влажно блесевшими, измученными глазами и страдальчески сопел. Рука его была словно приклеена к замку. Я заглянул в салон и чуть не потерял сознание... Бледную, конопатую Мишкину руку держали, сомкнувшись на ней, щипцы, хищно отливающие голубым металлом. Кровь черными, тяжеленными каплями медленно выступала из-под проткнувшей запястье стали и извилисто текла по белым, как гипсовым, пальцам, мертво державшим новенькую, девственно блистающую копейку.

«Секретку» мы не нашли. Я вытащил из сумки с нашим преступным инструментом ножовку. Страха не было. Была стерильная опустошенность мыслей. Полотно было отменное, японское, но одно я сломал, а затем сломал и запасное. Опять начались поиски «секретки». Фонарик светил уже, как догорающая спичка. Мишка стонал, закрыв глаза от боли. Голова его моталась, как у дохлой курицы. Наконец, под сиденьем нащупался бугорок кнопки. Щелк! Мишка взвизгнул. Щипцы разжались и теперь напоминали клешни обороняющегося краба. Крови на их лазурной синеве не было. Я поднял на себе куртку, влез липкой, в коросте засыхающей крови, рукой под рубаху и, отодрав клоч от майки, приступил к перевязке. В фонаре красненько тлела спиралька лампочки. Мы не сказали друг другу ни слова. Сунули воровские атрибуты в сумку, топотались: не забыли ли что? — и вышли.

— Аккумулятор! — вспомнил Мишка.

В эту минуту по стене гаража резанул свет, и нас пригвоздили к месту приближающиеся, как удавы зенки, круги фар. Не соображиваясь, мы прыгнули в узкую щель между гаражей, повалившись в снег и в грязь. Мимо, ныряя носом на ухабах, проехала машина. Я с ужасом постиг: милицейский патруль! Машина развернулась, вновь проехала мимо и скрылась.

— Аккумулятор! — простонал Михаил. — Там же инвентарный номер! Я его у себя с базы спер!

Я вернулся в гараж. С трудом снял тяжеленную коробку. Затем на полках увидел в последнем озарении догорающей спички четыре новеньких, шипованных баллона. На ощупь снял их. Сумку

с аккумулятором повесил себе на живот; один баллон, как спасательный круг, надел на шею, подхватил три остальных...

— Ну, чего ты?! — рывкнул из-за двери Михаил свирепым шепотом.

Я вышел из гаража, как статуя Командора. Сказал:

— Чтоб не пустыми.

— Чтоб тебе пусто было! — уточнил Михаил, скрежещущим зубами, но баллоны взял, помог.

Когда мы пробирались к моей «Волге», повалил тяжелый, мокрый снег, таявший на нас — грязных, распаренных, только к нам прикоснувшись. Я завел машину. Включил габариты. Сказал:

— В больницу нельзя.

— У Володьки Крохина жена... — сморщился Мишка от боли, — врачаха, по-моему...

Володька, хорошо, не спал. Творил. Боролся со словом. К позднему визиту и моему диковатому виду отнесся спокойно. Я обрисовал ситуацию: друг поранился, нужен свой врач, чтобы без протокола, и, если имеются вопросы, оставь их при себе.

— Ладно. — Он лениво потянулся к пальто. — Алла как раз дежурит, так что вовремя подгадали. Едем.

Ни ахов, ни расспросов, будто я трешник пришел занять. Надежный мужик. Вот с кем дела делать! Но другие интересы у человека.

Ахи и расспросы начались в больнице, в ночной, залитой светом приемной. Алка вообще баба любопытная — я ее давно знаю, в одном классе учились, и любовь у нас была — в смысле целовались в подъезде и в кино ходили. Вовик рыкнул: вопросы — завтра, сейчас — действуй! Надулась, покачала права, но все зашла, перебинтовала, вкатила Мишке укол и сказала, чтобы через день приходил вновь. Вскоре я, вышибая, как в ознобе, чечетку на педали акселератора, рассекал туманы на шоссе, доставляя Михаила в его пенаты. Вовик — сама невозмутимость, сидел рядом со мной, глядя на пожираемый светом фар асфальт.

Когда Мишка, матюкаясь, вылез и отправился через сугробы к родной избе, я почувствовал, что устал бесконечно. Посидели, молча выкурили по сигарете. Дым драл глаза и глотку невыносимо, по-ночному. Затем погнали обратно.

— Стой, — сказал Вовик при въезде в наш микрорайон. — Открой дверцу, задрав голову, посмотрел на мертвую стену спящего дома. Я — тоже. Издалека докатилось: дом Марины. Два светящихся окна. И вдруг отрезвленно, пронзительно ясно постиг, что это ее окна, и Володька приметил их еще издалека, и свет этот ему ох как не безразличен!

— «Двушка» есть? — спросил он, скрывая волнение.

Я дал «двушку». Он вылез. Сказал, приоткрыв дверь:

— Я тут... сам. Пешком. Да, знаешь, в случае чего подтверди Алке: сломалась машина, и я с вами до утра ковырялся. А то и так ходит неммым укором...

— Хорошо.

Как я относился к нему в этот момент? Да никак. Обида была. Жгучая и морозная обида. Ни на что, ни на кого, и на весь мир в целом. Я, только я — пасынок фортуны был достоин этой женщины! Да и еще многого, что никак не шло в руки. Жизни,

где каждый день — событие, большого дела, славы... Неужели все это для кого-то, и не для меня?

Сырая улица. Провисшие от снега провода. Дробящиеся огни фонарей в забрызганном грязью лобовом стекле. Одиночество. За чем живу?

Владимир КРОХИН

После загадочных историй с раненым другом и с интервью — его мне пришлось написать — возникла надежда, что с ремонтом машины нашего главного Игорь все-таки подсобит, но нет — тот куда-то исчез. Пришлось идти на поклон к Эдику. Эдик заломил цену: триста рублей — ровно вдвое больше суммы, пасиванной Игорем и уже назвапной мною шефу. Я заметался, как попугай в клетке. Попробовал сунуться на станции техобслуживания: или очередь на месяцы, или нехватка запчастей, а в конечном итоге — те же триста рублей. Ожесточившись, договорился с Эдиком так: двести рублей. Работаем сообща. Пятьдесят рублей — детали, остальное пополам.

В гараже у меня барахлило отопление, у Эдика гаража не было вовсе, и потому с помощью бутылки «Пшеничной» было достигнуто соглашение с неким Левой на предмет ремонта в его боксе. Лева входил в клан мастеров частного направления, занимаясь ремонтом покрышек: заваривал продранные, покупая их где только можно по рублю за штуку и продавая после восстановления не по рублю. Имелся у Левы хитрый самодельный аппарат с термометрами и манометрами, а гараж был забит покрышками от автомобилей всех марок. Была у Левы и «комната отдыха», чью обстановку составлял промасленный диван, столик, телевизор с рогаткой антенны и кресло. Судя по слухам, специальностью Левы была стоматология, но в последнее время он не практиковал, ибо занятие покрышками считал много доходнее.

Мы с Эдиком бродили под ржавым днищем машины, прикидывая объем работ. С днища стекала грязь, капая мне на старую пограничную фуражку, выданную Эдиком в качестве спецодежды.

— Ну, в общем, рессоры ему менять не будем, — говорил тот, трогая пальцем мокрые, грязные листы железа, разбехавшиеся в разные стороны. — Подогнем, подложим парочку, в черную красочку — и не отличит. На ключ, вращай гайки. Открутишь — зови.

Открутишь! Гайки сидели намертво. Ключ постоянно срывался, и я обдирап руки о железо. Кровь нехотя выступала из-под черного мазута, коркой облепившего кожу. Внутри меня все выло от досады. Когда я выполз из ямы и прошел в пристройку, там были трое: Лева, Эдик и еще какой-то тип с лицом питекантропа, одетый в брезентовую робу. На лице питекантропа различались две детали: мутные голубенькие глаза и узенький, в палец толщиной, лобик. Все остальное скрывала рыжая щетина. Компания наслаждалась портвейном и слушала кассетный магнитофон «Хитачи».

— Мой кореш, — представил Эдик питекантропа. — Сейчас рессоры гнуть будет.

— Ну-ка, выйди, — нервно сказал я.

Вышли. В человеческих отношениях Эдик был огромным психологом: мою раздраженность он уразумел сразу и, не дожидаясь скандала, взял первое слово, интимно зашептав:

— Ханыга из реммастерской... У него пресс, ща все заделает. Рессоры я сменю, а ты покадомой валяй, бутербродиков там сооррази, чайку... Отдохнешь, понял?

Я мрачно согласился. Вернулись в комнату, где разливался портвейн по нечистым стаканам и очищалась селедка.

— Когда будет готово? — деловито спросил я у питекантропа.

— Когда воробыи на юг полетят, — недружественно ответил он.

Я сжал зубы, но психолог Эдик, обняв меня за плечи, уверил, что все будет путем через два часа.

Из дома я прихватил бутерброды, банку с остатками растворимого кофе и пару грейпфрутов — все, что нашлось. Затем, изнывая от безысходности ситуации, отправился в гараж вновь. Тамошняя картина несколько переменилась. Лева, вдрызг пьяный, помучившись лицом, ничком валялся на диване. Спал. Глаза и рот его были открыты. Он прямо ассоциировался с трупом. Питекантроп камнем сидел на стуле, остекленело наблюдая пространство, как лама на молитве. Башмаки и рукавицы были напаялены у него на разные руки-ноги. Роба одета, но вывернутой наизнанку. В гараже плавала пелена дыма — видимо, по пьяному делу спалили ремонтный баллон. Из ямы ужом выполз Эдик — на удивление трезвый.

— Рессоры сменил, втулки сменил, — доложил он. — Приверни правый амортизатор. А я пойду пока чайник согрею.

Я с воодушевлением взялся за ключ. Гайки закручивал до упора, как бы мстя им. А с последней до упора не вышло: прокручивалась.

— Эдик, — позвал я, вылезая. — Что-то с резьбой...

Эдик автогеном подогревал чайник. Питекантроп, бессмысленно ворочая челюстью, сидел у Левы в ногах.

— Что-то с резьбой! — сказал Эдик, пробуя гайку ключом. — Сорвал ее кто-то! Теперь всю площадку надо менять, это чирик еще, давай кувалду! Всю площадку менять! — повторил он, принимая инструмент. — Всю! — И, расставив ноги, жуткими ударами принялся дубасить по гайке, сплющивая ее вместе с болтом в единое целое. Из-под воротника его телогрейки торчали лохмотья оборванной петли вешалки. — Всю площадку! — талдычил он, как заклинание.

Вот пройда! Видел бы эту работу главный!

— Бог не фраер, он простит, — сказал Эдик, откликаясь на мои мысли. Затем собрал ладонью влажную грязь с днища, залепив искаленное железо. — Вот... так. Рессоры заделаны, вечером еду бомбить. Еще бы кардан... Где бы взять?

— Бомбить... что?

— Что? Пассажиров, — последовал хмурый ответ. — Если только с твоих башлей жить, считай, задаром ломался.

Питекантроп сделал попытку встать, и она ему удалась.

— Кофейку чичас попьем, — сказал Эдик корешу с подобострастием. — И пойдешь, родимый.

Сели за стол. В здешней обстановке есть я не мог и потому просто сидел, смотря на покойнический оскал Левы. Питекантроп полоскал импортным кофе свои гнилые зубы. Это было отвратительное зрелище. Эдик рассматривал грейпфруты.

— Чего такое? — спросил он с подозрением. — Лимон или апельсин?

— Помесь, — кратко ответил я.

— А от них запоры бывают? — Он увлеченно дожевывал бутерброд. — А то желудок у меня...

— Мы все тут надрываемся, — вдруг произнес питекантроп. — А они... — И смолк.

— Салидол нам принес, — объяснил Эдик. — Человек! Как раз для передка... О, — ногой он подвинул к себе жестяную банку, мизинцем влез в нее, ковырнув фиолетовую, жирно блеснувшую смазку. — Свежак! — сказал со вкусом.

Питекантроп гордо кивнул. Нижняя челюсть после этого долго не хотела у него подняться поближе к верхней.

Я сидел, угнетенный этим «бомбить». Потом явилась идея.

— Слушай, — сказал я Эдику. — Мне предлагали кардан на автобаза. Новый. Может, слетаю? Машина на ходу...

— Ну давай! — обрадовался тот. — А то бомбить, встану еще враскоряку где-нибудь... За час успеешь?

Я выехал из гаража и полетел, сам не зная куда, по проспекту. Скорее из этой норы! От Эдика отоврус: остановило ГАИ, доверенности не было, машину задержали. Затем в присутствии Игоря расплачусь с ним за работу. А переднюю подвеску и кардан пусть главный ремонтирует в автосервисе. С меня хватит. Салидол, гайки, мат, водка, жулье...

«А может, все наши проблемы, дела, да и вообще все-все заключаются в сущности белкового организма? — философствовал я, наслаждаясь свободой. — Ну, а пусть бы мы были из кремния, предположим. Все равно нужны были бы и средства передвижения, и подобие алкоголя, и какая-то борьба за материальные блага — на ином уровне, с иным мироощущением, но жадность, корысть, ложь — все*это осталось бы, уместившись в другие формы, по сути же своей не отличные от теперешних ничем».

Вечером мне позвонил Эдик.

— Чего ж ты уехал, — злобно прогнусавил он. — Там... зонтик мой остался...

— Где?

— На заднем сиденье! И штаны... Я так в спецовке до дома и добирался. Да. И рулевая тяга от «Шевроле».

— Ничего не видел.

— Как... увели, что ли? Ничего себе... — огорчился он. — На базе?

Я поведал об аресте машины органами ГАИ.

Эдик помолчал, соображая... Сказал, взвешивая слова:

— Тяга — пятнашка, зонтик — тридцатник, штаны — пятерка и полтинник за работу. Три дня сроку. Иначе лучше не появляйся. — И брякнул трубку.

Так закончился этот ремонт.

Марина ОСИПОВА

Со съемок вернулась, исходя досадой. Ничего не выходит. Фильм разонравился, роль тоже, партнеры — кретины, режиссер орет по любому поводу, а отношения у нас с ним не приведи господь. Только переоделась — звонок в дверь. Володя? С трепетом неприятия этой встречи... поворачиваю рукоять замка... Егоров!

— Надо поговорить. — Стоит на пороге не раздеваясь.

Ставлю чай, и в ожидании чая сидим, рассуждая о всякой

всячине. Но вот пауза, лицо его суровее... Сейчас цель посещения разъяснится.

— Марина, — начинает он, отводя взгляд. — У меня, видишь ли, неприятности. Беда даже... Я люблю тебя.

Я, обомлев, слушаю. О том, когда и как он увидел меня впервые, кто он таков, на чем основано его приятельство с Володей...

— Короче, с ума схожу, — говорит он, болезненно морщась. — Вплоть до того, что каждый вечер обход вокруг дома. Свихнулся. Ну, а что ты мне можешь ответить, знаю. Ничего.

— Понимаю, — отрываюсь я задумчиво, тут же сознавая себе, что хотя и впрямь понимаю его, но сейчас начинаю играть не то в сочувствие, не то в нечто сочувствию подобное, с задачей — чтобы и не обидеть и отшить тем не менее. Тягостное положение.

— Ну, — говорит он неестественно бодро, — пониманием мы поклонились, и теперь ухажу. Извини за причиненное неудобство. Да, знаешь... смешно! — однако если бы ты была моей женой, я был бы для тебя идеальным мужем, наверное. И вообще спасся бы.

— Игорь, — вырывается у меня. — Пошлость, но давай будем друзьями? — Что руководит мной, когда я произношу это? Жалость? Нет, ни жалости, ни сострадания я не испытываю и, может, презираю его даже... Ах, вон оно что! Презираю его, и неприятен он мне слабостью своих признаний, но чувствую, что такое где-то и низко, а потому хочу выглядеть перед собой благороднее и вот — говорю...

— Пока, — отвечает, и дверь захлопывается.

Все-таки жаль его... А, чего жалеть — блажь наша. Да и сколько еще поклонников было и будет! Потом, поклонение подобное наверняка не к личности, а к известности. Обыватели, а этот из них, повально любвеобильны к знаменитостям только за то, что знаменитости. Нет, тип... Корреспондент, а? Да и Володька тоже...

Вспоминаю о муже. Боже, кого я обманывала и с кем! А прав ведь ты, лицемер Вова: единственная ценность в нашем мире — семья, причем та, где все на одном уровне. И разве можно ею поступиться ради всякой сомнительной дряни?! Идиотка... Ладно, было, забудем. Я открываю окно, скорее всего убираю пустые чашки, остатки кекса и выстуживаю комнату. Обожаю спать в холодной комнате под теплым одеялом.

Игорь ЕГОРОВ

Неделю в бездумном, запойном веселье отгулял на свадьбе у Михаила. Прихватил туда в первый день Ирочку, принятую всеми за мою невесту. Впрочем, я не возражал, тем более ей это было приятно. Бедная девочка... влюбилась в меня, обормота. Как я ее понимал! И как неловко было видеть перед собой ее глаза — любящие взхлеб, без оглядки...

Мишка в приливе хорошего настроения и в боязни моего отказа устроить квартиру после неудачи с щипцами предложил другой трюк: угнать его новенькую служебную «Волгу» во время обеденного перерыва. В случае чего ответственность исключительно на мне, а таскания по следователям и разные «объяснительные» квартиры стоят — таковы были его, видимо, рассуждения.

Традиционно Мишка обедал в кафе на Садовом кольце с товарищами по службе, и, как только компания вошла туда, я задез

в телегу. Предварительно я выпил бутылку вина, решив таким образом: если зацапают, то, ориентируюсь на алкоголь, подведут статью «без цели хищения» — то бишь решил прокатиться. А не поймают — мое счастье. Впопыхах, из горлышка выпитое мной винишко начисляло градусов восемнадцать, ерунду, но от дикой нервной перегрузки я захмелел так, что с ужасом постигал: еле держу дорогу. К перекрестку подлетел на всех парах, едва не воткнувшись в грузовик впереди; дал по тормозам, инерция кинула меня на руль, нога соскочила с педали сцепления, и машина, дернувшись в судороге, заглохла.

Трясущейся рукой нащупал ключ, с силой повел его в замке и тут же ощутил пустоту под пальцами... В обратную сторону, дурак! Обломал! Сзади сигналили, потом начали объезжать. С перекрестка ко мне двинулся постовой.

В дублинке, в отутюженных штанах я полез под машину. Рукой вцепился в лонжерон. На лицо мне стекала грязь. Я видел мокрый, бугристый асфальт, мчащиеся в венчиках водяной пыли колеса автомобилей и рядом, крупным планом, сапоги ганшника.

— Ну, что у тебя там? — эхом донесся вопрос.

Я перевел дыхание, чувствуя на зубах песок и отдающую запахом масла глину. С трудом, сквозь страх, оцепенение, пьяный дурман, выдавил:

— Заглохла.

— Давай к обочине и там копайся, понял?

— Щ-щас,— прошипел я, заставив раздвинуться губы.

Сапоги зашагали прочь. Ободрав лицо о порог, я вылез из-под машины. Ногтями схватил заусенец обломка, торчащий из паза, повернул... «Тух-тух-тух» — подхватил движок, и я врезал по акселератору так, что стекла дрогнули. Постовой погрозил мне палкой — полосатой. Дружелюбно, впрочем. А в гаражах было тихо. Никого. Закрытые двери. Я загнал «Волгу» в бокс. Я был трезв. Только ощущал себя выпотрошенным каким-то. Огляделся, стирая хрустким заледеневшим снежком грязь с дублинки. Солнышко. Капель бомбит лужи. По-весеннему сонный мир. А ведь сейчас облава, летят опермашины, Мишка долбаёт себя кулаком в грудь, кореша подтверждают, милиция изучает след острого старта, десятки людей ловят меня — преступника, отщепенца. Я содрогнулся. По коже с порывом свежего, пахнущего почками и талым снежком ветерка побежали, отвердевая, мурашки. И до воя захотелось все повернуть назад! Ведь не будет от этой «Волги» радости, только вечная боязнь разоблачения... Но на попятную... поздно. Давно уже поздно. А когда это «поздно» началось, где был тот момент, после которого стало поздно и почему он был? Кто я? Ворюга. И на работе ворюга и не на работе. Много мне это дало? Раньше-то, когда в КБ трудился и с «Победой» маялся, куда радостнее бывало. Не те денежки, верно, но какая компания, какие ребята... Пал я, да? Ну, пал. Обратно не возвратиться. Терпеть. Задумался над собой, над Мишкой, над всякими новыми приятелями... Почему мы такие? Есть же ребята — осваивают просторы, на полюс пехом экспериментируют, корабли поднимают, цивилизации ищут... У них что, все иначе? А что иначе?

Вечером я прибыл к Мишке. Товарищ являл тучу грозовую. Мать его хлопотала по хозяйству с невесткой, свадебное торжест-

во еще витало в доме, но так, умирая в обыденности повседневности.

— Затаскали,— сказал Михаил.— Бумаг написал—рука отваливается. И орут все, как будто я виноват. Знаешь, Нинке я про иконы... ну там... сказал...—продолжал он.— Такое было! Или развод, или прекращай! И на тебя она... это. Все! Что осталось из долларов,—сменяю, батя на «Жигуль» в очереди; куплю и шабаш!

— Ужинать садитесь,—проскрипела за дверью Мишкина бабка, и мы прошли в комнату. Нинка взирала на меня, как на змею.

Вернулся Мишкин отец. Под этим делом. С халтуры. Сказал, что меняли какому-то профессору полуось. Папаня был веселый, но в скучной домашней обстановке тоже постепенно сник и озлобился. Долго смотрел в тарелку с картошкой, посыпанную луком, выслушивая нарекания жены по хозяйству — то не сделано, это... Затем треснул прямо в тарелку кулаком, заорал:

— Да о чем с тобой говорить! Ты ведь... не знаешь, что такое интегральное и дифференциальное исчисление даже!

— От профессора научился,—холодно констатировал Мишка.

Я встал. Надо было уходить.

Дома, на кухне, папан и маман сажались за ужин. Играл приемики, было уютно, тепло... Неожиданно накатило рассказать папане кое-что из своих криминалов, но как бы во втором лице, что и сделал. Дескать, был друг, но так вот опустился... Папаню честнейшего буквально затрясло. Возмущению не было конца, края и предела. Сурово блестя стекла очков, звучало: «Сажать! Бандит!» Мать даже успокаивать его начала и на меня зыркать: к чему, мол, такие страсти рассказываешь?

И я испугался. Как маленький, как в детстве, когда набедокуришь и ждешь, что накажут. И так хотелось быть маленьким! Но с этим уже кончено, все. А когда кончено — и не заметил.

Владимир КРОХИН

Поехал в редакцию, но не доехал: что-то случилось с машиной. Катастрофический расход топлива. Пришлось повернуть в гараж в надежде застать там кого-нибудь из специалистов. Застал Игоря.

— Что-то с зажиганием,—пожаловался я, опуская стекло.— Бензин жрет, как волчца.

Поджав губы, ни слова не говоря, тот показал коротким взмахом руки — открывай капот. Подошла и остальная публика: кто с советами, кто полюбопытствовать. Постепенно вокруг машины сгрудилось человек шесть в попытке поставить диагноз.

— Течь,—изрек Игорь, осмотрев движок.— Она! — И оказался прав, хотя поначалу такая гипотеза подверглась резкой, нецензурной критике.

— Могу подвезти,—предложил он.— Кстати, не хочешь в гости? К приятелю моему. Художник, реставратор, йог; очень похож на тебя: то есть как устроен телевизор или машина ни бе ни ме,—каменный век, но знает, в чем смысл жизни и вообще то, до чего наука пока не добралась. Подруга моя туда подьедет, кстати, посидим...

Это был расчудесный вариант.

Поехали на его «Волге». Когда он успел отремонтировать ее — загадка. Мне бы жизни на такое не хватило.

Дверь нам долго не открывали. Наконец послышались шаги... всхлипы... и на пороге возник плачущий парень. Мелко икая, он вытирал скрюченной, как у прокаженного, кистью руки распухший нос. И било его всего, будто испуганную лошадь. Тут я заметил, что одет он в купальный халат, и только в купальный халат. Борода у него была неестественно клочковатая, словно ее вначале решительно начали стричь, а затем раздумали, да так и оставили.

— Про-о-дал! — мотая головой, канючил парень. — Се-бя!

— Что продал-то? — с равнодушной неприязнью осведомился Игорь и представил мне человека: — Олег.

— Вот! — Тот протянул ему мятый паспорт. В паспорте стояла устрашающая печать: «Захоронению не подлежит».

— Наглядным пособием для студентов, значит, пойдешь, — сказал Игорь, разоблачаясь. — Перед вами труп закоренелого, значит. Видны явные изменения печени... Ну, а чего? Сам же говорил: тело — кокон, главное — дух... Дух-то не продан. Ну, ладно. Тебе же не завтра концы отдавать? Выкупим кокон. Пойди умойся; борода... чего такое? Стриг?

— А выкупить? — оживился тот. — Можно разве?

— Устроим, — пообещал Игорек. — Все можно в нашем мире. Как в другом, это у тебя спрашивать надо, ты в курсе вроде, а тут, в предбаннике, придумаем. Давай в ванную...

После ванны тот вернулся в свежей рубашке, без бороды, причесанный, помолодевший и успокоенный.

Затем пришла подруга Игоря — Ира. Нежная, добрая, красивая девочка, все в меру — умница, но не заумная, скромная, но не ханжа — в общем, таких мы ищем, но не находим. Реставратор при появлении дамы преобразился: стал обходителен, слащав даже; ручку ей поцеловал, и по всему чувствовалось — стремился произвести наиболее приятное впечатление. Собеседником он оказался неожиданно интересным и умным; я себя ощущал дикарем, слушаю его суждения, где ничего не было вскользь, упрощенно или категорично; искусство он понимал, опираясь на знания и уж после на самостоятельно выстраданное, в отличие от меня уяснившего десяток несложных категорий и уповавшего в оценке художественной истины на вкус слепых ощущений.

Разглагольствовал Игорь, отправляя в рот ветчину:

— Церковь. Любая там. Ну, для чего, в принципе? Первостепенная задача — удерживать людей от низости и подлости, так? Проповеди, не убий там... Но как учреждение она отталкивает! Это же разное... Учреждение — люди. Начальство, шестерки, а вера — души человеческие. И как подумаешь, что этот благочестивый поп — жулик, так сразу н... отпадает все.

— Но, — мягко возражал Олег, зажигая свечи, — так можно прийти к сектантству, а если вот исходить из идеи, что бог — в каждом из нас, то лучше взять для примера религии Востока, тоже организованные, однако...

— Олег, — перебила Ирина, — вы бы показали свои картины...

— Да у меня всего одна, — отмахнулся тот дурашливо. — Ос-тальные — школа. Поиск.

— Ну хотя бы одну, — вставил я.

Олег на время исчез. Вернулся, волоча по полу треножник мольберта, повернул холст к оранжевым маковкам огня.

Сырая древесина стены тесаного деревенского дома, косо навалившаяся на скошенный луг, на тягостно-пасмурный горизонт летнего ненастного дня; и — глубь ржавой дождевой бочки, в чьей воде светился брошенный туда, рассыпанный букет из васильков и ромашек.

— Ну! — подытожил Игорь. — Это, понимаю, натюрморт. А то окурок затоптанный нарисовал в масштабе один к пятидесяти... Символ, говорил! Юма-арист!

Меня передернуло. Но Олег был наивно-доброжелателен.

— Да, от авангардизма я отказался, — начал он, — но в силу узкого понимания мной сути его... Я пошел вне направления, интуитивно...

— Стоп! — сказал Игорь, переводя взгляд то на Ирочку, то на меня. — Одиннадцать часов. Пора! — Пихнул Олега в бок. — Нашел свободные уши...

Меня снова передернуло. И от сытого этого тона, и от уверенности моего товарища в своей пошлой уверенности, что, кстати, была и во мне, только я постоянно старался уйти от нее, быть тоньше, добрее, а он... Хам. Дремучий.

Отвезли домой Ирину и покатали в гараж.

— Слушай, — не вытерпел я, — ты с ним... нехорошо, с Олегом. Тон... Не надо так, старый. Тем паче в теории все должно быть наоборот.

— Ка-ак? Чего? — спросил он с презрением. Затем остановил «Волгу» напротив гаража, посмотрел на меня в упор, сощурив глаза. Взгляд врага. — Знаешь, — сказал, — и ничего ты парень, но скользкий. Перед собой, во всяком случае, так понимаю. И жалеть кого-то хочешь, а сам — не, не жалеешь, и честным казаться, но тоже не выходит... А в жизни везет тебе просто: все задарма в руки прет, и потому колеблешься маятником — ни то ни се...

— Я личность Сомневающаяся, — сказал я вдруг. — А значит, прогрессивная, — тут же представив, как эта фраза ляжет на бумагу: «сомневающаяся» — с большой буквы, «прогрессивная» — с малой...

— Да все мы сомневающиеся, — усмехнулся Игорь, разом стихнув. — Толку с этого только...

Марина ОСИПОВА

Вечером звонок. Торопливые слова моего первого супруга: «Важный вопрос, срочно поговорить...» Не отказываю, и вскоре он сидит напротив меня. Постаревший, посеревший лицом от забот, но ухоженный.

— Видишь ли, — начинает он, расстегивая пиджак и красиво закуливая. — Идет время... И подводит оно нас к тому рубежу, когда многое необходимо оценить вновь.

Мне почему-то приходит на ум комиссионный магазин.

— Скажу прямо, — переходит он к главному. — Раньше я заблуждался в тебе. Думал, ты на ложном пути. Слушал... глас родительской мудрости.

— У тебя испортились отношения с женой?

— Как раз нет.— Уколотый иронией, он подбирается.— Просто... я понял: она чужой человек.

— Значит,— комментирую,— она не в курсе того, что сидишь ты сейчас с первой женой, собираясь предложить ей третий брак? Так вот. Описываю, что произойдет часом-двумя позднее. Получив здесь категорическое «нет», ты отправишься к своему чужому человеку, думая обо мне что-нибудь вроде: «Да задавись!» — и будешь с этим чужим ласков, мил; а сегодняшнее наше свидание представится как сумасбродство и миллион унижений.

Я нравлюсь себе. И откуда столько логики, холода, воли?! Вот каковой быть надлежит, вот мой стиль и характер, должный стать натурой!

— Звонят... там,— хмуро указывает он на дверь.

Открываю. Володя. Вмиг теряюсь. Голова пуста, лицо — будто пламя лизнуло... Знакомлю мужчин. Все мы в неловкости величайшей, но расхлебывать ее предстоит мне одной.

— Посидите,— говорю,— а я чай...

Заливаю чайник до упора, ставлю на плиту. Ох, как все надоело, за что же такое, а?!

На кухню является Владимир. Прикрывает дверь.

— Марина,— начинает с шепчущим придыханием.— Хочу сказать... Нам надо быть... вместе. Всегда.

— Замуж зовешь? — лукаво вскидываю я глаза, и вдруг так весело становится, что и жутковато от этой своей внезапной смелости. А Вова — растерян и жалок. — Пошли. Хватаю его за безвольную руку и тащу в комнату, где тоскует мой первый супруг — чужой человек. Усаживаю их рядышком. — Итак, прибыли вы сюда с намерениями одинаково серьезными. — (Они коротко переглядываются, тут же безразлично опуская глаза долу.) — Вопрос: почему именно сюда? Ответ: симпатичная баба, раз. Известная актриса, что престижно для вас, обывателей, — два. Третьим будет следующее. Вывод из разъясненного. Просьба. Более не докучать, не ставить себя в нелепое положение и искать встреч со мной посредством билетов в пункты культурного времяпрепровождения. Прощайте.

Хлопнула дверь. Засвистел на плите чайник.

Владимир КРОХИН

За безобразный внешний вид и стертый протектор с «Жигуля» сняли номер. Пришлось взывать к Игорю, ехать вместе с ним в ГАИ и, дав там слово, что отныне машина будет сверкать и обуваться в новые покрышки, выручать номер обратно. Когда, возвращаясь из ГАИ, проезжали мимо киностудии, я попросил остановиться. Механически попросил. Вылез, из проходной позвонил ассистенту режиссера: чем, мол, занимаемся? Услышал то, что и хотел услышать: в павильоне вот-вот заканчивается съемка, Марина здесь. Так. Повесил трубку. В раздумье через стеклянную стену обозрел улицу. Солнечный, ветреный день мая. Младенчески сморщенная листва на тополях и липах. Голые кусты, облепленные тугими кочанчиками почек. Отрадное природы воскресение. Ну-с, заказать пропуск? Зачем? Недостаточно одной оплеухи? Оскорбительной, хлесткой и ясно давшей понять, что не нужен я этой женщине, более того — опасен ее спокойствию; и она устыдилась мгновенной слабости, твердо преодолев его.

С улицы донесся укоризненный гудок. Я обернулся в сторону машины, и в следующую секунду передо мной мелькнула она, замешкалась, как бы споткнулась...

— Я... так ждал тебя! — прорвалось у меня и страстно, и с горечью, и с занскиванием.

Улыбнулась. Принужденно и беззащитно. И вдруг, как в лихорадке почудилось, что ничего не кончено, а только начинается и счастье вот, рядом, ну же...

— Марина, — я коснулся тонких пальцев ее. — Изгнать — это твое право, но...

— А что остается делать? — Улыбка превратилась в стылую усмешку. Она освободила руку. — Начинать все... сначала? Для этого надо любить. А что было у нас? Приключеньице, основанное на минутных симпатиях. Я про себя, но и того достаточно... в смысле невозможности полного счастья.

Меня одолевает раздраженность и скука.

— Тебе куда ехать? — перебиваю. — Если домой — подвезу.

Влезает в машину. Тут доходит, что Игорь...

— А, вы же знакомы! — заявляю с натушной иронией. — Кстати, — развязно хлопаю Игоря по плечу, обтянутому нейлоновой курткой. — Всемогуший человек. Пользуйся моментом, Марина, и, если надо, проси, чего пожелаешь. Решение всех проблем.

Тот мрачнест. Чего-то я такое... Переборщил, кажется. Но продолжая с той же фамильярной сатирой в голосе:

— Давай-ка, Игоречек, жми на педали.

Он неторопливо оборачивается. Глаза его округлены внимательным созерцанием моего лица и напряженно-пусты.

— Слушайте... — роняет он сквозь стиснутые зубы, — поэты и актеры... Я хоть и убог в сравнении с сиятельностью и широтой ваших интеллектов, но я не вещь. Не продаюсь и навряд ли гаечного ключа не используюсь. Так что... Пожалуйста. Освободите салон. Вы, — брови его сдвигаются в сторону Марины, — не забудьте сумочку. Ты же — померочек.

Она забирает сумку, я — номерочек, и в подавленном молчании мы освобождаем салон. Я что-то цежу, морща лоб, типа: псих он, Игорь, дурак, обидчивый, вообще пустяки, но ответом мне служит утомленный вздох и презрение в ее суженных глазах, выскливающих в потоке машин такси. Вот и такси, но составить компанию мне не удастся; она с треском захлопывает дверь, кратко бросая шоферу: «Вперед!»

Стою, тупо изучая цифры на номерном знаке. Краска на буквах и цифрах облупилась и вспучилась от ржавчины. Надо обжечь, зачистить, обезжирить и покрасить вновь.

Еще такси. Сесть в него опять-таки не удастся: из-за спины выпрыгивает проворный гражданин в темных очках, в европейской клетчатой кепке с блинчиком пуговки на макушке и вмиг оккупировает машину. Я вижу его щеку, сведенную в злорадной ухмылке, и неожиданно узнаю в нем режиссера.

Снова такси, но вспоминается, что бумажник забыт дома, я полагаю какими-то копейками и потому ничего не остается, как тащиться на остановку автобуса. Игорь — сволочь. Маринка — стерва. Я — идиот,

Марина ОСИПОВА

Вернулся муж с огромным чемоданом.

Радость встречи, изучение содержимого чемодана, восторг перед обновками; во взаимоотношениях согласие и уступчивость; короче: разлуки имеют большое и полезное значение; они — спасательный круг в штормах и штормах топящего нас семейного быта.

Неделю жили, как молодожены. Затем началось!

Пришел со спектакля. Побродил по квартире, поиграл желваками, высказался о пыли на серванте и телевизоре.

— Яблочки вот,— угодничала я, стараясь не нарываться.— Весь день по магазинам...

Брезгливо взял яблоко. Надкусил, перекоксился и хамски бросил на скатерть.

— Тыфу, деревянные какие-то...

Заставляю себя остаться терпимой и благожелательной. Дергаю плечом, беру яблоко за хвостик, несу в кухню.

— Что приготовить на ужин? — вопрошаю бесстрастно.

— То же, что и своим любовникам...

— Что-что? — присаживаюсь в кресло, напрягая лицо в недоуменной сосредоточенности.

— Ты передо мной не играй... в невинность помыслов и восприятия! — подскакивает он.— Такие доказательства, что...

Страх. Панический. Но мысли отстраненно ясны...

— Постой,— говорю хладнокровно.— Откуда информация, знаю. Знай и ты. Режиссер этот лип ко мне, как оса к арбузу. И, чтобы избежать этого лиха, пришлось...

— Пришлось! — подтверждается саркастически.

— Да надоели они все...— произношу с непринужденной досадой.— У одного не выгорело, решил выместить неудачу, приписав все другому. А другой тоже хорош... Измучил... Преследование какое-то. Еле отшла. Ну неужели ты не знаешь эту публику! — с обреченной укоризной продолжаю я.— Злобные, завистливые пауки с патологической страстью к интригам и сплетням. И неужели ты думаешь, что я настолько не уважаю себя и тебя... Я же женщина! — уже кричу со слезами.— Ты усвистел, а мне — крутись! А потом выслушивай от тебя... Конечно, попробуй тут поверить! Наставила рога и ломает оскорбленную добродетель! — Меня трясет от обиды.

Давно заметила, что лучший способ разубедить кого-то в сомнениях относительно себя, если нет аргументов,— высказать эти сомнения самой.

— Значит... ничего не было? — с недоверием, но успокоенно говорит он.— А как же...

— Да послушай ты! — отмахиваюсь яростно и рассказываю, как избегала ухаживаний режиссера, строя глазки дурачку сценаристу, возомнившему, в свою очередь, черт знает что и тоже в итоге схлопотавшему плюху.

Муж впадает в безысходное, молчаливое неверие, но истинное неверие сломлено. Спать ложимся, теснясь к разным краям кровати, разобиженные, но в душе примиренные.

А разве я лгала ему? Ну... если самую малость. Ведь то, что было,— бредовый сон; я сама осудила себя и... Неужели этого мало? Неужели нет прощения?

Ладно. Утро вечера... Утром останется лишь тень обиды. Поверит. Я поверила, и он поверит. Интересно, кстати, как он там... гастролировал.

— Кстати, интересно, как ты там...— говорю сердито.— Еще неизвестно, к кому надо предъявлять претензии в плане супружеской верности!

— Да уж! — доносится сонно и сдавленно.

А в самом деле... Он-то как? А! Если и было у него что, тогда квиты. Да не было, наверное... Спать!

Игорь ЕГОРОВ

Проснулся среди ночи — в поту, изнемогая от кошмарного сна, отступив, оставившего застрявший в глотке комок ужаса, хрипом рвущийся наружу. Сел, отдышался, унимая испуганное колотившее в ребра сердце.

В новой моей квартире стояла гулкая, необжитая тишина; пахло свежими обоями и олифой. Поправил одеяло, сползшее с плеча Ирины, натянул на голое тело свитер, прошел в кухню. Уселся в полумраке серенького рассвета, блекло высветившего такой же серенький пластик новенького, вчера приобретенного кухонного гарнитура. Сидел, тяжело соображая нудно звенящей головой: как быть? Как избавиться от вгрызшейся в меня клешом мании преследования, когда за каждым звонком в дверь чудится милиция, обыск и сразу всплывает в памяти «Волга», увесистый пакет с долларами и рублями, бестолково перепрыгиваемый из гаража в подкладку старой шубы, из подкладки — в угол под ванной... Родители, анализируя мое процветание, все настойчивее пророчествовали об обязательном возмездии закона; Ирина тоже подозревала и, хотя помалкивала, безропотная душа, про себя огорчалась ежеминутно. А я был захвачен инерцией. Но сейчас, сгорбленно сидя на кухне, думал, что пора кончать. Составился план: переход в КБ, регистрация с Ирочкой и разговор с Михаилом — дескать, завязываем напрочь.

Утром на работу не пошел: все равно увольняться. Разогрел оставленный женой завтрак, затем отыскал в баракле медную коробку, переложил туда финансы, оставив сто долларов на «Березку» и тысячу рубликов на проблемы текущего бытия; запаял крышку и покотил за город, в лес.

Пронеслись в оконце новостройки окраины, зона отдыха с мутным озерцом и деревянными, крашенными под мухоморов грибами, проплыли увязающие в придорожной топн замшелые болотные сосенки, поникший пригорок с картофельным полем. Места были знакомые. Вышел на лужок, узрев привычный ориентир прошлых пикников — здоровенный, дуплистый дуб с узловато струящимися к земле жилами вековой коры. Постоял, глубоко, как и любой горожанин, дыша воздухом, настоящим на хвое, травах и мхах. Сентябрь. Редкие листики на оголенных оспинах, трепещущие в прощально-теплой синеве неба, обреченная тишина осеннего леса. Надо же. Скоро зима. А как лето прошмыгнуло, и не заметил в подвале конторы и в яме гаража. А что, может, уехать куда-нибудь и жить в лесу? Без затей, без сутолоки... Нет. Я дитя большого города. И во мне вирусы этого города. Выделяют вирусы токсины, отравляют меня, привыкшего к такому хроническому отравлению, и стоит ли излечиваться от своей болезни, когда столько антител накопилось?

Это те, кто из леса в город попадает, бегут обратно больные, оглушенные, подавленные, не приемлющие нашей привычной хвори, а мы без нее не можем, как курильщики без табака.

Я расчехлил пехотную лопатку, подценил пласт дерна, сунул под него корбку; потоптался, затрамбовывая почву и пугливо оглядываясь... Ну-с, часть страхов захоронили. Может, и «Волгу» на четвертой передаче в болото спроводить? Нет, жаль.

Теперь куда? К Михаилу рано. Прикинул, какая на мне одежда — сойду за иностранца? — и покатил в «Березку».

Вошел в чистенький, сверкающий всем иностранным магазинчик, побродил меж стеллажей, заставленных блоками с сигаретами, взял три разных; прихватил пузырек с бренди... Дурнком, на смеси ломаного родного языка и относительно чистыми вставками языка не родного, объяснился с кассиршей, сунул в карман 60 долларов сдачи и, довольный, вышел. На улице возле меня возник парень — плечистый, сноровистый, с загорелым лицом; в яркой спортивной куртке; складной зонтик висел у него на боку, как пистолет, изогнутой своей ручкой просунутый в петлю для ремня.

— Рашн иконами... интересуемся? — с хрипотцой зашептал он.

— Сожалею, корешок, нет, — усмехнулся я, глядя на растерянное его лицо и узнавая это лицо... Тот, в свою очередь, признавал меня... Старый клиент. То ли крыло я ему красил, то ли дверь... Владелец «Запорожца» древней модели. Осторожно живет, правильно.

— Чего тут пасешься-то? — спросил я недружелюбно.

— «Капуста» нужна, — ответил он, явно теряя ко мне интерес. — Две тысячи возьмешь? — спросил я с прощней.

— Конечно! — неожиданно согласился он. Один к трем. Только тогда так... Денег под займу и сегодня же здесь, у метро. Выход к стадиону В семь часов. Я на своем клопе подъеду — увидишь. Откатимся в сторонку и махнем... Чтоб не замели.

Я обрадовался. Действительно, обменять эти опасные деньжата и завершить эпопею. Михаилу попрошу подстраховать. Последний раз, скажу... В лес, правда, придется тащиться, покой клада тревожить, но ничего. На минутку решил заглянуть к Олегу. Дать денег на выкуп бранных останков.

Дверь опасливо, на малюсенькую щелочку приоткрылась, и в ней показалось чье-то лицо без щек.

— Олег... — сказал я, как начало пароля.

Щелочка мало-помалу расширилась. Передо мной стояла девчонка лет пятнадцати — худенькая, остроносенькая, веснушчатая и чем-то испуганная.

— Я сестра, — словно оправдываясь, пояснила она пискливым голоском. — У нас несчастье. Вы... друг Олега? А... он йогой занимался. Поза трупa. Ну, расслабление мышц, пирвана.

— Птичка в небе? — севшим голосом спросил я, припоминая.

— Да. И он не мог сесть... Летал... и не мог. Разбился. Ну... психически... Утром отвезли. В больницу.

Доигрался, дурак! Дальнейшее я не слушал. Известие пронзело на меня впечатление ошеломляющее и, выбитый из колеи, расстроенный вконец, я покатил на работу к Михаилу. Там сообщили, что сегодня тот в отгуле — покупает машину. Поехал к нему домой. По пути, на шоссе, тоскуя в компании самого себя, решил несколько отвлечься, посадив голосовавшую девицу.

— Но у меня только рубль! — веско предупредила она. Однако услышав, что денег не требуется, приятно изумилась и впорхнула в салон.

На ней была самодельная юбка-макси из отечественного джинсового материала, однако с тремя затертыми иностранными наклейками и жутко розовая кофта с бисером белых пуговиц. Травленные до лимонной желтизны волосы, мышинного цвета пробор, напудренное личико и белые десны, обнажавшиеся при улыбке.

— «Волга» — машина спокойная, — рассуждала девица умудренно. — У меня у дяди «Волга». Зеленая. Нет, как... цвет морской волны, во. А «Жигули», знаете, ужас, такие шустрики и все время бьются! Я сегодня на работу ехала, так один прямо на глазах... Смотрите — вот! — Она указала на матовую россыпь битого стекла на шоссе.

— Утром! Прямо на глазах! — кудахтала она возбужденно. — Кошмар просто. В такой грузовик с плитами...

— Ладно, — оборвал я ее, по-прежнему думая об Олеге. — Сейчас и мы в грузовик...

Хотела обидеться, но, вспомнив, что едет с филантропом, переключилась на тему погоды.

Дверь Мишкиной новой квартиры открыла его крыса благоверная. В махровом халате, с полотенцем на голове, вся зареванная, вспухшая лицом... видимо, был скандал. Вперилась в меня безумным взглядом заплявших глаз с животной какой-то ненавистью.

— Можно? — галантно осведомился я.

Она открыла рот, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Потом провела рукой у горла, и глаза ее, расширившись, сверкнули так, что мне стало не по себе.

— Входи, — сказала сильным, нехорошим баском.

— Где Миша?

Улыбнулась, застыв лицом. Качнула игриво бедрами. И, раздвигая рот, закричала, вцепившись в меня:

— Там, где и тебе желаю, гад поганый! На том свете! Говорила, не будет вам ничего... Деньги, иконы... — Она подбежала к полой «стенке», выдернула ящик, грохнув его на ковер; выхватила оттуда розово-белый, карамельный цокор червошеч и, бросив себе под ноги, начала топтать их, дергаясь и всхлипывая в истерике. Халат ее расстегнулся, открыл нескладное, тощее тело...

На обратном пути, возле островка осколков, я затормозил. Шоссе было пустым и долго, сидя на корточках, я рассматривал шербатый от вкрапленных бесчисленных камушков асфальт, заляпанный пятнами гудрона, масла и... крови.

Гудящая пустотой квартира обрушилась на меня, повалив на пол... Я подтянулся, опершись локтем на скользко блестящий паркет, вонявший мастикой; увидел перед собой иконы, прислоненные к стене: искрошенные, задернутые пыльно-черной вуалью времени, другие — залитые свежим лаком недавней реставрации, лубочно-пестрые и пачал молитесь... Я шептал: «Господи, господи...» Большие слов не находилось. Потом встал, отрезвленно припомнив назначенную на семь часов встречу. Свидание надо было переиграть на более благополучный день.

...Голубой «Запорожец» покорно стоял возле метро. Знакомая спортивная куртка, призывный взмах рукой...

— С собой? — сразу спросил парень.

— Да... то есть да,— рассеянно ответил я и уже приготовился сесть в машину, чтобы дать пояснения, но сделать этого не сумел: сзади меня стиснули чьи-то уверенные руки, я рванулся, но навстречу мне шагнули люди в плащах, а возле «Запорожца» возникли неизвестно откуда выкатившиеся «Волги».

...— Буду ждать,— просто сказала Ирина на последнем свидании.

Владимир КРОХИН

Тесть с тещей, прихватив ребенка, отправились наслаждаться красотами природы на дачном участке, жена собиралась на дежурство, а я пребывал в ожидании той чарующей минуты, когда квартира опустеет окончательно.

— Ну, я пошла,— сказала жена, нанося последние косметические штрихи перед зеркалом в прихожей.

— Очень долго уходишь,— съязвил я благожелательно.

— Не терпится быстрее остаться одному? — Она захлопнула пудреницу.

— Не скрываю,— заявил я юмористически.

— Тогда и я не буду скрывать. Не хотела сегодня... — Она оглянулась на зеркало, словно испрашивая у отражения согласия на дальнейшее слово. — Есть новость, Володя. Я... встретила человека... Врач, вместе работаем... Нам придется расстаться. Ты об этом давно мечтал, тем более; семья для тебя — обуза...

Я всматривался в ее лицо, заново открывая его, как чужое, незнакомое, неузнаваемое даже... Она нервно усмехнулась, блеснув глазами и тут же опустив их, будто стыдясь и сожалея о своем признании; и было непонятно, чего она ждет от меня — примирения, уговоров, прощения, упреков или же согласия? Да и сам я не знал, что ответить. В сумбуре мыслей остро, как лезвие сквозь вязкую толщу, прорезалась одна, обнажившая корни происходящего: в жене я видел что-то неизменно и безропотно принадлежащее мне, и вдруг это «что-то», сознаваемое отстраненно, бездумно, нашло самостоятельную силу, взбунтовалось и покарало меня — самодовольного эгоиста. Я чувствовал, что все еще можно исправить, как чувствовал и то, что я перед выбором и надо либо перешагнуть черту, либо остаться за ней. Желалось оставить все по-прежнему, простить, во всем обвинив себя, но сделать это мешала обида — горчайшая, слезная, какой не знал никогда, потому как никогда и никто меня всерьез в общем-то и не обижал...

— Тогда... закончена мазурка,— сказал я тихо и ровно. — Собираю манатки. Жаль.

Ничего не ответив, ушла. Некоторое время я смотрел на нее — пересекавшую двор, потом стал одеваться. Задерживаться здесь более не имело смысла.

Шагнул из подъезда в осенний дождичек. Куда податься? К маме? Но что меня встретит там, кроме недовольства? Своя жизнь, возможно, и ухажеры — бабе еще пятьдесят... И тут я — горемыка сирий. К Козлу? Пожалуй, единственный вариант. А если Марина? Если позвонить и грязно соврать, что ради нее порвал, бросил все и ничего не прошу, только знай это, как знай и то, что поступил так, потому что не в силах никому лгать, да и с кем я буду счастлив, кроме нее и кто будет счастлив со мной? Идея омерзительна по сути, но заманчива дьявольски и будоражит настолько, что, за-

дыхаясь от нетерпения, врываюсь в лунно-мерцающий полумрак бело-красной будки и лихорадочно накручиваю диск. Гудки, и пока они звучат — зовуще и длинно, глупость становится осознанной, до вялой тоски обреченной и мысли только о том, как пойду в гараж, каким путем добираться к Козлу, стоит ли покупать бутылку... Вот дурак! Неужели раньше нельзя было найти какую-нибудь бабу? Хоть скрылся бы временно с уютом, завтраками и стиранным бельем. А может, прямо сейчас к жене, уговорить...

— Алло?..

Марина ОСИПОВА

— ...хочу сообщить, что скоро ты будешь отцом семейства. Сказала — как вызов бросила и замерла в ожидании угнетенной досады ответа.

Обрадовался. И до того искренне, буйно, что я, дура, успевшая уже оскорбиться заранее да и вообще бог весть к какому объяснению готовая, разревалась от счастья, уткнувшись в него — сильного, доброго, родного, убаюканная его лаской, поцелуями; чувствуя себя и женщиной и ребенком одновременно.

Отвлекает сухой треск телефона.

— Марина?

Голос узнаю сразу и, узнав, стыну в тяжелой как ртуть ненависти.

В трубке — глубокий, объемный фон, а значит, муж снял трубку второго телефона и, наверняка заинтересованный началом диалога, имеет желание выслушать его до конца.

— Володя? — Злость беснуется во мне, как в паровозной топке пламя, но интонация безупречно ровна и учтива. — Послушайте, милый... — Я перехожу в октаву конфиденса, почти физически ощущая растущую от этого перепада тембра настороженность в соседней комнате, но понимаю, что должна говорить именно так и что еще необходимо — это притворить дверь, дав ей тихохонько, воровски скрипнуть. Скрип удается. Вкрадчивый, боязливый... Будто вижу, как прищурились в надменной иронии глаза мужа...

— Не знаю, в чем цель вашего звонка, — полупешу я, — но, по моему, вам было указано, что ни в общении с вами, ни в ваших ухаживаниях я не нуждаюсь, поскольку у меня есть муж, унижать которого я не желаю даже телефонными разговорами с поклонниками, вам подобными. Вы же...

Речь мою пресекают короткие гудки. Кладу трубку. Подступает противная тошнота, будто кофе перепила. И изнеможение какое-то. На душе гадко. Но и спокойно. Все позади.

Входит муж. Зевая и выгибаясь в истоме спиной — дескать, вот я — безмятежен и прост.

— Кто звонил? — спрашивает безразлично.

— Да, один дурак... — говорю в сердцах как бы.

Он целует меня в висок, нежно водит по лицу кончиками пальцев — мозолистых от гитарных струн. Я прижимаюсь к нему щекой... Счастлива я? И это ли счастье? Да, вероятно. Имеются, конечно, и всякие занозистые нюансики, препятствующие его идеальному восприятию, но это все равно счастье, чью истинность мы знаем в утрате, в невозможности обращения к нему вновь. Его надо хранить. Бережно и рачительно. Счастье — хрупкий предмет.

М. ХАЗИН

МАШИННАЯ ВОЗНЯ

СУДЕБНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Рязанский слесарь Александр Крышкин решил продать «Жигули» своего шурина. На это у шурина были свои глубоко личные причины, касаться которых я не вправе. Но слесарю хотелось, чтобы машина попала, как говорится, в хорошие руки, и он стал подыскивать подходящего конкретного покупателя. Такой вскоре сыскался и предложил за машину тринадцать тысяч. Да и сам Крышкин был не дурак, как он считал, чтобы просить ту цену, которую за нее уплатили.

Покупатель выглядел солидно, то и дело похрустывал изящными пачками сотенных. Когда в комиссионном магазине оценили машину, он тут же выложил «верхушку» — сумму более чем в пять тысяч. Жена Крышкина с «верхушкой» за пазухой дожидалась в машине, пока муж закончит магазинные формальности. По окончании оных муж прошел попрощаться с четырехколесным другом, который служил верой и правдой три тысячи километров, и забрать жену с «верхушкой». Выполнить запланированное ему удалось только частично: в машине какие-то неизвестные люди грубо отобрали у жены деньги, затем не менее ласково вытолкнули ее на руки мужу — морально и материально опустошенную — и укатили.

По мнению Крышкина, это был запрещенный прием. Выражаясь фигурально, удар под дых. И Крышкин ответил на него тоже ударом, но уже не фигурально, а по-настоящему: реальным ножом в реальную, крепкую спину, принадлежавшую Грише Занджяну, жителю благословенной Гары.

Потом Крышкин скажет, что в тот стрессовый для него момент он был уверен, будто Гриша был среди нападавших, которые унесли «верхушку». Занджян это категорически будет отрицать и в качестве доказательства приведет такой неопровержимый факт: именно в это время он купил за 3350 рублей уже поездившую вдоволь «Волгу» для своей бывшей, но до сих пор горячо любимой жены Лилии Извидской.

В свидетели невинно пострадавший Гриша призовет владельца «Волги» С. Лайкова. Однако пенсионер Лайков не хочет быть свидетелем. Он настаивает, чтобы его признали потерпевшим, ибо не такой он дурак, чтобы за такую сумму, задаром, можно сказать, за красивые восточные глаза отдать Занджяну «Волгу», даже купленную двадцать лет назад, но хорошо сохранившуюся. И рассказывает такую заманчивую историю.

Приславший к нему на улице Гриша буквально выудил у него телефон и ежедневно названивал, умоляя продать машину и суля ежегодный отдых в Сочи, где якобы проживал. Наконец, пенсионер согласился отдать «Волгу» за пятнадцать тысяч, но лишь ради того, чтобы избавиться от домогательства. «Верхушку» объемом в 11 650 рублей ему передали до оформления документов в комиссионном магазине, и он спрятал ее у своего молодого, крепкоплечего зятя, дожидавшегося завершения транзакции в своей машине. Но как только бумаги оформили и официальной владелицей «Волги» стала миловидная Лилия Извидская, неизвестные люди напали на зятя, отобрали «верхушку» и скрылись. Объясниться тут же по этому поводу с Занджяном не удалось — какой-то псих саданул того ножом...

— Пожилой человек, а наговариваете на себя, на меня и обманываете гражданина следователя, — укоризненно тряс смоляными кудрями Гриша. — Откуда же у меня пятнадцать тысяч? Моя бывшая жена — честная студентка Харьковского института. Сам я в недавнем прошлом — честный рабочий плодоовощторга. Поэтому я мог себе позволить купить лишь честно оцененную вами машину на скопленные моей женой четыре тысячи.

— Ты ошибся, дорогой, — нежно сказала бывшая жена, — эти деньги дал твой папа...

Оставим всех этих «честных» людей один на один с вершителями правосудия, перед которыми они, как и следовало ожидать, оказались. Те умеют определять, считается ли преступлением и каким именно отъем «верхушек» и продажа машин по цене в пять раз выше номинала.

Мы же зададимся таким вопросом: почему стала возможной и вот уже много лет продолжается эта машинная возня, независимо от исхода которой кто-то из ее участников снимает порой изрядный навар.

Много лет назад машины, сдаваемые в магазины на комиссию, полностью были уравнены в правах с шубами, конфекцией, магнитофонами, бижутерией. Сдатчик (по-торговому — комитент) общался только с магазином, покупателя и в глаза не видел. Это отсутствие контактов благотворно сказывалось на их обоюдном спокойствии ввиду отсутствия корыстных искушений с той и другой стороны.

Затем этот общий порядок, исключавший всякое получение «верхушек», был изменен: продавцу разрешили приводить с собой покупателя за руку. Таким образом, был как бы искусственно создан «черный рынок», а магазин стал его перевалочной базой, где оформляется легальная часть купли-продажи. Невидимые миру суммы находятся в обороте за пределами государственного контроля, что выгодно только архиплутам и протобестиям разных расцветок и мастей.

Не всегда (вот и не знаешь, что сказать «к счастью» или «к сожалению») безбожно грабят продавцов (хозяев машин) и берут их за горло. Иногда им тихо-мирно всучивают так называемую «куклу» в виде пачки туалетной бумаги, с обеих сторон обложенной парчковой купюрой.

Но только иногда. Инженер же В. Бухвалов, например, успешно продал свою новую «Волгу» некоему хлопкоробу М. из Узбекистана, получив «сверху» двадцать тысяч. При этом хлопкороб расплатился действительно честно заработанными деньгами и даже не

счел нужным скрывать это. А иной низкооплачиваемый делец, переплативший толику из своих несправедливых доходов, прикрывается справкой из магазина о шибко уцененной машине, которой якобы грош цена.

Казалось бы, милиция в первую очередь должна быть заинтересована в сокращении числа криминальных автоторговых эксцессов. Ну что, в самом деле, разве нечем занять людей, кроме как разбором жалоб на взаимное облапошивание и порезы при этом спины?

Но взглянемся внимательно в «Типовые правила комиссионной торговли легковыми автомобилями и мотоциклами с колясками» от 19 августа 1982 года. Что это там за малозаметная приписка? Ах да: «Согласовано с МВД СССР».

Автору казалось, что можно отыскать в этом министерстве союзников. Нет, не для установления нового порядка. Для восстановления старого. Тоже, кстати, по всем правилам в свое время согласованного. Возможно, увязывались лишь те пункты, которые касаются ГАИ, но отнюдь не правил торговли. Тогда стоит повторно вернуться к вопросу, ставшему большим. Словом, лучше, чтобы продавцы и покупатели личного автотранспорта через комиссионные магазины персонально не встречались. Как не встречаются они при покупке дубленок и норковых шуб, что вполне может удовлетворить не только клиентов магазинов, но и тех, кто издает, утверждает и согласовывает нормативные документы на комиссионную торговлю. Тем более что это как раз и соответствовало бы гражданскому законодательству.

А. ШИНКАРЕВ

ТАЙНЫ ХОРОШЕЙ КУХНИ

ЮМОРЕСКА

В адрес редакции популярной газеты пришла бандероль, а в ней камень. И не какой-нибудь там редкий самоцвет. Обыкновенный булыжник. На всякий случай направили экспертам с просьбой дать заключение. Оказалось, булыжник — вовсе не булыжник, поскольку к известным науке земным породам не принадлежит. Наиболее смелые из ученых мужей предположили, что он скорее всего метеоритного происхождения. И уж совсем было хотели пополнить этим экспонатом астрономический музей, да редакция решила — на всякий случай! — запросить о точном месте находки необычного камня. И тут выяснилось, что «метеорит» найден в городской столовой № 8, где он проходил в меню под названием «бифштекс».

После этого газета взялась за общепит всерьез. К Василию Васильевичу Перчикову, опытному и потомственному кулинару, направился специальный корреспондент и так хитровато спросил:

«Поделитесь профессиональными секретами, раскройте тайны хорошей и вкусной пищи, а главное, разъясните: откуда у наших поваров такая скромность — уж очень они стесняются демонстрировать свое исключительное кулинарное искусство рядовым посетителям столовых и ресторанов». Показал журналист Василию Васильевичу увесистую папочку писем, пришедших в редакцию, в которых читатели делятся с газетой своими мыслями об общественном питании. При этом с содержанием большинства посланий корреспондент предпочитал знакомить в собственном пересказе — из-за отдельных неудобоваримых слов, которыми авторы характеризовали мастерство местных кулинару.

— Да, поднакипело у обществу,— начал свое интервью потомственный кулинар.— Но во всем ли виноваты люди в белых колпаках? Давайте бросим взгляд чуть дальше собственной тарелки. Вот вы, творческие работники — поэты, композиторы, художники, писатели. Часто ли вы ищете своих положительных героев среди представителей нашего цеха? О каком профессиональном престиже можно говорить, если единственным произведением о кулинарах, которое получило общенародное признание, до сих пор остается басня Ивана Андреевича Крылова «Кот и Повар». А ведь с тех пор многое изменилось. Наш повар перед каждым Васью распинаться не будет. Нашло это отражение в искусстве, музыке, поэзии? Не нашло. Пора создать незабываемый облик кулинара, о котором мечтает наше общественное питание. Каким я его себе представляю? Это личность, интеллектуал, искатель и изобретатель. Он в курсе всех новинок, следит за иностранной литературой, восстанавливает давно забытые рецепты народной кухни и творит, творит, творит...

А наука? Ученые еще в большом долгу перед тружениками плиты и кастрюли. Современной кухне нужны самые последние достижения химии, биологии и психологии, автоматики и телемеханики, нужны лазеры и мазеры, ЭВМ в последнем поколении...

В редакцию журналист вернулся с пухлым блокнотом и в неподнятом, творческом настроении, готовый начать всеобщую дискуссию о возможных видах питания.

Да и на Василия Васильевича беседа с представителем прессы произвела глубокое впечатление. Даже в ответственный момент разделки мясной туши в его глазах сияли светлые горизонты, которые открывает перед общепитом научно-техническая революция. И он вдохновенно распорядился:

— Значит, так. Первый кусок Федору Павловичу — от него заедут. Лариса Львовна сама заглянет. Борису Самуиловичу — святое дело. Петру Васильевичу? Это еще надо подумать. Сидору Петровичу? Ну тут думать нечего. Да, предпрофкома бы не забыть. Что там дальше? У жены — ателье, у сына — кооператив, у дочери — бассейн, у племянницы — свадьба, у дога — аппетит, в книжном магазине — подписка на Диккенса. Теперь коллектив. Им пренебрегать тоже нельзя. Они что, не люди? Все хотят, чтобы дети в спецшколу ходили и Дюма на полке стоял. Да тут бегемота положи — и то не хватит! Нет, действительно без ЭВМ тяжело...

зарубежная мозаика

КАК СО СПРОСОМ НА ВЕРБЛЮДОВ?

Закончился самый длинный в истории Дании судебный процесс. Он длился девять лет. Юрист Могенс Глидstrup, депутат парламента и преподаватель налогового права в Копенгагенском университете, приговорен за уклонение от уплаты налогов и другие мошенничества к трем годам тюремного заключения, к выплате задолженности по налогам на сумму миллион крон и штрафу такого же размера. Хитроумность этого юриста поразительна. Чтобы уклониться от налогового обложения, искушенный в законах преподаватель налогового права основал 2700 (!) фиктивных фирм, среди которых значилась даже «Компания по импорту в Данию верблюдов»!

ПОЖАРНИКИ НАОБОРОТ

Попал на скамью подсудимых Витторио Пиллери, 46-летний атаман банды в Кальяри, Сардиния. Пиллери является самым крупным на острове специалистом по пожарам. На них специализировалась и вся его банда. Не на тушении, конечно, а на поджогах. Подручные Пиллери поджигали виллы по заказу их владельцев. Нечистоплотные дельцы из ФРГ, Голландии и Греции застраховывали принадлежащие им виллы на сумму, значительно превышающую их фактическую стоимость, и получали от страховых компаний крупные суммы.

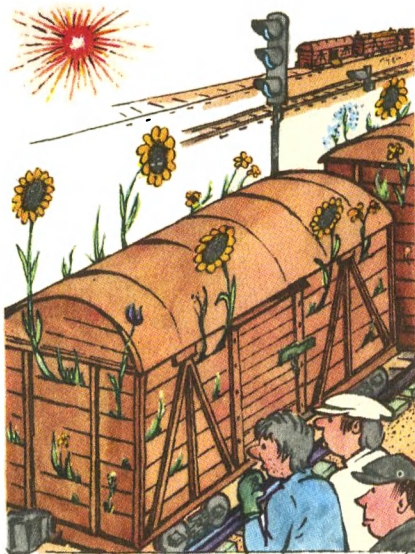

ЗАОЧНИКИ ПО-АМЕРИКАНСКИ

В Соединенных Штатах получить диплом о высшем образовании проще простого. Для это-

го достаточно иметь примерно 25 тысяч долларов. Впрочем, есть дипломы и подешевле. Дело в том, что многим американским фирмам провозгласить себя «институтом» не так уж сложно. А институт вправе выдавать дипломы врачам, адвокатам и других специалистов. ФБР расследовало эту практику и обнаружило, что некий «психотерапевт», не обладая никакими познаниями в медицине, имел обширную частную практику. Не менее невежественный, но тоже дипломированный фирмой-институтом «онколог» завел собственную клинику. Больше того, такие же липовые «специалисты» стали экспертами в правительственных учреждениях.

— Ну вот, а сказали, что мы
будем разгружать вагоны с се-
менами...

Рис. В. Тамаева

— Пройдешь по одной поло-
вице — приступай к работе!

Цена 60 коп.

Индекс 71075.

